ФОМА

www.foma.ru
православный журнал для сомневающихся

«Фома» — журнал для тех,
кто хочет разобраться
и получить ответ на вопросы
о смысле жизни, вере и сомнениях.

Мы не просвещаем «темных»
и не обращаем «заблудших».
Мы просто хотим искренне и открыто говорить
о любви, радости и боли.
О том, что всем нам так близко.

И, может быть, если мы сохраним
эту искренность и жажду понять,
истина явится нам...
Как когда-то давно Сам Христос явился
измученному Фоме.
Чтобы тот, наконец, поверил...

Телефон «горячей линии» подписки:
8-800-200-08-99
Звонок бесплатный

Менеджер по подписке Эдуард Вайнштейн
(495) 369-56-36; podpiska@foma.ru
Менеджер по рекламе Оксана Сапрыкина
(495) 335-52-08; reklama@foma.ru

4 607122 070018

спецвыпуск 2008

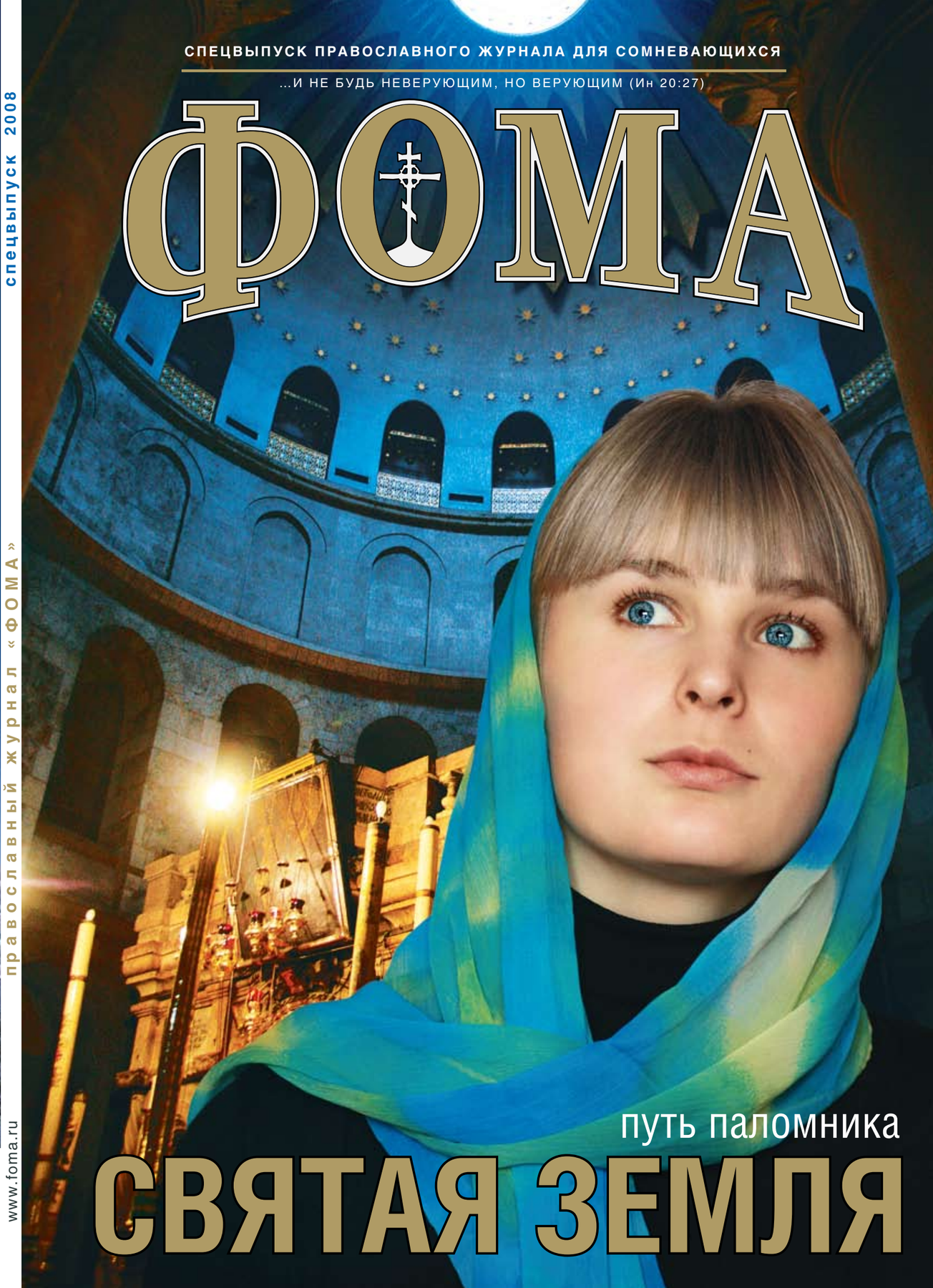
православный журнал «ФОМА»

www.foma.ru

СПЕЦВЫПУСК ПРАВОСЛАВНОГО ЖУРНАЛА ДЛЯ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

...И НЕ БУДЬ НЕВЕРУЮЩИМ, НО ВЕРУЮЩИМ (Ин 20:27)

ФОМА



путь паломника

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия

Фото протоиерея Игоря Гнелицева

Дорогие братья и сестры!

Возрождение Православия в нашей стране совпало с появившейся у россиян возможностью беспрепятственно выезжать за пределы страны, посему возрастает интерес наших соотечественников к традиции поклонения местам земного подвига Господа нашего Иисуса Христа.

В минувшем 2007 году мы отметили 900-летие «Хождения» игумена Даниила — первого русского паломника, оставившего письменное свидетельство о своем пути, о тех чувствах, которые испытывает христианин, сподобившийся побывать на земле, по которой ходил Спаситель.

За эти девять столетий в русской Церкви сложилась своя паломническая традиция, немало русских паломников оставили свой след на Святой Земле.

Ныне Иерусалим уже невозможно представить без русских монастырей, возведенных когда-то нашими предками. Потому особенно отрадно видеть, как в наше время люди, устремляющиеся на землю Евангельской истории, спешат посетить ее не просто в качестве туристов, но как православные христиане.

Церковь стремится как можно больше говорить не столько даже о традициях подобных путешествий, сколько об их главной цели, ради которой люди с радостью преодолевают немалые лишения и трудности такого путешествия.

Отрадно, что этот выпуск журнала «Фома» посвящен весьма важной теме паломничества на Святую Землю. В XIX веке вместо слова «паломник» в русском языке использовался созвучный ему аналог: людей, отправляющихся в Святую Землю, называли поклонниками, и это весьма точно отражало цель их путешествия.

Для любого христианина центром и смыслом его жизни является Господь Иисус Христос, пришедший в наш мир и претерпевший страдания за грехи человеческие. На Него непрестанно обращен взор всей Церкви, и именно во имя Его мы отправляемся посетить и поклониться святым местам, связанным с Его земной жизнью, прочувствовать величие евангельских событий. Христиане веками стремятся побывать на Святой Земле. К этой верности традициям православного паломничества хочу призвать и всех вас.

Выражаю надежду, что журнал «Фома» станет для многих верным спутником в таком путешествии.

Божие благословение да пребывает со всеми вами, совершающими неблизкий путь к местам земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Фото ИТАР-ТАСС

Митрополит Смоленский и Калининградский, КИРИЛЛ,

Председатель
Отдела внешних церковных связей
Московского Патриархата

Суметь пережить чудо

Христиане из разных уголков нашей планеты издавна стремятся побывать там, где произошли события, запечатленные на страницах Евангелия.

В местах, освященных страданиями Спасителя, возникает особенное чувство реальности того, что происходило две тысячи лет назад, и бывает легче настроиться на молитву. Однако православному сознанию близко понимание того, что без серьезных духовных усилий, без стремления к покаянному преображению жизни любое прикосновение к святыне может оказаться бесплодным.

С давних пор паломничества сопровождались сложностями и лишениями, воспринимались как труд, понесенный ради Бога. Большую часть пути паломники проделывали пешком, проходя через разные страны и подвергаясь немалой опасности. Зачастую обещание посетить Святую Землю связывалось с особыми событиями в жизни человека. Духовно переживая путь в Иерусалим, многие паломники брали на себя подвиг поста и молитвы. Сознавая, насколько важно с чистым сердцем приступить к столь великим святыням, которыми являются места земной жизни, крестной славы и воскресения Христа, они старались как можно лучше подготовить себя к этой встрече. И бывали вознаграждены за это слезами искреннего покаяния, приносящими покой и радость в сердце человека.

Многие из переживших встречу со Святой Землей по возвращении на Родину рассказывали о ней соотечественникам. Некоторые странники оставили письменные свидетельства о своем путешествии. Чтение таких повествований было излюбленным делом на Руси, где каждому сердцу был дорог идеал святости и чистоты.

Одним из проявлений теплого отношения русских верующих к земле Палестины была искренняя помощь ее православным жителям в годы, когда они испытывали притеснения со стороны иноверных властей. В такие времена щедрость нашего народа — от самых простых людей до государственных мужей — являлась большим подспорьем в сохранении и поддержании святынь Палестины.

В феврале 1847 года по благословению Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Кирилла и с разрешения местных властей император Николай I издал указ об учреждении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Такое решение было вызвано заботой о нуждах большого числа русских паломников, прибывавших в Святую Землю. В 1882 году было создано Императорское Православное Палестинское Общество, которое, совместно с Миссией, активно развернуло просветительскую, благотворительную и научную деятельность в Палестине. Память о трудах наших представителей в Святой Земле до сих пор с благодарностью хранится в сердцах местных жителей.

Усилиями руководства Миссии и Общества рядом со многими святыми местами Палестины были воздвигнуты храмы, монастыри и странноприимные дома. В XX веке, в силу известных причин, часть из них была утрачена.

Сегодня активно ведется возрождение русского наследия в Палестине. Для многих тысяч паломников из России вновь стало доступно посещение мест, священных для всех христиан. Не столь быстро, но все же возвращается и осознание того, что паломничество — это не просто разновидность туризма, а воплощенное стремление верующего сердца принести Богу искреннее покаяние и обещание добродетельной жизни. Возрождая многовековую традицию паломничества, не стоит забывать о ее духовной сути. Тогда, подобно нашим предкам, мы сможем вновь и вновь переживать чудо духовного преображения у мест, которые освятил Своими стопами Сам Спаситель рода человеческого. ■

ФОМА

православный журнал

Разрешено к печати Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-22909 от 20 января 2006 года.

Спецвыпуск

Анатолий ТОРКУНОВ
/ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА /
Ректор МГИМО(У) МИД России, член-корреспондент РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Юрий ВЯЗЕМСКИЙ
автор и ведущий телепрограммы «Умники и умницы»
Иван ДЕМИДОВ
академик Академии телевидения России
Игорь МЕЩАН
член правления Фонда преп. Серафима Саровского
Ярослав СКВОРЦОВ
декан факультета международной журналистики МГИМО (У)
священник Игорь ФОМИН
настоятель храма св. блгв. кн. Александра Невского при МГИМО (У)
Алексей ШЕСТОПАЛ
зав. кафедрой философии МГИМО (У)

РЕДАКЦИЯ:

Владимир ЛЕГОЙДА / ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР / lvr@foma.ru
Владимир ГУРБОЛИКОВ / ПЕРВЫЙ ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / gurbol@foma.ru
Арсений РУСАК / ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА / otvetsek@foma.ru
Анастасия ПАССОВА / АРТ–ДИРЕКТОР / passova@foma.ru
Дарья РОЩЕНЯ / ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК / daros@foma.ru
Алина ДАЛЬСКАЯ / РЕДАКТОР РАЗДЕЛА «ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ»/ alina@foma.ru
Виталий КАПЛАН / РЕДАКТОР РАЗДЕЛА «ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ» / kapvit@foma.ru
Алла МИТРОФАНОВА / ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / amitrofanova@foma.ru
Александр ТКАЧЕНКО / ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / zabor67@mail.ru
Алексей СОКОЛОВ / ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / sokolov@foma.ru
Елизавета КИКТЕНКО / ОБОЗРЕВАТЕЛЬ / ekiktenko@foma.ru
Светлана ГАДЖИНСКАЯ / КОРРЕСПОНДЕНТ
Владимир ЕШТОКИН / ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ
Марина КОРОВКИНА / ФОТОРЕДАКТОР / bild@foma.ru
Юрий ЗЕЛЕНЦОВ / ВЕРСТКА, ПРЕ-ПРЕСС
Алла СТЕЦУН / ЦВЕТОКОРРЕКЦИЯ
Людмила МАКАРКИНА / КОРРЕКТОР
Наталия НИКОЛАЕВА / КОРРЕКТОР

ДИРЕКЦИЯ:

Игорь МЕЩАН / ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР /meshan@foma.ru
Татьяна ПЛАХОТНИК / ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР / books1@foma.ru
Мария КИТАЕВА / КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР
Дарья ЗАТУЛИНА / СПЕЦПРОЕКТЫ / dzatulina@foma.ru
Эдуард ВАЙНШТЕЙН / ПОДПИСКА / podpiska@foma.ru
Наталья АНДРЕЕВА / РАСПРОСТРАНЕНИЕ / semenov@foma.ru
Ксения САПРЫКИНА / РЕКЛАМА / reklama@foma.ru
Александр ПРИСЯЖНЮК / ВОДИТЕЛЬ
Александр ГУРБОЛИКОВ / РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНЫХ СЕТЯХ
sales@foma.ru (495) 246-74-92

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

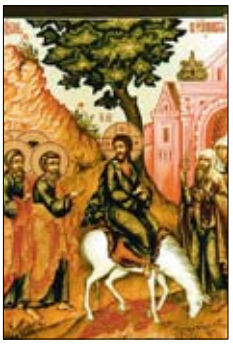
105318, г. Москва, а/я 99. Тел.: (495) 369-5636
Телефон «горячей линии» подписки: 8-800-200-08-99
По вопросам рекламы обращайтесь: **reklama@foma.ru**

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Санкт-Петербург: ул.Миргородская, 1-Б, Приход храма Феодоровской иконы Божьей Матери. Директор: Денис МАХАНЬКО / makhanko@foma.ru.
Редактор: Анна ЕРШОВА / ershova@foma.ru. Зам. директора по развитию: Надежда ОБРЯДИНА / prspb@foma.ru. **Тел.** (812) 717-6672.
Нижний Новгород: Ярмарочный пр-д, 10. Ольга СИДОРОВА,
Тел.: (831) 246-73-87.
Иваново: протоиерей Андрей ЛЬВОВ / тел.: 8 (910) 985-12-20, 8 (4932) 58-9988
Екатеринбург: Маргарита ЯКУНИНА / тел.: 8(904) 980-4225;
sitdikova@sgtrk.ru
Тюмень, Тобольск: «Сибирь Православная», 625032,
ул. Республики, 60. Тел.: (3452) 317-699, (3452) 317-539.
Челябинск: ул. Кыштымская, д. 34, каб. 3. Ольга КРЮКОВА, тел.: 8 (351) 727-1050.
Приморье: Приморский край, г.Владивосток. ул. Овчинникова д.4 кв 55. Олег Петрук.
тел.: 8-908-441-5757.
Республика Беларусь:
Бобруйск: а/я 97, Бобруйск–7, Могилевская обл.
Татьяна СИВАКОВА. Тел.: +375 225 556699, и моб. +375 29 1097437.
Литва: Liepkalnio g. 19; LT-02105, Vilnius; Lietuva /Lithuania
священник Константин ЛАЗУКИН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция в переписку не вступает. Тираж спецвыпуска 10.000
Отпечатано в УПК ЗАО «Алмаз-Пресс». тел.: (495) 781-19-99
Редакция журнала «Фома» чрезвычайно признательна за поддержку: Архиепископу Нижегородскому и Арзамасскому Георгию, протоиерею Владимиру Силовьеву, иерею Николаю Емельянову, протоиерею Алексею Семкину, Нине Николаевне Китаевой, Сергею Владиленовичу Габестро, Дмитрию Петровичу Зайцеву, Леониду Александровичу Казинцу, Алексею Николаевичу Захарову, Димитрию Павловичу Андреенкову. Также просим помолиться о рабах Божиих Дмитрии, Игоре, Феодоре, Андрее, Алевтине, Марии, Дмитрии, Александре, Алексее и Дмитрии за их безвозмездную помощь редакции нашего журнала.
1-я страница обложки — фото Владимира Ештокина

Мы благодарим Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата и лично протоиерея Николая Балашова за помощь в работе над этим номером.



Содержание:

2 **Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия II**

4 Владимир ЛЕГОЙДА. **То, что всегда с тобой**

Вопрос номер один

6 **Что для Вас значит Святая Земля?**

Грани

10 **История православного паломничества**

ТЕМА НОМЕРА: Путь паломника

16 Алексей СОКОЛОВ. **Дорога к свету**

ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА

Ортодоксия

31 Епископ Егорьевский МАРК. **Паломник или турист?**

Мир Библии

34 Священник Димитрий ЮРЕВИЧ**. Мнимые тайны Кумрана**

Числа

38 **Русские святые, посетившие Святую Землю**

40 Сергей ЖИТЕНЁВ. **Памяти преподобномученицы Елисаветы Феодоровны (Романовой)**

ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ

Личное

43 Игорь МЕЩАН. **Огонь**

Современники

46 Петр СТЕГНИЙ. **Над небом голубым…**

Личное

50 Илья АРХИПОВ. **Помоги моему неверию**

Дело

52 Алексей СОКОЛОВ. **На чем строится церковное единство**

Позитив

54 **Отпечаток Палестины**

Личное

62 Алексей ПИЩУЛИН. **Аще забуду тебе…**

Дело

64 Алексей СОКОЛОВ. **Школа добрых дел**

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Настоящее прошлое

71 Николай ЛИСОВОЙ. **Духовный центр мира**

Галерея

78 **Святая Земля в акварелях**

Чтение

86 Татьяна Масс. **Его взгляд**

Что читать

96 **ПУТЕВОДИТЕЛЬ**

Отклики

Эпилог

Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ

Фото Владимира Ештокина

Владимир ЛЕГОЙДА,
главный редактор
журнала «Фома»

То, что всегда с тобой

Мне посчастливилось быть на Святой Земле пять раз. Быть в предпасхальное время. И всякий раз Святая Земля поражала меня тем, что опрокидывала стереотипные ожидания: самые сильные, самые глубокие переживания настигали меня вовсе не там и не тогда, где я предполагал. Первая встреча со Святой Землей запомнилась особенно... Мы приехали всего на четыре дня и оставались до сошествия Святого Огня. Я был уверен, что это и станет самым сильным впечатлением. Но оказалось — нет. Святая Земля для каждого раскрывается по-своему; меня поразил крестный ход в Страстную Пятницу по Крестному Пути Христа.

Иерусалим. Крестный ход по Крестному Пути в Страстную Пятницу. Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий несет Святой Крест. Фото протоиерея Игоря Пчелинцева.

Ученые спорят, правда ли именно этой дорогой шел Христос из темницы на Голгофу. Не знаю, но тогда я совершенно отчетливо ощутил *свое участие в евангельской истории*. Накануне был светлый, теплый четверг. И вот пятница, утро. Ни туч, ни ветра. Вдруг неожиданно темнеет — без всякой мистики: поднимается ветер, несущий из пустыни песок, пасмурнеет небо. И на глазах начинает сбываться евангельская история. Впечатление усиливал еще и людской поток: двигается толпа и на разных языках поет: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое поем и славим!» И не было в этом пении разнобоя, несогласованности: русские, грузины, сербы, американцы — просто пели вместе, и это было невероятно красиво.

Мы идем, и наша большая толпа окружена еще большим миром, который настроен по отношению к нам безразлично или враждебно. Современный Иерусалим — торговцы, запахи, полицейские. Взгляды солдат, взгляды людей — недоуменные, любопытные, с презрением. Ты должен через всю эту опьяненную жизнь пройти и выйти к настоящему: к жизни вечной. Выйти через страдание, через смерть, через Голгофу. Это было очень сильное впечатление, глубокое и неожиданное…

Я вернулся в Москву. Мне казалось тогда, что здесь ничего подобного пережить нельзя: нужно быть именно на Святой Земле, именно в это время. А на Светлой седмице с группой своих студентов я поехал в Саров. Мы прошли по памятным местам, связанным с жизнью и молитвенными подвигами преподобного Серафима. Сопровождающий рассказывал: вот эту речку преподобный называл Иорданом, вот этот холм он называл Голгофой и т. д.

В этот момент все соединилось: я ощутил в высоком смысле единство времени и пространства. Правду вечности. Конечно, нужно быть преподобным Серафимом, чтобы ощущать себя внутри евангельской истории и не уезжая на Святую Землю. Нам по немощи нашей проще пережить какие-то чувства, находясь рядом со святыней. Но при этом нужно стремиться к такому состоянию, когда близость Бога ощущается в любом месте. Вне зависимости от того, где ты находишься. В твоем сердце.

Такое настроение мы старались передать читателям, работая над этим номером. Чтобы паломники не просто увозили частичку Святой Земли в своем сердце. Но чтобы, побывав на Святой Земле и напитавшись этой силой, научились видеть Бога всегда. Потому что Он всегда с нами. ■

Панорама Вифлеема — города, где родился Спаситель.
Фото Владимира Ештокина

Вопрос номер один

Что для Вас Святая Земля?

ФЕОФИЛ,

Патриарх Иерусалимский, Израиль

Фото Владимира Ештокина

Возможность прикоснуться к истине

Святая Земля — место, которое свидетельствует нам о Господе. Об истине, которую Он явил нам.

Когда-то люди имели расплывчатые представления о Боге. Греческие философы создали свою метафизику, пытавшуюся описать Его, но только воплощение Иисуса Христа позволило заменить наши абстрактные знания опытом личной Встречи. Так же и истинность христианства становится не просто понятной, а реально ощутимой, когда оказываешься на Святой Земле. Особенно в Иерусалиме, где произошло Распятие и Воскресение нашего Спасителя.

Лично мне Иерусалим важен тем, что удерживает меня от соблазна различными идеологиями и учениями, глобализацией и упразднением границ. Святая Земля не дает успокоиться, не дает увлечься абстрактной метафизикой, потому что здесь как-то особенно ярко ощущаешь *действительность*. Кроме того, каждый здесь имеет возможность увидеть трагедию человека и понять, чем был и мог бы стать наш мир, если б в нем не было Христа.

По-моему, это прекрасно — жить здесь и быть хранителем великих святынь этой земли.

Кира ПОЗДНЯЕВА,

корреспондент РИА Новости в Гонконге, Китай

Фото из архива автора

Место, где Вечность становится реальной

Я совсем не строила планов на поездку в Святую Землю, как все нормальные христиане. Более того, мне совсем не хотелось туда ехать — не очень люблю юг и жару. Но так случилось, что муж скомандовал: «Едем!» — и я поехала.

Не могу сказать, что ждала от поездки чего-то особенного. Представляла, что ждут великие святыни, но не думала, *что* они будут для меня значить уже через неделю.

Понимание это пришло не сразу. Первое яркое впечатление, которое почему-то зацепило сердце, — это Овчая купель. Вернее, рассказ о том, как в ней лежало древо, из которого потом сделали крест. Тяжелый, напитанный водой.

Потом — Гроб Господень, Синай. Не знаю, что произошло со мной за десять дней паломничества, но, совершенно против своей воли, я не просто привязывалась, а корнями прорастала в эту землю. Понимала, что приеду сюда еще много раз. Просто не смогу не приехать!

Казалось, что все представления о Евангелии и о Христе были до этого немыми черно-белыми картинками.

Бывает, что, рассматривая фотографию дорогого человека, заметишь какую-нибудь деталь, которую не замечал раньше, и умилишься всей душой. Так же и здесь. Вот оливы Гефсиманского сада, под которыми ходил Христос. Вот нежные лиловые очертания Моавских гор, которые Он не мог не видеть. И этот прохладный ветерок, который дует в Иерусалиме летом после полудня, наверняка приносил облегчение от жары и Ему.

В Святой Земле не чувствуешь времени. Не только бега часов, но и времени, в котором ты живешь. Здесь становится реальной и очевидной Вечность. Настолько, что, кажется, можно потрогать ее рукой.

Наверно, поэтому с такой верой звучали слова молодой монахини Гефсиманского монастыря, которые я запомнила на всю жизнь и которые светили мне в трудную минуту: «Разве страшно умирать? Ведь *там* — Христос!»

Мария ЮРЬЕВА,

архитектор, Москва

Фото из архива автора

Возвращение домой

Для меня Святая Земля — духовная родина. Первый раз я побывала там, когда мне было всего двенадцать лет. Больше всего тогда меня поразило, что, ступив на заграничную землю (а во времена моего детства понятие «заграница» имело совершенно особый смысл), я ощутила, что нахожусь дома. В каком-то неуловимом привкусе, запахе этого места я почувствовала что-то родное и близкое...

Конечно, на детское воспоминание накладывались впечатления от всех последующих поездок на Святую Землю. Но каждый раз это было возвращение на родину. Да, ты приезжаешь в страну, где говорят на другом языке, но именно здесь зародилось все то, что давно живет в твоем сердце. Это поразительно, потому что пережить подобное можно лишь во время богослужения и глубокой молитвы…

Михаил ЛЕОНТЬЕВ,

телеведущий, главный редактор журнала «Профиль», Москва

Фото из архива журнала «Фома»

Реально явленное чудо

На Святой Земле мне довелось побывать два раза, и оба — на схождении Благодатного Огня. Сам Огонь и все, что я видел вокруг, — огромное душевное потрясение, мало с чем сравнимое. Литургия в местах с евангельскими названиями… Экскурсия, когда от слов «посмотрите, это Гефсиманский сад, а это Масличная гора» все у тебя внутри переворачивается…

Во второй поездке меня особенно поразил именно Гефсиманский сад. Это был апрель, пора цветения. И монастырь Марии Магдалины, который еще недавно был для россиян чужим, «зарубежным», принял нас как родных. Это, по сути, была материализация преодоления нашего раскола с Русской Православной Церковью Заграницей.

Само схождение Огня — это реально явленное чудо, не каждый день и даже не раз в жизни удается увидеть такое. Потом уже нас ждало возвращение с благодатным огнем на родину. Когда мы ехали с ним в первый раз — все было в диковинку, второй раз это уже был народный праздник, когда тысячи машин развозили лампадки с Огнем из Внуково в десятки храмов России.

Константин КИНЧЕВ,

лидер рок-группы «Алиса», Москва

Фото Юлии Кришневой

Моя третья Родина

Святая Земля и все, что связано с Иерусалимом, — настолько серьезные и важные темы в моей жизни, что об этом говорить достаточно сложно.

У меня есть три Родины. Первая — «физическая» — это Москва, город, в котором я родился, вырос и живу. Вторая — Санкт-Петербург — город, в котором я стал тем, кем являюсь, рок-музыкантом Константином Кинчевым. Эту возможность мне подарил Питер, поэтому его я считаю своей «душевной» родиной. А Иерусалим — родина духовная.

Когда я первый раз приехал туда, я находился в поиске Главного, и это Главное мне открылось со всей очевидностью именно на Святой Земле. После возвращения домой я принял Крещение и стал православным, было это в 1992 году. Потом я много раз бывал на Святой Земле: и на Фаворе, и в Вифлееме, и на Иордане — и всякий раз ощущал трепет от соприкосновения с Вечностью. Там каждый камень пропитан чудом и благодатью — только принимай и благодари, что и пытаюсь делать.

Светлана ДРУЖИНИНА,

кинорежиссер, Москва

Фото Натали Кувановой

Я поняла, что такое катарсис

В самом слове Святая Земля есть нечто, что освещает ваше сердце, ваш разум, всю вашу жизнь. Святая — это и свят, и свет, всё в этом слове.

Я была в Иерусалиме один раз и очень давно — уже в прошлом веке, с картиной «Гардемарины». Самое главное в той поездке для меня было не презентовать кинофильм, а именно побывать в Старом Иерусалиме, своими глазами увидеть места, где происходили Евангельские события. И как только у меня возникла маленькая пауза в работе, я сразу воспользовалась ей.

Это не была экскурсия, я шла одна по всему восточному Иерусалиму: от русского монастыря на Масличной горе — к храму Гроба Господня на Голгофе. Виа Долороса — улица Крестного Пути Спасителя — была совсем не такой, какой мы привыкли видеть ее по телевизору: нет паломнических толп, под палящим солнцем мерно шествуют люди в чалмах, ветер гоняет по дороге мусор и обрывки газет... До полуночной службы оставалось много часов, и мне позволили остаться на территории Храма Гроба Господня: за мной были заперты высокие, тяжелые ворота, и я осталась в абсолютном одиночестве. Я села на скамейку, до блеска отполированную за века миллионами паломников, и стала ждать. В десять часов начался перезвон колоколов, которые отзывались и вторили друг другу по всему городу... Я поднялась к месту, где две тысячи лет назад стоял Крест, и молилась: «Господи, это невероятно, но я стою перед Тобой на коленях, и мне дозволено великое чудо — быть тут». После, спустившись, легла на лавку паломников; и в полузабытьи перед моими глазами прошла вся жизнь: дети, родные, вся моя правда и неправда. А дальше была служба, на которую собрались русские, украинские, болгарские паломники — и все радовались, обнимали и целовали друг друга.

...Перед рассветом я шла по темному, пустынному Иерусалиму к автобусной остановке и думала: даже если сейчас кто-то нападет на меня, мне ничего не страшно, потому что душа моя стала другой, у меня будто началась новая жизнь. Именно в те минуты я поняла, что такое катарсис, слезы очищения. Это не боль, даже не сумасшедшая радость — это ощущение вознесения.

И всякий раз теперь, когда мне бывает не по себе, когда ➥

КОВЧЕГ
паломническая служба
лиц. 77-АФ-23446

Недорогие православные поездки
по Святым местам России и зарубежья

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ
Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Иордан и др.
Группу сопровождает православный священник
Возможность индивидуальных программ

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ
Соловки, Дивеево, Оптина пустынь,
Псков, Петербург, Ярославль, Вологда,
Годеново, Серпухов, Себено,
Свято-Алексиевская пустынь,
Троице-Сергиева Лавра

Диспетчерская служба работает
в будни с 11.00 до 20.00
Наши телефоны:
Поездки по России: (495) 661-36-88
(многоканальный),
тел./факс: (495) 441-43-27.
Зарубежные поездки:
(495) 695-29-85; 514-77-81; 504-75-57.
e-mail: 01@cxolii.ru; **www**.cxolii.ru;
www.kovceg.ru.
Наш офис: Москва, м. Кропоткинская,
Соймоновский пр-д, д. 7,
оф. 21, 2-й подъезд
(30 метров от Храма Христа Спасителя).

у меня возникают проблемы — я вспоминаю ту святую ночь. И моя душа успокаивается. И я говорю: «Господи, не дай мне забыть, что на все святая воля Твоя, и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить».

Сергей ГАБЕСТРО,

исполнительный директор Благотворительного фонда Преподобного Серафима Саровского, Москва

Фото Владимира Ештокина

Дверь в другой мир

Для меня Святая Земля как дверь в другой мир, которую Господь мне отворил. В 2003 году я приехал в Иерусалим туристом, а уехал человеком с изменившимся мировоззрением, паломником, который знал точно, что непременно вернется сюда.

Это был момент просветления в одночасье, как по мановению волшебной палочки: прикоснувшись к святыне, я поднял голову и вдруг понял, что все теперь стало другим. И, главное, другим стал *я*. А ведь сначала я просто обезьянничал: «Все вокруг так делают — значит, и мне надо!» Но тот религиозный опыт, что ты получаешь на Святой Земле — твой личный, настоящий, не копированный. Произошедшее со мной было обновлением, а преображение — делами, поступками — происходит уже сейчас.

А еще Святая Земля — место, где ты ощущаешь себя без тяжелого груза проблем и забот, без того рюкзака, что висит все время на твоих плечах. В святом месте легко. Ты летаешь! И даже радость твоя — другая, иного свойства, чем радость мирская, повседневная.

Юрий КАРАСЕВ,

первый заместитель директора филиала ОСАО «РЕСО-Гарантия», Санкт-Петербург

Фото из архива автора

Трепет и любопытство

Трудно говорить о том, чего ты не видел, — я, к сожалению, еще не бывал в Израиле и Палестине. Но, как и любой верующий христианин, я очень много думал о Святой Земле.

Святая Земля вызывает во мне и трепет, и простое любопытство. Любопытство однозначно подталкивает меня к путешествию, а трепет — удерживает. Я боюсь не встретиться там со святостью или, точнее, пропустить ее дыхание по своей *неготовности*…

Но я жду и почти не сомневаюсь, что однажды все совпадет, и я побываю в Иерусалиме со своей семьей. Дай Бог! Пока же, бывая в паломнических поездках по храмам и монастырям моей родины, я переживаю это как тоже посещение Святой Земли. Ведь когда Пресвятая Троица являлась преподобному Александру Свирскому или когда стоял на камне в многодневной молитве преподобный Серафим Вырицкий, я уверен: земля наша Господом освящалась.

МАРИЯ,

монахиня Горницкого монастыря, Иерусалим, Израиль

Фото Кирилла Вяка

Святые места — это иконы

В Иерусалим я приехала однажды… и осталась навсегда, волею судеб Божиих. Прожив здесь столько лет, я уже не чувствую себя гостьей — я дома.

Израиль — земля ветхозаветных пророков, патриархов, апостолов. Но, прежде всего, это земная родина Христа. Святые места — это вечные свидетели свершенных событий, которые поменяли естественный ход истории. Это живая икона, а, по учению Церкви, святым местам подобает такая же честь, как иконам.

Я живу здесь уже пятнадцать лет, и с тех пор как сопровождаю паломников, часто вижу Святую Землю их глазами. И не только глазами современных паломников, но всех, кто приезжал сюда на протяжении двух тысячелетий из самых отдаленных стран мира. Я читаю их записи. Все они свидетельствуют о том, что здесь, в картинах временных и земных, они встречаются с Вечным, непреходящим. Тут звуки псалмов из сбывшихся пророчеств сливаются в песнь тоски по Святой Земле для всех тех, кто когда-либо ее посетил.

Современные паломники приезжают сюда иногда с очень поверхностным представлением о религии, но, увидев эти живые библейские картины, они уже никогда больше не смогут равнодушно читать Евангелие.

Владислав ТРЕТЬЯК,

президент Федерации хоккея России, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по физической культуре и спорту, Москва

Фото Итар-ТАСС

У меня было ощущение, что я летаю с ангелами…

Для меня Святая Земля — это история жизни нашей планеты, самое сердце этой истории. Когда я приехал в Иерусалим, у меня было ощущение, будто я летаю с ангелами… Потому что, действительно, прикоснуться к тем местам, по которым ступала нога Спасителя, — большое счастье для того, кто верует. Евангельская история будто оживает на Святой Земле!

Мы с супругой — верующие люди, и те два дня, что мы провели в Израиле, стали для нас чудом, настоящим подарком. Знаете, это, пожалуй, были одни из самых радостных, самых светлых минут в моей жизни. Я часто вспоминаю наше паломничество, и память о нем удивительным образом помогает мне в повседневной жизни. Вообще, что тут говорить — Церковь *дает мне жизнь*, не больше и не меньше. ■

швейно-производственное объединение
«Церковные ткани»
Индивидуальный пошив
плащаницы и хоругви для облачения храмов
товары для венчания и крещения: платки, шарфы, косынки, палантины, шали, крестильные рубашки
товары для священнослужителей и монашествующих: облачения архиерейские, иерейские, русские и греческие, схимы, мантии, рясы
для церковных ателье и клубов исторической реконструкции, хозяйкам на постельное и столовое бельё: лен, хлопок, шелк, шерсть, парча (Греция, Франция Испания), бархат, замша
великолепный набор товаров для рукодельниц: бисер, стеклярус, ленты, бахрома, тесьма

Наши адреса:
Москва, улица Большая Ордынка, дом 60/2 (на территории храма св. вмц. Екатерины)
телефон: +7 (495) 953 47 53, тел./факс: +7 (495) 959 12 90
Санкт-Петербург, Московский проспект, дом 104
телефон: +7 (812) 388 30 27, +7 (812) 387 58 33
Интернет-магазин «Золотая Ризница»: www.riznitca.ru/shop/

История православного паломничества

В. М. Васнецов. «Княгиня Ольга».1885 г.

◆◆◆

Русское православное паломничество ведет свое начало с первых веков распространения христианства на Руси, то есть с IX–X веков. В 987 году святой равноапостольный великий князь Владимир привез с собой в Киев из Корсуни, места своего крещения, святые иконы и кресты, а также честные мощи святителя Климента, папы Римского. А **первой русской паломницей**, как известно из древних источников, можно считать святую равноапостольную великую княгиню Ольгу, которая в 957 году вместе с многочисленной свитой посетила столицу Византийской империи — Константинополь. Там находились многочисленные святыни Православия, и там же, в храме Святой Софии, состоялось крещение великой княгини.

◆◆◆

Христианская традиция паломничества к этому времени уже имела многовековую историю. С самого начала существования Церкви жизнь верующих включала в себя посещение мест, связанных с жизнью Иисуса Христа, его Пречистой Матери и святых апостолов и мучеников. Эти места, бывшие объектами поклонения уже первых христиан, тоже вскоре стали называться святыми. **В 325 году император Константин Великий издал указ о строительстве христианских храмов в святых местах**: в Вифлееме, на месте рождения Спасителя, и в Иерусалиме, над пещерой Гроба Господня. Территорию Палестины первый христианский император объявил Святой Землей.

◆◆◆

В результате этого, к IV веку в Иерусалим и Вифлеем стали стекаться для поклонения главным святыням христианства тысячи богомольцев, положивших начало **массовому паломническому движению на Святую Землю**. Иерусалим открыл всему миру свои святыни и вернул себе свое древнее название — до Константина, во времена языческих императоров он назывался Элия Капитолина. В сознании христиан всего мира Иерусалим стал Святым Городом, местом поклонения Христу, Его Распятию и Воскресению.

◆◆◆

Богомольцы IV века почитали и святые места, связанные с Ветхим Заветом, посещали места захоронения праведников древности, пророков, царей и библейских патриархов. Местное население стало теряться в море паломников, которые не щадили ни сил, ни средств для увековечения памяти о земной жизни Иисуса Христа. **В Палестине было построено великое множество храмов и монастырей**, а для нужд странствующих богомольцев Церковь благословила строительство вдоль основных паломнических путей постоялых дворов, гостиниц, приютов, странноприимных домов, охраняемых колодцев.

◆◆◆

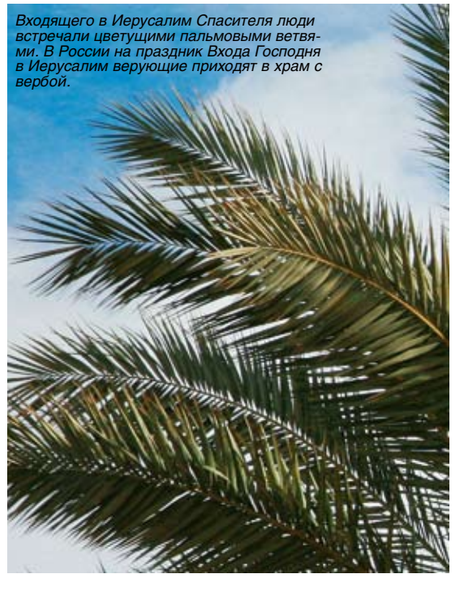
На VII Вселенском соборе в 787 году Отцы Церкви сформулировали богословские принципы, обосновывающие **духовный смысл паломничества** как почитания и поклонения мощам и иконам, а также святым местам ради удостоверения подлинности, а не призрачности Боговоплощения.

◆◆◆

Само слово **паломник происходит от латинского слова palmarius** — пальмовник, то есть человек, держащий пальмовую ветвь. Возникновение термина связано с особенностями христианской паломнической традиции. Паломнический сезон в Святой Земле с самых первых времен возникновения массового паломнического движения начинался с празднования Рождества Христова и заканчивался праздником Пятидесятницы.

◆◆◆

Главным праздником, притягивавшим в Святую Землю богомольцев, по сей день остается праздник Святой Пасхи. Любопытен тот факт, что **в 1914 году на Пасху в Иерусалим приехало свыше 6 тысяч русских паломников**. Те, кто стремился встретить в Иерусалиме Светлое Христово Воскресение, приходили заранее, чтобы провести в Святом Городе и всю Страстную седмицу. А поскольку Страстной седмице предшествует праздник Входа Господня в Иерусалим, и основным событием этого дня был крестный ход до стен Иерусалима — то паломники, принимавшие участие в этом шествии, несли пальмовые ветви. Такими же ветвями почти две тысячи лет назад встречали Христа жители Иерусалима. Как правило, помимо различных реликвий, богомольцы брали с собой домой на память и эти пальмовые ветви.



Входящего в Иерусалим Спасителя люди встречали цветущими пальмовыми ветвями. В России на праздник Входа Господня в Иерусалим верующие приходят в храм с вербой.

Вход Господень в Иерусалим. Роспись храма Панагия «Форвиотисса» (Врачевательница). 1105 г. Кипр

◆◆◆

Кроме слова «паломничество», существуют и **другие синонимы, определяющие это явление, — странничество, поклонничество, богомолье**. В России в XIX — начале XX века широко употреблялось именно слово «поклонник». Оно предельно ясно показывает смысл паломничества, который заключается именно в религиозном поклонении святым местам.

◆◆◆

Древние русские летописи и жития святых донесли до нас и историю **о первом из известных нам русских богомольных путешествий** в Грецию, на Святую гору Афон. Туда ходил основатель Киево-Печерской лавры преподобный Антоний Печерский (конец X — начало XI вв.). Вообще для Русской Православной Церкви Афон, уже начиная с X века, имел очень большое значение: в библиотеках святогорских монастырей в средние века русские монахи получали образование и приобщались к многовековым традициям христианского иночества.

◆◆◆

Исследователи истории древнерусской литературы выделяют самостоятельный жанр произведений, обобщенно названный **«хождения», то есть сочинения в виде путевых записок**, отчетов или воспоминаний, в которых описывались путешествия русских людей в страны православного Востока с обязательным поклонением христианским святыням. Древнерусские «хождения» пользовались большой популярностью и были чрезвычайно распространены. Древнейшим и наиболее известным описанием паломничества в Святую Землю является **«Хождение» игумена Даниила**, побывавшего в Константинополе и Святой Земле в 1106–1107 годах. Это выдающееся сочинение послужило образцом для всех последующих (практически до XVIII века) произведений данного жанра паломнической литературы. ➥

Преподобный Антоний Печерский. Фрагмент Свенской иконы Божией Матери.

Храм Гроба Господня объединяет под своим сводом и место распятия Христа (Голгофу), и место Его Воскресения — Гроб Господень.

«Житие и хождение Даниила, игумена русской земли». Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева.

◆◆◆

В России традиция паломничества за десять веков своего существования стала неотъемлемой частью духовной жизни народа. Несмотря на монгольский, а потом османский «железный занавес» русские люди всегда находили возможность добраться до Святой Земли, Константинополя и Афона. Наивысшего расцвета русское православное паломничество в Святую Землю достигло во второй половине XIX — начале XX веков.

После революции по понятным причинам паломнические традиции прервались. Фактически до конца 80-х годов наши соотечественники были отрезаны от главных христианских святынь, не имели возможности побывать ни на Афоне, ни в Святой Земле. Ситуация начала меняться лишь с окончанием «холодной войны».

◆◆◆

Сегодня происходит **возрождение паломнических традиций Русской Православной Церкви**. В 1999 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Отделом внешних церковных связей был создан Паломнический центр Московского Патриархата, задача которого — содействие возрождению православного паломничества и создание церковной гостиничной сети.

В 2007 году количество церковных паломнических организаций в епархиях составило 93, а в приходах и монастырях — 276.

Паломнический центр издает литературу по паломнической тематике, в частности журнал «Православный паломник», ведущий большую просветительскую работу по популяризации паломничества. А в 2007 году вышел в свет первый в истории Русской Церкви «Словарь православного паломника».

◆◆◆

В последние годы число паломников, ежегодно выезжающих из России на богомолье в дальнее зарубежье, превысило 250 тысяч человек, в Россию из дальних стран прибыло не менее 100 тысяч паломников, а поклониться отечественным святыням ежегодно отправляются около **3 миллионов наших соотечественников.** ■

Сергей ЖИТЕНЁВ

Паломники ждут очереди поклониться главной святыне Храма Гроба Господня — Святой Гробнице.

Фото Владимира Евтюхина

Тема номера

Тема номера

Путь паломника

Время первопроходцев

Елеонская гора. Гефсимания. Русская церковь св. Марии Магдалины в память императрицы Марии Александровны. 1891 г. Фото И. Ф. Барщевского

Традиция русского паломничества на Святую Землю переживает сегодня свое второе рождение. В чем-то ей предстоит опереться на опыт прошлых веков, а что-то создать заново, принимая в расчет специфику жизни начала XXI века.

Полтора столетия назад поклониться Святой Земле приезжали тысячи россиян. Центральный район Иерусалима, где, в частности, расположен муниципалитет, до сих пор называется Русским подворьем, в память о том времени. Но революция и войны начала XX века пресекли традицию. Лишь в 90-е годы люди из России вновь получили возможность посещать Святую Землю, но с тех пор очень многое изменилось.

Сегодня совершить паломничество стало значительно проще, но и возможностей, и времени у паломника теперь не так много, как когда-то. Изменилась до неузнаваемости Россия, возникло государство Израиль — это тоже накладывает свой отпечаток. И, наконец, если раньше на Святую Землю стремились, в основном, глубоко воцерковленные или всерьез ищущие веры люди, то сегодня возникло понятие «религиозный туризм» — посещение святых мест просто из любопытства.

Но так же, как в XIX веке, на пути каждого паломника возникают духовные трудности и ловушки, которые нужно учиться преодолевать.

Традиции посещения Святой Земли складывались веками. О них написано много книг, полных советов, поучений и предупреждений. Сегодня их необходимо дополнить.

Мы не хотим давать указаний тем, кто едет сегодня в Святую Землю или планирует сделать это позже. В таком сложном, с духовной точки зрения, деле, как паломничество, не может быть простых инструкций и строгих схем.

Нам только хочется рассказать о том, что могло бы помочь паломнику в его непростом путешествии, упредить от каких-то частых ошибок, рассказать об опыте других людей, поделиться собственными наблюдениями. И, разумеется, попытаться внести свою малую толику в общую копилку опыта православных паломников.

Редакция

Русские паломники идут по Via Dolorosa — дороге, по которой Спаситель нес свой крест на Голгофу.

Ночь в Вифлееме, палестинская территория.

Дорога к свету

Пятое Евангелие

Сегодня, как и в XIX веке, паломники попадают в Иерусалим по старой Яффской дороге. Они едут в современных, комфортабельных автобусах. Но для многих первое впечатление от Иерусалима в точности повторяет то, о чем писали в дневниках их предшественники середины XIX века. Ты ждешь, знаешь — Город уже очень близко, за следующей горой. Еще мгновение — и ты увидишь великую святыню трех религий, город-легенду, Град Божий. Но вот гора остается позади, и тебе открывается городской пейзаж, совершенно непримечательный, обыкновенный…

Еще сто лет назад Иерусалим был почти что деревней. Сегодня он разросся. Паломника встречают многоэтажные дома, оживленные перекрестки, машины, светофоры. Ничего легендарного и ничего величественного.

Старый город времен Спасителя «похоронен» под наслоениями двадцати веков. Облепленный со всех сторон современными постройками, он изменился до неузнаваемости. Даже крепостная стена, которая кажется сегодня древней, почти ветхозаветной, на самом деле по большей части возведена в XVI веке во времена турецкого владычества.

Порой первая встреча с Иерусалимом вызывает чувство, близкое к отчаянию. Кому-то даже кажется, что он такой один, что только он не может сразу проникнуться величием города. На самом деле происходит такое со многими. *Почувствовать* Иерусалим с первого взгляда практически невозможно.

Этот город иногда называют Пятым Евангелием, а значит и «читать» его нужно долго, внимательно, с соответствующим настроем. И уж точно не получится его просто «пролистнуть», как бульварное чтиво в автобусе.

Эффект присутствия

Постепенно, расчищая завалы времени, привыкая к местной суете, ты начинаешь «чтение».

Старый город совсем небольшой, по площади он немногим больше Московского Кремля, но здесь сосредоточено так много людей, культур и традиций, что голова идет кругом. В первый момент дома, лавочки, храмы и переулки создают ощущение бессмысленного нагромождения. И только со временем все становится на свои места.

Вот армянский квартал, внутренняя часть которого надежно охраняется — войти можно только по приглашению. Вот улица со странным названием Греческая Патриархия — и здесь действительно преимущественно православные греки. Вот арабская часть города, а вот — еврейская. С улицы, где идет бойкая торговля, можно неожиданно свернуть в сторону и на мгновение оказаться «дома», попав в русский православный храм…

Своим многообразием Иерусалим как бы повторяет в миниатюре весь Израиль. Эта маленькая страна поражает богатством своей природы и климата. Цветущая Галилея на севере, мягкий климат вдоль Средиземного моря, жаркая долина Мертвого моря и суровая Иудейская пустыня.

Но главное богатство Израиля — история. Здесь сконцентрировано столько храмов и руин великого прошлого, что воистину вся земля здесь Святая. Впрочем, не будь здесь ничего, ее все равно бы назвали Святой, лишь за одно то, что по ней ходил Иисус Христос. И каждому, кто приехал в Израиль, по-своему предстоит ощутить подлинность евангельских событий, понять их масштаб и истинное значение.

Случиться это может где угодно: у Храмовой горы или в Гефсимании, в Галилее или в Хевроне. Оглядевшись по сторонам, неожиданно понимаешь, что именно здесь, на этом месте, произошло то, о чем ты читал. Мозаика тех далеких событий неожиданно складывается воедино. Разрозненные эпизоды из жизни Христа слагаются в огромную цельную картину, и ты понимаешь, что у всего, что Он делал на земле, был единый смысл, единый план.

Ты стоишь, как некогда стоял гонитель христиан Савл, ослепленный и оглушенный, ставший другим человеком с другим именем и другой судьбой. Стоишь и думаешь: надо же! Ведь здесь Господь шел в свой Город. В Городе уже знали, шептались, что идет долгожданный Мессия, сейчас Он спустится с горы, подойдет к Золотым Воротам, войдет в Храм и все в мире изменится. Они ждали Его, бросали пальмовые ветви на дорогу, по которой Он ехал.

А впереди был арест, суд, распятие. Потом Воскресение, увидеть которое дано было уже не всем.

Это произошло здесь, на этих камнях, в такую же погоду. Так же из пустыни дул ветер, так же росли по краям дороги оливковые деревья, составляющие тот ➥

Когда-то по Яфской дороге паломники на коленях вползали в Старый город. Сегодня их провозят здесь на автобусах.

Схимонахини русского Горнего монастыря в Иерусалиме посменно ведут непрерывную молитву в храме обители.

Израильские и палестинские территории разделены оборонительной стеной. С палестинской стороны ее украшают работы политически активных уличных художников и лозунги в стиле «Вифлеем — не Восточный Берлин!»

Плита, на которую после распятия положили тело Спасителя, ныне находится при входе в Храм Гроба Господня.

самый Гефсиманский сад. История перестает быть лубочными картинками из Детской Библии — прекрасными, но далекими от сегодняшнего тебя. Прошлое трансформируется в реальность, и люди, которые были тогда, предстают такими же настоящими — как вон тот араб-таксист или вот этот полицейский.

Невольно вспоминаешь слова одного монаха: а с кем был бы ты, случись все сегодня? И от этой фразы, которая сама по себе кажется красивым оборотом, становится жутко, если повторить ее там, где Иуда предал Христа.

Урок терпимости

Главный урок Израиля — умение жить рядом с другими, не теряя при этом своего я. Конечно, бывает очень по-разному, но чаще всего христиан пускают в синагоги, стоящие на местах библейских событий, а иудеям не препятствуют молиться у ветхозаветных святынь, оказавшихся на территории христианских монастырей. При этом никто не утверждает, что христианство и иудаизм — одно и то же.

Наверное, это особенно важно именно для христиан. Ведь христианин должен понимать людей другой культуры и другой веры, стараться установить с ними связь, чтобы не столько словом, сколько личным примером проповедовать учение Христа. Любая попытка навязать что-то силой обречена — этому тоже учит израильская история. Конфликт, тлеющий здесь много веков подряд, — прекрасное тому подтверждение.

Здесь всегда было нелегко, но именно здесь формируется настоящая толерантность, построенная на уважении к другому человеку, а не на уничтожении собственной самобытности.

На бегу

Паломничество, в отличие от туризма, — тяжелый труд. Но сегодня, по правде сказать, поклониться святыням Израильской земли стало в каком-то смысле сложнее, чем прежде. Ведь комфорт путешествия растет, а возможности паломника для *подлинной духовной работы* уменьшаются.

Когда-то, отправляясь в Святую Землю, люди прощались с семьей, не зная, вернутся ли. Они плыли на

«Здесь легче молиться…»

Главное достояние отца Поликарпа — козы. Необычные, местной породы, со странными глазами и густой шерстью, ради которой их и разводят в Палестине. Специально для коз отец Поликарп ежедневно ходит «на работу»: убирается в овощном магазине, получая взамен отходы-овощи, которыми кормит своих питомцев. Опять же из-за коз у отца Поликарпа регулярно случаются конфликты с настоятелем.

— На днях они опять вырвались. Ой, как патер орал! Как орал! — ворчит отец Поликарп. — Я прямо удивляюсь: как же он не понимает-то, что раз взялись их разводить, так вечно за ними не уследишь, когда-нибудь да выскочат! Совсем он их не понимает! И характеров их не знает! А туда же: решает, какую козу с какой запереть в одном вольере! Я ему говорю: «Этих двоих вместе нельзя, у них конфликт», а он не слушает. И какой результат? Подрались, ясное дело!

Все эти страсти кипят в маленьком греческом монастыре. «Патер» и отец Поликарп — двое его насельников, а вокруг — один из самых криминальных арабских районов Иерусалима. В 1995 году ночные грабители убили маму настоятеля, жившую здесь же, и собирались убить его самого, но помешал случайный свидетель — русский паломник Владимир, на пару дней остановившийся тогда в монастыре.

Отец Поликарп вспоминает, что мечтал принять монашество на Афоне, но не добрался туда: услышав историю «патера» и его монастыря, не смог оставить его одного и поселился здесь же.

Теперь, рассказывая о своем настоятеле, он постоянно ворчит, вспоминая их споры по поводу коз и постройки забора, но потом как-то резко меняется и добавляет:

— Он великий человек, патер. Он такой упрямый, такой сильный, так много делает. Он — настоящий герой, действительно…

Отец Поликарп — в прошлом актер, потом директор театра в Иваново и самый обычный советский человек. Долгое время вера была для него лишь воспоминаниями о бабушке, армянке, засовывавшей ему в карман листочек с молитвой, и о том, как вместе с коллегой и земляком Александром Кайдановским они ходили на Пасху в храм. Но как-то постепенно жизнь тогда еще самого обычного человека начала меняться, а перевернулась окончательно в 93-м, на Святой Земле.

— Первый раз я случайно сюда приехал, — вспоминает отец Поликарп. — Были мы на Кипре, и появилась возможность на несколько дней в Израиль съездить, я и рискнул. Вошел в Храм Гроба Господня с английской туристической группой, стою, озираюсь, ничего не понимаю, а тут вдруг кто-то из местных служителей подходит ко мне, берет за руку и ведет меня, по всему храму ведет и прямо ко Гробу подводит. Храм уже закрывался, и я последним туда вошел… Наверное, тогда все окончательно на свои места и встало. Тогда я и стал по-настоящему православным человеком. Видимо, смысл паломничества в том, что не у всех получается молиться просто так, в любой точке земли, без икон, без креста… Для этого нужны силы и особый склад характера. Поэтому некоторым людям обязательно нужно сюда, на Святую Землю.

Сейчас в Храме Гроба Господня или на гробнице Божией Матери отец Поликарп молится каждый день. Недавно монастырю пожертвовали машину, и теперь отец Поликарп ездит на ней, а раньше ходил пешком, ночью, через весь восточный Иерусалим. О том, как ему в спину кидали зажженные петарды, вспоминает спокойно — он уже привык, что бросить что-нибудь в спину человеку и убежать — для местной шпаны означает проявить высший героизм. Что же поделать, ведь нельзя же из-за таких мелочей пропускать Литургию. ■

Бедуины — особый народ. В отличие от арабов, они служат в Израильской армии, живут мирно, но к цивилизации не тянутся, предпочитая традиционный уклад своих пустынных поселений.

Купальню на берегу Иордана ежедневно посещают сотни людей из разных стран мира.

Считается, что оливковым деревьям в Гефсиманском саду более двух тысяч лет, и они были свидетелями евангельских событий.

корабле, потом караваном добирались от Яффы до Иерусалима, жили в тяжелейших условиях, преодолевая опасности… А сегодня, казалось бы, все куда проще. Там, где наши предки шли пешком, изнывая от жары и усталости, мы за пару часов проезжаем в комфортабельном авто.

Но разве может современный паломник позволить себе остаться на три месяца или на полгода в Иерусалиме, прожить в нем от Рождества до Пасхи, ежедневно молясь у Гроба Господня, читая Евангелие в Гефсимании?

Средний срок пребывания в Израиле сегодня — две недели, и за них вы успеете побывать во многих местах, но всюду мельком. А потому зацепиться где-то душой, проникнуться значением места намного сложнее. Нашему современнику нужно за час пройти все, на что его предшественники в XIX веке могли потратить сутки и даже недели. И потому надо еще больше готовиться, еще больше ценить драгоценные секунды, в течение которых предстоит попытаться ухватить что-то ценное, необходимое для тебя.

Две недели — это только на Иерусалим. Не стоит пытаться объехать за это время всю страну. Всего все равно не успеешь. Об этом говорят и гиды, и монахи в русских монастырях.

Но подобных туров сейчас почти нет. Да и путешественники спешат посмотреть и увидеть как можно больше, а потому гидам приходится все больше уплотнять график, постоянно подгонять людей, напоминая о том, что они опаздывают. От этого часто все пребывание на Святой Земле превращается в размытую, хотя и ярко-цветную картинку калейдоскопа. И по-настоящему понимаешь, к чему прикоснулся, лишь позже, дома, рассматривая фотографии. Самое трудное — это понять неожиданно, что ты все-таки побывал на том месте, которое уготовано специально для тебя. А тогда в голове были лишь мысли о том, что автобус не может ждать, и все надо делать быстро…

Дорога к жизни

Пройти по Крестному Пути (или, как называют эту дорогу в западной традиции — «Via Dolorosa») спешат почти все, но каждый старается сделать это по-своему. В свое время у католиков сложилась традиция идти от бывшей римской крепости, где Спасителя при-

Продолжение на стр. 24

Небо, ставшее ближе

Диакон Андрей Пакатиловский никогда не был паломником. Десять лет назад он приехал в Израиль совершенно неверующим человеком. Получил гражданство, остался здесь жить. И лишь через три года после этого воцерковился.

— В России я даже жил рядом с Троице-Сергиевой лаврой, но, как ни странно, о Православии совсем ничего не знал. А тут как-то неожиданно начал тянуться к вере. Сейчас я понимаю, что началось это, наверное, совсем незаметно — с первого моего дня в Израиле. Видимо, небо здесь ближе… — говорит отец Андрей, и прибавляет: — Только не надо думать, что все происходит здесь по волшебству: кому-то удается почувствовать Бога, кому-то нет. Ведь даже когда по этой земле ходил и проповедовал Христос, верили Ему не все.

Последние три года отец Андрей служит в русском приходе греческого монастыря архангела Михаила в Яффе. Монастырь расположен прямо на берегу моря, с его стены видны рифы и берег, к которому когда-то причаливали корабли с паломниками.

Сегодня русские, приезжающие поклониться Святой Земле, чаще всего минуют это место. Зато немало тех, кто, перебравшись жить из России в Израиль, нашел веру именно здесь. Для них в греческой Иерусалимской Патриархии специально был учрежден русский приход — ведь в Израиле сегодня зарегистрированы около двухсот тысяч русскоязычных православных. И пусть большинство из наших бывших соотечественников лишь номинально можно назвать верующими христианами, тем не менее, среди них есть и те, кто верят по-настоящему.

— Сюда приходит очень много людей, — говорит отец Андрей. — Но часто их отношение к вере остается тем же, что и в России. Такой как бы «советский» подход. Просят просто покрестить или повенчать и потом пропадают. Появляются, но уже с другими требованиями: развести. Это очень тяжело. Впрочем, и тех, кто остается в Церкви, к счастью, немало. Как я семь лет назад зацепился за этот приход, так же и они. И у всех нас совсем разные причины: кто-то идет к Богу от радости, кто-то от проблем. Ведь многие приехали в Израиль в поисках лучшей жизни, но лучшей жизни не получилось — бизнесом заняться не удалось, хорошо устроиться тоже. Да и не так-то это просто — переехать в другую страну: все вокруг становится другим, и на жизнь свою начинаешь смотреть иначе. Именно в такой момент и идут в церковь — задавать вопросы. И вопросов хватает. Сегодня у нас в Греческой Патриархии уже шесть русскоязычных священников, но они еле справляются…

О паломниках из России отец Андрей отзывается с теплотой и любовью. Но тут же признается, что не всегда их понимает. И камнем преткновения для него становится пресловутый фетишизм: желание людей приехать, чтобы потрогать все руками, посмотреть, поглазеть на святыни и обязательно сфотографироваться с ними. Впрочем, по его словам, сегодняшние паломники очень разные.

— Я знал одного человека, который прилетел сюда, взял каких-то вещей в мешок и просто ушел в Галилею. Жил там какое-то время, молился, ходил, смотрел, — вспоминает отец Андрей. — Наверное, это более верно. Ведь главное для паломника — это молитва и духовный путь. Иначе получится просто туризм по святым местам, и только. Нужно бы изжить в себе подобный потребительский подход. Тогда музей евангельских древностей по-настоящему станет для тебя Святой Землей. ■

Радуга над Галилейским морем,
по водам которого ходил Спаситель.

Продолжение. Начало на стр. 16.

говорили к смерти, до Голгофы. Нести с собой огромный деревянный крест и делать остановки, читать Евангелие в местах, где по дороге на казнь останавливался и Сам Иисус. Последнее время традицию эту переняли и православные паломники.

Идти по Крестному Пути непросто — он начинается в арабской части города и тянется через рынок, где, кроме хорошего кофе и сувениров, продают еще «в ассортименте» терновые венцы. Торговцы то и дело, преграждая дорогу, зовут «только взглянуть на товар». Паломники стараются идти по Крестному Пути большими группами. Тогда их не останавливают, они, словно ледокол, разрезают рыночную толпу, возвышая над собой крест, не переставая ни на секунду молиться. Сложнее тем, кто хочет побыть наедине с собой. Одинокому паломнику даже с Библией в руках прохода давать не будут до самого позднего вечера, когда рынок начнет постепенно сворачиваться.

Видимо, в этом заключается какое-то особое испытание для верующих.

Встречи в пути

Богатство Святой Земли неисчерпаемо: это не только святыни, но и удивительные люди. Они приезжают сюда со всего света, принося с собой свой личный особый опыт, чувство, надежду, веру…

В храме русского монастыря Марии Магдалины в Гефсимании за свечным ящиком стоит женщина в монашеском облачении — сестра Таисия. Она приветливо улыбается и с радостью вспоминает о своем детстве в Швейцарии, о своих предках — русских эмигрантах первой волны. Она плохо говорит по-русски, но все равно говорит много, словно спешит поделиться и радостью, и жизнью. Обычная инокиня за свечным ящиком в монастырском храме.

— А еще я крестная дочь святителя Иоанна Шанхайского* — как бы между делом вспоминает она.

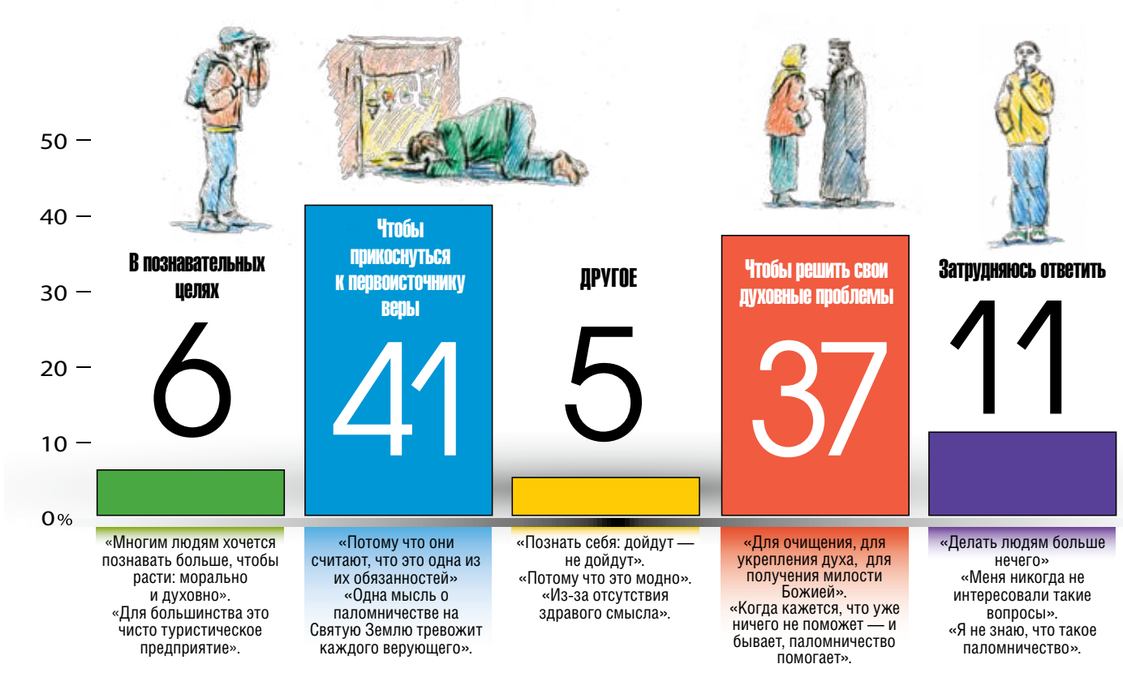
Вот так запросто говорит сестра об одном из выдающихся русских святых XX века, чья икона висит здесь же, на левой стене храма. И на глазах, буквально за пять минут разговора, эта икона перестает быть просто изображением далекого, непонятного человека. Образ владыки Иоанна оживает.

— …одна женщина была в больнице в Париже и все переживала, что к ней по ее просьбе какого-то священника странного прислали, — вспоминает сестра Таисия. — Говорит: старичок какой-то в рясе латаной-перелатаной. Не могли кого-нибудь посерьезней найти! Она же владыку Иоанна в лицо не знала. Ей потом сказали, что это он был. Она так переживала! А, вообще, мне наша икона владыки нравится. Здесь он на себя похож, вот таким он в жизни и был…

…Недалеко от Иерусалима, в пустыне за Елеонской горой, в стороне от популярных паломнических маршрутов, расположилась Лавра

*Архиепископ Иоанн (Максимович) (1896–1966) — архиерей Русской Православной Церкви Заграницей, возглавлял епархии в Китае, Европе и США. Известен как крупный ученый-богослов и опытный духовный наставник. В 1994 году прославлен Русской Православной Церковью Заграницей в лике святых. — *Ред.*

Зачем, по Вашему мнению, люди совершают паломничество на Святую Землю?



Место проведения опроса: РФ, все округа
Время проведения: 22–24 февраля 2008 года
Общий размер выборки: 3000 респондентов

Опрос проведен Исследовательским центром портала SuperJob.ru.

Нашедший свет

Пьер — человек, который пришел к Православию. Пришел в прямом смысле, прошагав пешком из своей родной Бретони в Россию, чтобы поклониться Владимирской иконе Божией Матери.

Это путешествие стало для него не единственным. В поисках Бога Пьер в свое время прошел всю Европу и дважды побывал на Святой Земле.

— Второй раз я добрался только до Афин, — вспоминает он. — Там хорошие люди помогли, посадили в самолет до Тель-Авива, а вот первый раз я прошел пешком всю дорогу. Это не так сложно оказалось. У меня даже денег не было, а я все равно находил, где переночевать, просто стучался в дома и не просился, а спрашивал: не подскажут ли мне, где поблизости можно найти ночлег. Одни подсказывали, другие пускали на ночь к себе в дом.

— Не страшно было идти по Ближнему Востоку?

— Нет! Даже легче. Здесь, когда слышали, что я христианин-паломник, все с каким-то особым уважением реагировали.

Первый раз в Иерусалим Пьер пришел, еще не до конца определившись в своем отношении к вере. Он уже знал, что хочет быть со Христом, но не до конца определился в личных отношениях с Церковью.

Окончательный выбор в пользу Православия он сделал уже потом, когда путешествовал по традиционно православным странам Восточной Европы. Удивительным образом о России он сохранил только самые светлые воспоминания. Приехав в нашу страну за верой и радостью, он встретил именно их — настоящих верующих людей, утвердивших его в вере, и совсем не заметил того, чем в нашей стране принято пугать иностранцев. О своем выборе между Католичеством и Православием он говорит так:

— Это был выбор между светом и еще большим светом.

Пьер все время улыбается, рассказывая о своей жизни. Он знает по-русски лишь пару фраз, но уверен, что в ближайшее время его словарный запас пополнится. Ведь, вернувшись в Израиль и решив поселиться здесь навсегда, он нашел приют именно в русской общине. Глава Духовной Миссии Зарубежной Церкви епископ Берлинский Марк принял Пьера в качестве инока и приставил его к важному делу…

Мы беседуем с Пьером в пещерах, на западном склоне Елеонской горы. Здесь, в древних, еще ветхозаветных, гробницах, по мнению археологов, в I веке располагался храм новой, совсем недавно возникшей религии. Возможно, первый христианский храм в мире.

— Я сначала даже испугался, когда меня владыка сюда привел, — улыбается Пьер. — Думал, мне здесь положено жить теперь. Но оказалось, что жить мне определили во флигеле монастыря Марии Магдалины, а для этих пещер я теперь что-то вроде хранителя.

Вместе с нами в пещеру спустился молодой человек из числа тех, кого принято называть «ортодоксальными евреями».

Это место свято и для иудаизма, потому инок Пьер, хранящий ныне ключи от пещеры, следит за тем, чтобы иудеи тоже могли посетить это место и помолиться в глубине пещеры. Но в то же время он помнит о своей главной миссии.

— Вот моя задача, — он демонстрирует нам икону, установленную в противоположном от входа углу. Икона простая, на ней — лик Спасителя. — Вот Тот, ради Кого я здесь нахожусь и о Ком свидетельствую. Моя главная задача, чтобы Его образ всегда пребывал здесь. Ведь все, что мы делаем здесь, мы делаем ради Христа. Без Него все это бессмысленно. ■

Православный храм Двенадцати Апостолов в Капернауме.

Преподобного Харитона. Добраться сюда удается не каждому — слишком сложная дорога, но кто хоть раз бывал, подтверждают — оно того стоит.

Монах Харитон, принявший постриг с именем основателя этого места, завидев камеру и диктофон, жестом дает понять, что ни говорить, ни сниматься не будет. Он — отшельник, ему такое не пристало. Никто даже не знает, откуда он родом и как давно живет здесь. Говорят только, что, видимо, он из репатриантов, воцерковившихся уже здесь, в Израиле..

Долгое время отец Харитон в полном одиночестве жил в пещерах монастыря, охранял святыню. Потом практически в одиночку начал восстанавливать обитель: храм, постройки, сад.

С виду суровый, отец Харитон постепенно оттаивает. Он признается, что просто не любит излишнего к себе внимания. По-монашески сочувствует мирянам-журналистам: мол, вы в мире обязаны говорить, а слова — дорого стоят, за них всегда приходится отвечать и не только перед людьми. Но в разговоре отец Харитон становится удивительно живым, хотя и вставляет иногда горестное: «Эх, о чем вы думаете вместо Царствия Небесного!»

Говорят, к отцу Харитону часто приезжают с вопросами и за духовным советом. И тогда, наедине, не для печати, а для души конкретного человека, он говорит по-другому: долго и обстоятельно.

Ловушки Святой Земли

В Израиле существует расхожее выражение — «иерусалимский синдром», которое описывает состояние человека, впервые приехавшего на Святую Землю. Человек приезжает издалека, бродит какое-то время по улицам Старого города, а потом неожиданно объявляет, что он — Мессия, и остается здесь проповедовать свое странное учение и строить «третий храм». Если долго и целенаправленно ходить по Иерусалиму, на его улицах можно встретить целый «сонм» подобных «библейских персонажей».

Но не стоит предполагать, что такие странности — удел исключительно больных людей. Бывает, что когда человек приезжает в Израиль, уже настроившись на непременное большое чудо, то «чудеса» обязательно происходят. Такие люди легко начинают усматривать скрытые смыслы повсюду, где их на самом деле нет. Много и радостно рассказывать окружающим о невероятных вещах, что случились с ними, например о том, как они слышали рев ада, идущий из-под земли в бывшей римской темнице, куда Пилат заточил Спасителя. Все это напоминает порой легкую одержимость…

Другая беда паломников — банальное отсутствие знаний и подготовки, чем непременно спешат воспользоваться многочисленные дельцы. Когда в середине XIX века создавалось Императорское Православное Палестинское Общество, одной из его целей была защита людей от подобного рода мошенников. До этого паломники из России были предоставлены сами себе, и в Иерусалиме их тут же окружали какие-то «проводники», «монахи», «старцы», повествовавшие о том, что неподалеку открылся новый чудотворный источник особой силы, и за сущие гроши их и только их проведут туда. Пустые коробочки, в которых, по словам торговцев, была не просто темнота, а та самая «египетская тьма», которой Господь покарал фараона, расходились «на ура» и большими партиями.

Сегодня ситуация примерно та же.

Торговля святынями умножается на языческое отношение к ним со стороны некоторых паломников. К лампадному маслу, иконам, крестикам, которые обильно продаются не только в храмах, но и просто на улицах относятся как к неким магическим предметам. Эти сильнее, те слабее. Эти помогают от болезни глаз, а эти лечат спину. Порой охота за «православными сувенирами» превращается в настоящие суеверия, а иногда балансирует на грани, и почти всегда отвлекает людей от главного.

Принято считать, что на Гробе Господнем любую вещь можно «освятить без священника». Но войти в Кувуклию чаще всего можно лишь ненадолго. За спиной поджимает толпа. В результате, на то, чтобы достать все, что собираешься освятить, разложить и собрать обратно, тратишь все время, отведенное тебе на встречу с самым священным для христиан местом. Ты уже не успеваешь припасть к нему и, конечно, не успеваешь осознать всю глубину и важность его значения. Ты просто суетишься, как в свое время суетились старушки, выставлявшие перед телевизором баночки с водой, дабы их «зарядил» всесоюзный экстрасенс Алан Чумак…

Кто-то специально едет в Иерусалим, ища здесь какую-то «энергетику», особые «места Силы». И часто подобных людей можно увидеть среди облаченных в скромные платочки и длинные юбки православных паломниц из России.

На Святую Землю мы везем все, что сумели нажить дома. Кто-то — трепет перед местами Господней славы. Кто-то — псевдонаучные предрассудки начала якобы просвещенного XXI века.

Но все это вовсе не значит, что в Иерусалиме не происходит чудес. Они случаются, причем с завидной регулярностью. Только чаще всего заметить их непросто, потому что происходят они в душах людей.

Приехал турист-скептик, зашел в Храм Гроба Господня, а через десять минут вышел оттуда другим человеком. Это не мгновенное озарение, не какая-то эмоция, которая быстро пройдет и о которой только и будешь что вспоминать, перебирая фотографии из путешествия. Нет, вся жизнь человеческая уже переменилась, потому что Господь сотворил чудо, поднял человека на несколько сту- ➥

Омовение в Иордане.

пеней вверх, туда, куда своим ходом он, может быть, не добрался бы и за всю жизнь.

Когда одной молитвы в Гефсиманском саду тебе хватает, чтобы развеять сомнения и окончательно укрепиться в вере — это по-настоящему необъяснимое чудо.

Не судите…

Подойти к Иордану сегодня не просто — по нему пролегает граница Израиля. Однако совсем отрезать людей от реки, в которой Иоанн Предтеча крестил Иисуса Христа, власти не стали. В одном месте купание разрешено официально. Там вдоль реки тянется длинный забор, на каждом пролете которого повторяется на разных языках мира одна и та же евангельская цитата. И именно сюда стекаются паломники, такие же разноликие, как и все христианство.

Внизу, у воды, десятка три африканцев совершают омовение, человек десять стоят в воде, еще двадцать на берегу поддерживают их песнями, хлопают в ладоши и танцуют. Люди в воде пребывают в каком-то странном исступлении, то ли от холода, то ли от переживания момента. Каждого, кто окунается, обязательно поддерживают еще двое.

Рядом — паломники из Европы, а дальше — россияне. Русских отличает серьезное отношение к ритуалу: окунуться нужно обязательно три раза, обязательно перекрестившись, обязательно с молитвой. Вода холодная, но все терпят, а на берег вылезают счастливыми, улыбающимися, смеются. Даже те, кто в течение всего долгого пути до этого держался сурово и сосредоточенно.

— Больше всего мне нравится, когда наши паломники шутят, радуются по-настоящему, по-евангельски, и видно, что это живые люди, и христианство у них тоже живое, — рассказывал мне Роман, гид из Иерусалима. — У меня бывало так, что я встречаю группу из Москвы, а они мне говорят: «Мы еще не готовы по святым местам, нам надо в гостиницу». Там снимут с себя обычную одежду, мужчины нацепят что-то совсем непонятное, а женщины — юбки пострашнее и подлиннее, платочки повяжут, как никогда не ходят. Изменят себя до неузнаваемости, напустят на себя какую-то маску. Теперь, говорят, мы готовы. С такими паломниками трудно. Тяжелее разве что с «профессионалами», которые уже бывали в Израиле и у которых четко намечен маршрут: они знают, где и сколько «получить благодати», куда для этого приложиться и как построить свой график, чтобы благодати собрать по максимуму. Я очень боюсь, что такая мода будет лишь расти, и очень рад, что такими сюда приезжают отнюдь не все…

Паломники для Святой Земли то же, что некоторые ревнивые бабушки для наших храмов. Если все время следить за ними, легко впасть в уныние, разувериться в христианстве. Но стоит на мгновение посмотреть на себя, как понимаешь, что со своим снобизмом ты мало чем отличаешься от той дамы, что сейчас поучает своих спутников. А если оглядеться вокруг, то рядом с тобой совсем не такие люди, какими они казались еще минуту назад.

На берегу Галилейского моря стоит типичная сельская старушка откуда-то из российской глубинки. Она улыбается, глядя в небо, на воду, на горы у нас за спиной. Ей хорошо.

— Красиво! — говорит она. — Как же красиво, я и не думала, что мне на восьмом десятке Господь такой подарок сделает. Он ведь Сам тут ходил, а теперь вот меня сюда привел. Это еще внуку моему спасибо. Я в свое время как услышала про то, что на Святую Землю теперь поехать можно, сразу сказала: «Эх, никогда я там не буду!», а он как услышал, так и решил, что обязательно меня сюда отвезет. И вот надо же! Красиво! Как же красиво… ■

Алексей СОКОЛОВ
Фото Владимира ЕШТОКИНА

Церковь Христова

Церковь Христова

Паломник или турист?

Православный взгляд на путешествия по святым местам

О традициях православного паломничества «по святым местам» мы узнаем из древнерусских «хождений» и дореволюционных описаний путешествий. О современном «религиозном туризме» читаем в красочных буклетах, рекламирующих путешествия на Святую Землю. Существует ли связь между прошлым и будущим и в чем суть православного паломничества, «Фома» решил узнать у епископа Егорьевского Марка, заместителя председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

— Владыка, в чем, на Ваш взгляд, суть паломничества? Чем оно отличается от обыкновенного туризма?

— Очень многие не осознают разницу между паломничеством и религиозным туризмом. Более того, даже не подозревают, что элементарно путаются в этих терминах.

Идею паломничества замечательно отражает понятие, традиционно употребляемое в православном богословии и в практике духовной жизни: поклонник. Поклонник — тот, кто поклоняется святыне, то есть человек, пришедший в то или иное место, чтобы преклонить главу перед вратами храма, иконой, мощами. Поклонник, проще говоря, и есть паломник.

Паломничество — одно из проявлений церковной жизни. А религиозный туризм — это, скорее, путешествие с познавательной и просветительской целью, ознакомление с храмами и монастырями, изучение истории Православия через посещение святынь.

Здесь очень многое зависит не только от путешествующего человека, но от организаторов паломнической поездки. Когда экскурсовод описывает христианские святыни исторически неточно, тенденциозно или равнодушно-отстраненно, у туриста практически не остается шансов преобразиться в паломника. То же происходит, когда сами люди воспринимают слова экскурсовода с закрытой душой, ступают по Святой Земле с плохо скрываемой скукой, зевая и лениво щелкая затворами фотоаппаратов. Ключевым моментом здесь всегда является мотивация и душевный настрой людей.

— Может ли религиозный туризм впоследствии привести людей к чему-то более глубокому?

— Мне кажется, оценивать религиозный туризм надо с точки зрения атмосферы, сложившейся в экскурсионной группе. Если люди посещают святые места с благоговением или, по крайней мере, с уважением, если с интересом воспринимают предложенную им информацию — это не может быть плохо. Конечно, при условии, что информация качественна, добротна и действительно способна приоткрыть для туристов мир Православия.

На мой взгляд, в сегодняшних условиях религиозный туризм можно и нужно воспринимать как вид церковной миссии. Наша задача — свидетельствовать людям о Христе: через рассказ о храмовой скульпту-

Фото Владимира Евтюкина

Епископ Марк (Головков) родился в 1964 году в Перми. В 1988 году закончил Московскую духовную семинарию и пострижен в монашество. В 1992 году закончил Московскую духовную академию, назначен членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, где возведен в сан игумена. С 1999-го — заместитель Председателя ОВЦС МП. В 2000 года возведен в сан архимандрита, в 2004 году рукоположен в сан епископа (с титулом Егорьевский, викарий Московской епархии).

ре, через церковное пение, через внешнюю красоту наших святынь, через знакомство с историей христианства и, главное — через духовную атмосферу, которой мы можем поделиться с ближними.

— Традиции паломничества сегодня утрачены: люди нередко просто не знают «как надо», не имеют достойных образцов для подражания. Возможно ли возродить традицию паломничества?

— Безусловно, религиозный туризм в наше время — явление куда более массовое, чем паломничество. И это вполне естественно. Достаточно сравнить число людей церковных с количеством верующих, но невоцерковленных людей. Для нашего общества такое соотношение — объективная реальность.

Тем не менее, мы наблюдаем, как люди сомневающиеся, ищущие, но не утвердившиеся до конца в вере, изъявляют желание поехать на Святую Землю или к иным святыням не в качестве туристов, а паломниками. Это говорит о том, что сознание людей постепенно меняется. А из того, что «туризма» больше, не надо делать трагедии: это явление временное.

Самое главное, по-моему, чтобы рассказ о святыне был не только профессиональным, но и духовным. Организаторы паломнических и туристических поездок, к сожалению, часто работают по устаревшим советским шаблонам и методикам. Даже опытные экскурсоводы довольствуются собственными наработками прошлых лет, не предпринимая попыток адаптировать их под современность. И, как следствие, подобные экскурсии не отвечают своему предназначению — рассказывать через внешнее о внутреннем; через историю религиозных памятников — об их смысле. Ведь главное состоит далеко не в том, какими деталями отличается купол храма от своего предшественника прошлого века, а в том, что именно происходило здесь, о чем молились, чем жили прихожане этого храма.

— Современное паломничество разительно отличается от паломничеств, описанных в классической литературе. Раньше люди шли в Иерусалим пешком, это был трудный, долгий и выстраданный путь. Сейчас все упростилось: самолет с паломниками приземляется чуть не у подножья Голгофы…

— Безусловно, в те времена, когда люди месяцами шли к святыне, их жизнь на время путешествия по-настоящему переворачивалась, приобретала особый, не будничный смысл. Такое сейчас вряд ли возможно… Но я уверен, что и сегодня в наших силах возродить и сохранить дух паломничества. Проблема здесь, скорее, в восприятии. Надо спросить самого себя: паломник я или турист?

Бывают случаи, когда, приезжая в монастырь в составе паломнической группы, люди ведут себя как обычные туристы: жалуются на «неудобства» монастырской жизни, некомфортные кельи и плохое бытовое обслуживание. Тут-то и становится ясно, что на самом деле важно для человека и зачем он приехал. Но бывает и наоборот! Приезжая туристом, человек уезжает паломником, с образом святыни в сердце.

— А существует ли, на Ваш взгляд, опасность слишком частых паломнических поездок для воцерковленных людей? Может ли паломничество войти в привычку, стать «вечным кочеванием от святыни к святыне»?

— Во всем нужна мера. Даже в благих делах. Собираясь в паломничество, нельзя забывать о тех людях, которых вам пришлось ради него оставить и за которых вы ответственны. Бесконечные паломнические поездки, незаметно превращающиеся в образ жизни, не гарантируют спасения. Качество не достигается количеством. Важно лишь то, что остается в душе человека.

Подход «приехал, приложился к святыне, поставил свечку — очистился» неприемлем. Безусловно, некая обрядовость присутствует, но суть паломничества определяется в Православии совершенно иначе. Главное для нас — внутреннее настроение. Если душа человека остается прохладной, паломничество теряет всякий смысл.

— Нередко приходится слышать мнение, что паломничество — явление общемировое, и православная традиция ничем принципиально не отличается от любой другой, будь то Хадж мусульман или буддийское паломничество к горе Кайлаш…

— Действительно, на первый взгляд, различий нет. На самом деле, они весьма существенны. Например, посещение Мекки — это, в первую очередь, совершение обряда, вековая традиция, которую нельзя нарушать. Такой подход мы, православные, называем обрядовым, «обрядоверием». Безусловно, некая обрядовость присутствует и в нашей традиции, но суть паломничества определяется в Православии совершенно иначе. Подход «приехал, приложился к святыне, поставил свечку — очистился» неприемлем. Главное для нас — внутреннее настроение. Если душа человека остается прохладной, паломничество теряет всякий смысл.

Интересно, что и внутри христианской традиции суть паломничества может пониматься по-разному. К примеру, у католиков и протестантов нет как таковой идеи поклонения святыне, для них паломничество — это, прежде всего, молитва и *воспоминание* о событиях, которые происходили на святых местах. Потому неслучайно мы говорим сейчас не о христианском паломничестве в целом, а о православном его понимании.

— Что, на Ваш взгляд, люди ищут в паломничестве?

— В паломничество едут по разным причинам. Кто-то ищет поддержки в несчастье. Кто-то утоляет духовную жажду. Другие стремятся отблагодарить почитаемого святого за помощь.

В своей первооснове паломничество является отражением идеи христианского монашеского подвига. Что, собственно, делает монах? Он уходит из мира, причем, как правило, даже физически покидая то место, где вырос и жил, отправляясь в те земли, где он — странник, где ничто не напоминает ему о мирской жизни, которую он оставил ради Господа.

Чтобы посетить святые места, паломник тоже оставляет родной дом. В каком-то смысле он становится странником, пусть и на короткое время. Недаром «странник» — синоним слова «паломник».

Одна из главных добродетелей монаха — беззаботливость. Не беззаботность (черта, скорее, отрицательная, сродни легкомыслию) а именно беззаботливость — умение отрешиться от мирских забот, чтобы посвятить себя Богу и служению ближнему. Паломничая, посвящая несколько дней своей жизни разговору с Богом и очищению души, светский человек ненадолго приобретает монашескую добродетель. У паломника и монаха одна цель — преображение. И если «духовное путешествие» выполняет эту великую для души человека роль, то оно имеет полное право именоваться паломничеством. ■

Беседовала
Елизавета КИКТЕНКО

Святая Кувуклия (от греч. «кувуклион» — царская опочивальня) — небольшая мраморная часовня в центре Храма Гроба Господня в Иерусалиме, скрывающая пещеру Гроба Иисуса Христа. Пещера состоит из двух частей. В западной, шестиугольной, находится каменное погребальное ложе. Восточную называют «приделом Ангела». Здесь стоит каменная ваза, в которую вложена часть камня, отваленного Ангелом от дверей Гроба.

Фото Сергея Титова

Священник Димитрий ЮРЕВИЧ

Мнимые тайны Кумрана

Свитки из пещеры у Мертвого моря опровергают Библию? Это — «археологическая бомба», заложенная под христианскую традицию? Ученые скрывают от народа сенсацию? Интриги и мифы сопровождают всю историю кумранских находок.

Одна из пещер Кумрана. Фото Ольги Орловой

В 1947 году в Иудейской пустыне, неподалеку от развалин под названием Кумран, было найдено множество древних еврейских манускриптов. Научный мир потрясен — ведь возраст свитков превышает две тысячи лет! Из них надеялись узнать нечто новое о религиозной жизни еврейского народа — как раз незадолго до пришествия Христа. Многие обстоятельства рождения христианства стали бы яснее. Но публикация рукописей шла крайне медленно. Это породило массу слухов и домыслов, в том числе о сенсационных документах, которые якобы скрывает Католическая Церковь.

Археологическая война

Весной 1947 года двое мальчиков из кочевого племени таамире пасли коз. И совершенно случайно, в поисках сбежавшей козы, обнаружили пещеру. Надеясь найти клад, они залезли внутрь — и были сильно разочарованы. Вместо золота и драгоценных камней там оказались глиняные сосуды с обернутыми в льняную ткань кожаными свитками. Попытка порезать кожу на ремни не удалась — материал был слишком старым и ветхим. Тогда по совету соплеменников они продали кожаные свитки с непонятными надписями иерусалимскому антиквару...

Такова официальная версия обнаружения кумранских свитков. Впрочем, возможно, бедуины специально прочесывали пещеры в поисках кладов. Во всяком случае, когда появилась возможность торговать находками, они не преминули воспользоваться этим. В 1952 году в поисках новых свитков в Иудейскую пустыню отправилась международная научная экспедиция. И здесь между учеными и местными племенами разгорелась самая настоящая археологическая война. Кочевники старались первыми завладеть рукописями, чтобы затем продать их археологам. Часто им сопутствовала удача, и ученым приходилось выкупать свитки. При этом терялась ценнейшая информация — в каких пещерах и каким образом были найдены манускрипты, как они располагались и т. д. Поэтому археологи, в свою очередь, стремились добраться до хранилищ раньше, чем это сделают бедуины.

«Холодная» археологическая война, слава Богу, не переросла в «горячую», но все же принесла свои печальные плоды. Многие легенды относительно кумранских находок связаны именно с тем, что ученые не имели возможности спокойно заниматься своей работой, и первые найденные и опубликованные рукописи, как оказалось впоследствии, не имели прямого отношения к основной части того, что хранилось в пещерах на берегу Мертвого моря. Работа археологов и кропотливый кабинетный труд ученых по расшифровке и переводу рукописей растянулись на четыре десятилетия. А тем временем обожающая сенсации публика обсуждала «кумранские тайны», которые якобы должны были взорвать все наше представление об эпохе Иисуса Христа и опровергнуть Евангелие.

*Ессеи — религиозная секта, возникшая в Иудее во 2-й половине II в. до Р. Х. и просуществовавшая до I в. по Р. Х. Согласно античным авторам (Филону Александрийскому, Плинию Старшему, Иосифу Флавию, св. Ипполиту Римскому), ессеи жили по всей Палестине, в том числе в городах, довольно обособленными общинами, для которых характерны общность имущества, коллективность труда и быта. Осуждали войны, рабство и торговлю, отвергали кровавые жертвоприношения, имели особый обряд ритуальных омовений. Некоторые ессеи вели безбрачный образ жизни. — Ред.

Как рождался миф

Как ни странно, основным «виновником» появления кривотолков стал... священник. Это был видный католический ученый-библеист, руководитель археологической экспедиции отец Ролан де Во. Он предположил, что развалины Кумрана — это монастырь, принадлежавший древнеиудейской секте ессеев*. В четырех свитках из тех семи, что были найдены первыми и тут же опубликованы, как раз говорилось о строе и жизни этой секты.

В Кумране были найдены остатки фортификационных сооружений, а неподалеку в пещерах — множество рукописей. Пытаясь определить, что конкретно он раскапывает, аббат Ролан де Во мыслил категориями католического монастыря. Известно, что средневековые католические (впрочем, как и православные) монастыри были не только центрами духовной жизни, но и военными крепостями, и центрами образования, где хранились и переписывались книги. В любой обители центральное место занимали библиотека и скриптория (комната для переписывания книг). Как показалось руководителю экспедиции, все это он обнаружил среди развалин Кумрана. Кроме того, быт ессейской общины, описанный в опубликованных рукописях, очень напоминал монашеский уклад жизни.

Сама по себе гипотеза отца Ролана де Во вполне допустима. Однако вокруг работы ученых, расшифровывавших рукописи, шли нелепые слухи — того же типа, что и газетные «сенсации» о том, как «на самом деле» родился Христос, или о том, что «наука доказала», будто бы Христос посещал Гималаи... словом, то, что не имеет никакого отношения к настоящей науке.

В первых опубликованных рукописях многократно упоминался некий «Учитель праведности». В итоге, возникла схема: монастырь+ессеи+Учитель праведности. Отсюда родились домыслы о некоем «ессейском Христе», рассказами о котором, дескать, вдохновились авторы Евангелия, повествуя об Иисусе. Этот миф существовал десятилетия и рухнул только после публикации в 1991 году всех свитков и пересмотра выводов, сделанных археологическими экспедициями 1951–1956 годов.

Общий вид на Кумран. Аэрофотосъемка.

Что накопали...

Что же говорит о Кумране современная наука? Во-первых, поставлена под сомнение «монастырская» гипотеза отца Ролана де Во. Археологи пришли к выводу, что «монастырь», скорее всего, был хорошо укрепленным загородным поместьем какого-то знатного иудея. Там занимались сельским хозяйством и ремеслами. На территории Кумрана было найдено множество предметов роскоши и денег. Это абсолютно невозможно для поселения ессеев, которые были нищенствующей сектой и чурались всякой связи с миром материальных благ.

Во-вторых, не выдержала критики красивая теория Ролана де Во о кумранском скриптории, где переписывались книги. На развалинах найдена лишь одна чернильница, в то время как экспертиза почерков показала, что тексты написаны более чем пятьюстами разными людьми! Таким количеством переписчиков не мог похвастать ни один даже самый крупный средневековый монастырь.

Сегодня очевидно, что рукописи Кумрана — не результат деятельности монастырских писцов, а библиотека. Точнее даже библиотечные фонды, скорее всего, вывезенные сюда из Иерусалима незадолго до начала осады города римлянами в 68 году по Р. Х. Их отвезли в разные места Иудеи и там для сохранности уложили в сосуды, чтобы потом вернуться и использовать вновь. Возможно даже, что иудеи эвакуировали библиотеку, которая находилась непосредственно в Иерусалимском Храме, и найденное в Кумране — ее небольшая часть.

Окончательно ессеев «выселили» из Кумрана после публикации всех манускриптов в 1991–92 гг., когда вслед за гипотезой монастырского скриптория рухнул миф о том, что библиотека принадлежит общине ессеев. В Кумране было найдено около 900 текстов. Все они датируются III в. до Р. Х. — началом I в. по Р. Х. Из них «ессейскими» оказалось всего лишь несколько десятков. Говоря современным язы- ➥

Мифы о кумранских находках

Миф	На самом деле
Кумран — тайный монастырь ессеев	Феодальное поместье-крепость кого-то из иудейской знати
Кумран — место, где были написаны найденные свитки	Убежище для книг, предположительно эвакуированных из библиотеки Иерусалимского Храма
В свитках говорится о некоем ессейском «Христе»	Попытка найти аналогии между Учителем праведности и Христом крайне сомнительна, поскольку в несектантских свитках представлены пророчества о грядущем Мессии

ком, четыре сектантских свитка, которые были опубликованы первыми и ввели всех в заблуждение, оказались частью «спецхрана» большой библиотеки. В основном же свитки Мертвого моря — это хорошо известные нам библейские тексты, в которых представлены в отрывках почти все книги Ветхого Завета, а также небиблейские несектантские рукописи.

Что прочли

После публикации всего кумранского корпуса манускриптов стал очевиден ответ на вопрос: опровергают ли они евангельскую историю. К великому сожалению любителей сенсаций: нет. Более того, свитки Кумрана полностью ее подтверждают. «Учитель праведности» оказался персонажем, характерным лишь для сектантских свитков, в то время как несектантские рукописи исполнены пророчеств о грядущем Мессии, Которого напряженно ждали и о котором писали иудеи той эпохи. Последние тексты, найденные в Кумране, были созданы незадолго до Рождения Иисуса Христа, поэтому они очень точно отражают настроения той эпохи. Иудейский народ ждал дня рождения Мессии, но об этом мы знали и до Кумрана.

Однако рукописи Мертвого моря очень ясно свидетельствуют о том, почему, дождавшись Христа, иудеи Его отвергли. Среди свитков Кумрана были найдены рукописи «Мессианский сборник» и «Мессия неба и земли». Это — свод библейских пророчеств и небиблейских текстов, которые показывают, какого именно Мессию ждали иудеи. И здесь, опять же, Кумран не дал ничего нового. Мессия из небиблейских текстов Кумрана — это политический и военный вождь, который чудесным образом победит всех врагов и поработителей Израиля и поставит иудеев во главе народов мира.

Интересно, что среди рукописей присутствует и библейская книга пророка Исайи, которого называют ветхозаветным евангелистом. Как раз у Исайи и содержатся пророчества о том, что Мессия, будучи Богом, станет человеком, бессеменно родившись от девственницы, что Он возьмет на себя грехи мира и добровольно примет смерть за людей. На эти пророчества постоянно ссылаются авторы Евангелия. Но идея страданий Мессии не пользовалась популярностью у иудеев. Ни в одной из кумранских небиблейских рукописей нет описания страдания Спасителя за грехи Своего народа — только описания Его власти, славы и могущества.

Один из медных свитков, найденных в Кумране, и план строения поместья Кумрана к моменту землетрясения 31 г. до н. э. (по Р. де Во и Ж. Милику).

Евангельский Христос, Который пришел освободить людей от рабства греху, Который говорил: «Царство Мое не от мира сего», совершенно не соответствовал тому идеалу Мессии, Которого ждали в Иудее на переломе эпох. В этом смысле Кумран не добавляет ничего нового к тому конфликту между Иисусом и религиозными учителями Израиля, о котором говорит Евангелие и который завершился Голгофой...

Таков итог почти пятидесятилетних исследований рукописей Мертвого моря. Они не опровергли Евангелие и не поколебали христианство. Более того, с точки зрения науки, Евангелие получило дополнительный вес, оно еще раз проверено, на этот раз Кумраном. И пусть некоторые люди с эзотерическим романтизмом продолжают еще твердить о сенсационных находках в Кумране, якобы открывающих тайное знание или скрываемую правду, но, с точки зрения современной науки, все эти утверждения — не более чем отжившие сплетни, возникшие в 60-х годах прошлого века. И в новый век их тянуть не надо. ■

■ Термин «секта» был введен Иосифом Флавием в I веке по Р. Х. для описания религиозной жизни тогдашней Палестины и более соответствует современному понятию «религиозное движение». В современном мире секта мыслится как нечто не только отделенное от генерального направления, но и противопоставляющее себя ему (например, «Белое братство» по отношению к Православной или Католической Церкви и т. д.). В Палестине времен Христа не было единого генерального направления, а существовал ряд религиозных движений, не только сопоставимых между собой по числу членов, но и взаимно влиявших друг на друга.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВОСЛАВНОЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ БРАТСТВО ВО ИМЯ ВСЕМИЛОСТИВОГО СПАСА

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО НА ПЯТНИЦКОЙ

www.pravslovo.ru

ОТДЕЛЫ «ПРАВОСЛАВНОГО СЛОВА»:

КНИЖНЫЙ: постоянно широкий выбор православной, исторической и детской литературы. Все новинки православного книгоиздания. Всегда в наличии все книги издательства ПСТГУ. Регулярно обновляющийся ассортимент книг по оптовым издательским ценам.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ: церковные песнопения, акафисты, проповеди, миссионерские беседы, документальные и художественные фильмы на CD, MP3, DVD-дисках, ноты и музыкальные издания.

ЦЕРКОВНОЕ ШИТЬЕ: обилие церковных тканей и швейной фурнитуры. Все для пошива облачений. Архиерейские, иерейские и диаконские облачения готовые и на заказ.

ИКОНЫ: богатый выбор писаных в традициях древнерусского письма икон, современные греческие иконы, выполненные в византийской традиции, полиграфия, шелкография на дереве, бумаге, ткани. Киоты.

УТВАРЬ: широчайший ассортимент церковной утвари; все для храма и повседневного православного обихода. Изделия из металла, керамики и фарфора.

Всегда в продаже сувениры и товары из Святой Земли

КНИГИ ОПТОВЫЙ ОТДЕЛ УТВАРЬ

Предоставляются **льготные условия** в соответствии с системой **скидок до 20%.**
Доставка оптовых заказов транспортными фирмами, в контейнерах и автотранспортом **в любую точку** России (крупным оптовым покупателям **- бесплатно).**
Иллюстрированные (2500 фотографий) **каталоги,** обновляющиеся 3 раза в неделю, **на сайте: www.pravslovo.ru**

119017, Москва, Пятницкая ул., 51
Тел./факс: (495) 951-51-84;
951-34-97; 951-50-44
Время работы: Пн-Пт: 9.00-21.00;
Сб: 10.00-17.00; Вс: 10.00-14.00

Прием заказов по факсу и электронной почте
Телефон (495) 953-70-71
E-mail: opt@pravslovo.ru
www.pravslovo.ru

МЫ ВСЕГДА РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ ЦЕРКОВНЫХ ТОВАРОВ

Русские святые, посетившие Святую Землю

Снова и снова богомольцы стремятся побывать на местах земного подвига Спасителя. Мы же хотим вспомнить некоторых паломников, которые после кончины были прославлены как угодники Божии.

В. Д. Поленов. Иерусалим с западной стороны. Яффские ворота и цитадель. 1882 г.

Преподобная Евфросиния Полоцкая (1100–1173 гг.), память 5 июня

Старшая дочь витебского князя Святослава Всеславича и внучка знаменитого полоцкого князя Всеслава Брячиславовича, красавица Предслава еще в юности постриглась в монахини — вопреки воле родителей, желавших выгодно выдать ее замуж. Получив в иночестве имя в честь преподобной Евфросинии Александрийской, она прославилась не только духовными подвигами, но и обширной просветительской деятельностью. Поселившись в соборе Святой Софии, кафедральном храме Полоцка, она занималась переписыванием богослужебных книг. Позже основала мужской и женский монастыри и до конца своих дней заботилась о простых людях.

В конце жизни, уже в преклонных летах, преподобная Евфросиния исполнила свое давнее желание — посетила святые места Византии и Палестины.

В Константинополе был похоронен ее отец, сосланный Киевским великим князем Мстиславом I Владимировичем в 1130 году. Добравшись до Константинополя, Евфросиния получила благословение Патриарха Луки Хрисоверга, помолилась в храме Святой Софии, поклонилась цареградским святыням, посетила могилы отца и других своих родственников и, отдохнув, продолжила свой путь в Святую Землю. Достигнув Иерусалима, преподобная Евфросиния, как сообщает ее житие, «поклонилась живоносному Гробу Христову, потом поставила при Гробе золотое кандило (подсвечник) и принесла многие дары Церкви Иерусалимской и Патриарху». В храме Воскресения Христова преподобная Евфросиния в своих молитвах к Спасителю просила, чтобы Он позволил ей завершить жизненный путь в этом святом месте.

Молитва преподобной была услышана Господом. Вскоре она тяжело заболела и даже, несмотря на свое горячее желание посетить святую реку Иордан, уже не смогла совершить туда паломничество. Брат и сестра Евфросинии сходили поклониться святым водам Иордана без нее и принесли Евфросинии воды из Иордана, чем несказанно обрадовали умирающую. Через некоторое время она мирно скончалась на руках своих родных и была погребена в монастыре под Иерусалимом. С конца XVII века мощи святой Евфросинии почивали в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры, а в 1910 году были перенесены в Полоцк, где и находятся по сей день.

Преподобный Епифаний Премудрый († 1420 г.), память 19 июля, в соборе Радонежских святых

Более всего этот святой известен как церковный писатель, автор самого первого жития преподобного Сергия Радонежского. Он долго жил в Троице-Сергиевом монастыре и был одним из учеников святого Сергия.

Писцы книг. Миниатюра из лицевого «Жития преподобного Сергия Радонежского». XVI в.

После смерти учителя Епифаний перебрался в Москву. Живя в столице, он продолжал заниматься литературной деятельностью и написал два замечательных и широко известных литературно-биографических произведения — «Жизнь и житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия» и «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископом в Перми». Оба этих жития стали очень популярны в народе и до сих пор постоянно переиздаются.

В период между 1415 и 1417 годами преподобный Епифаний совершил паломничество из Новгорода Великого в Иерусалим и оставил нам краткое описание своего путешествия. «Сказание Епифания мниха <монаха> о пути в святой град Иерусалим» дошло до нашего времени в нескольких списках XVI и XVII веков. Судя по тексту сказания, путь преподобного Епифания начинался в Новгороде Великом, через Великие Луки шел к Полоцку, затем — к Минску и далее через Слуцк — до Белгорода на Днестре и по Черному морю — до Царьграда, и затем — в Святую Землю.

О своем пребывании в Константинополе, Иерусалиме и на Афоне преподобный Епифаний пишет, используя традиционный для житийной литературы прием авторского самоуничижения и противопоставления себя грешного святому подвижнику Сергию: «Не взыска <святой Сергий> царствующего града <Царьграда>, ни Святыя горы <Афона> или Иерусалима, якоже аз окаянный и лишенный разума. Увы, люте мне! Ползая семо и овамо <тут и там> и преплавая суду и овуду <сюда и отсюда>, и от места на место переходя…» Видимо, в паломничестве Епифаний с новой силой осознал, что иногда легче найти Бога, сидя у себя в келье, чем путешествуя за тридевять земель.

Поэтому после возвращения из паломничества Епифаний Премудрый снова поселился в Троице-Сергиевом монастыре, где и закончил работу над известным нам житием преподобного Сергия Радонежского. Скончался Епифаний, не дожив немного до обретения мощей преподобного Сергия, — но житие, которое он написал, сыграло большую роль в общецерковном почитании великого русского святого.

Святитель Феофан, затворник Вышенский (1815–1894 гг.), память 23 января

В 1847 году российское правительство окончательно решило вопрос об учреждении в Иерусалиме Русской Духовной Миссии. Во главе ее был поставлен известный в то время знаток Востока архимандрит Порфирий (Успенский), будущий епископ Чигиринский, а в сотрудники ему были приглашены преподаватели и воспитанники Санкт-Петербургской духовной академии. И первым на призыв с радостью откликнулся молодой иеромонах Феофан.

Пребывание на Востоке явилось большим событием в жизни будущего святого. Здесь он подробно ознакомился с религиозной жизнью края, чему благоприятствовали неоднократные поездки членов миссии за пределы Палестины — в Сирию и Египет. В Иерусалиме иеромонах Феофан изучал греческий и французский, занимался еврейским и арабским языками, овладел иконописным мастерством, и притом настолько хорошо, что даже, по словам очевидца, снабжал бедные храмы целыми иконостасами. Посещая древние обители, он исследовал писания Святых Отцов по древним рукописям, которые сам переводил с греческого на русский. За первые же шесть лет своего существования Миссия внесла существенный вклад в богословскую и церковно-историческую науки и повысила авторитет России на Ближнем Востоке.

В 1853 году началась Крымская война, и все члены Русской Духовной Миссии вынуждены были вернуться на родину. Иеромонах Феофан был возведен в сан архимандрита и назначен преподавателем канонического права в Санкт-Петербургской духовной академии (СПДА), затем стал ректором Олонецкой духовной семинарии, с 1857 года — ректором СПДА. В 1859 году он рукоположен во епископа — но уже в 1866 году по собственному прошению уволен, чтобы отправиться на покой в Успенскую Вышенскую пустынь Тамбовской епархии.

Все время, остававшееся от богослужения и келейной молитвы, святитель посвящал работе. В это время он занимается истолкованием Священного Писания, переводит творения древних Отцов и учителей, а также пишет сотни писем к разным лицам, обращавшимся к нему с просьбами о помощи и наставлениях. Своими книгами и посланиями святитель оказал глубокое влияние на духовное возрождение общества — и молодость, проведенная на Святой Земле, несомненно, оставила в его душе свой глубокий след. ■

Сергей ЖИТЕНЁВ

Сергей ЖИТЕНЁВ,
генеральный директор Паломнического центра
Московского Патриархата

Фото из архива автора

«Как я хотела бы быть похороненной здесь»

Памяти преподобномученицы Елисаветы Феодоровны РОМАНОВОЙ

Преподобномученица Елисавета Феодоровна Романова (1864–1918 гг.), память 18 июля

В 1888 году император Александр III поручил своему брату великому князю Сергею Александровичу от имени императорской семьи присутствовать на освящении русского храма в Иерусалиме. Храм был построен в память их покойной матери, императрицы Марии Александровны. К тому времени жена великого князя Гессен-Дармштадтская, принцесса-лютеранка Елисавета Феодоровна уже хорошо осознала, что протестантство не может больше удовлетворить ее духовные потребности. Но ее мучили сомнения. Ведь переход в Православие — серьезный шаг, и решиться на него было нелегко. Узнав о возможности совершить паломничество в Святую Землю, Елисавета Феодоровна восприняла это как указание Божие и отправилась в Иерусалим вместе с супругом. Она молилась о том, чтобы там, у Гроба Господня, Спаситель Сам открыл ей Свою волю.

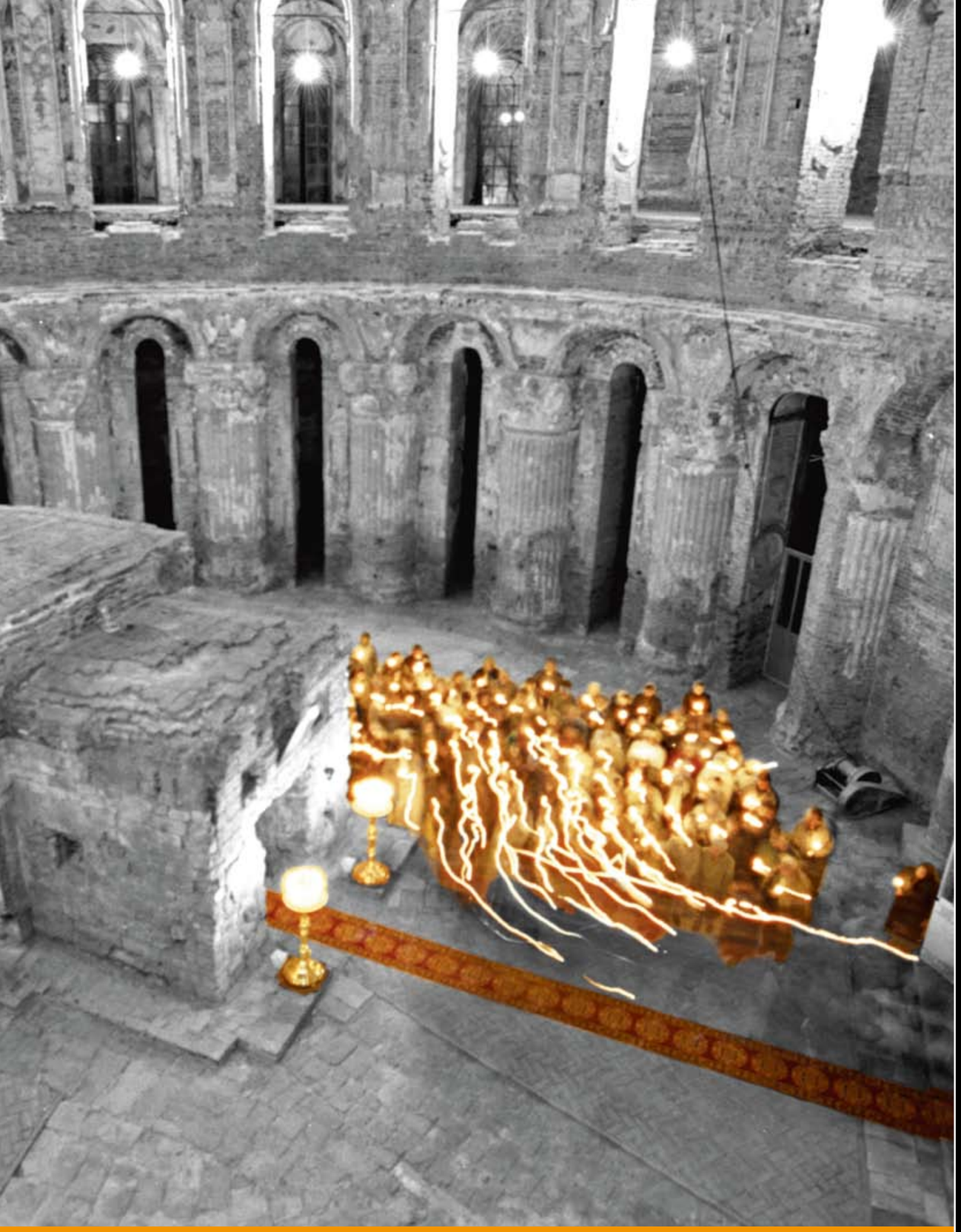
Утром 1 октября 1888 года великокняжеская чета приняла участие в торжествах по случаю освящения храма во имя святой равноапостольной Марии Магдалины. Храм был построен на средства царской семьи, в самом живописном месте Гефсиманского сада — у подножия Елеонской горы. Увидев эту красоту и почувствовав присутствие благодати Божией, великая княгиня Елисавета Феодоровна сказала: «Как я хотела бы быть похороненной здесь». Тогда она не знала, что произнесла пророчество, которому суждено было исполниться.

В дар храму во имя святой Марии Магдалины Елисавета Феодоровна привезла Евангелие и драгоценную богослужебную утварь. Паломничество в Святую Землю окончательно укрепило ее в решении о переходе в Православие, и в 1891 году, в Лазареву субботу, над великой княгиней было совершено православное Таинство миропомазания.

Елисавета Феодоровна во всем стремилась помогать своему мужу, особенно в делах благотворительности и в деятельности возглавляемого им Императорского Православного Палестинского Общества. А после того, как революционер Каляев убил ее мужа, удалилась со двора для создания Марфо-Мариинской обители милосердия, которую потом и возглавила. Всеми любимая великая княгиня посвятила свои силы и средства больным, сиротам, нищим. Уже при жизни народ стал называть ее святой.

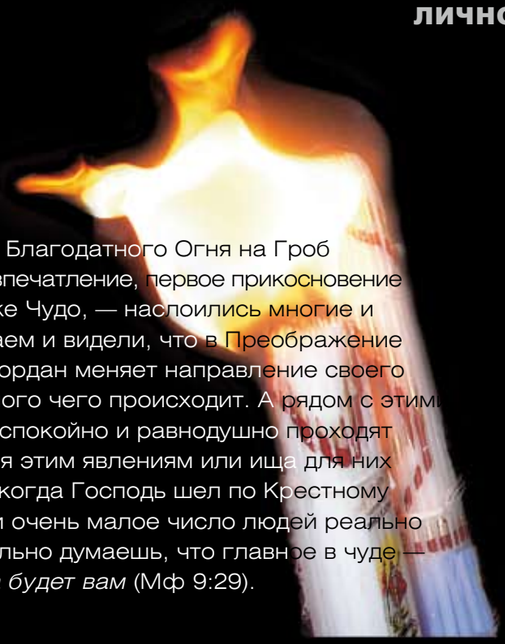
В апреле 1918 года большевики арестовали великую княгиню и вывезли из Москвы на Урал, где 18 июля (5 июля по церковному календарю) она приняла мученическую кончину от рук советских палачей. Осенью военнослужащие белой армии под Алапаевском нашли тела некоторых мучеников, в том числе мощи Елисаветы Феодоровны, и при отступлении Белой армии обретенные останки всех мучеников были отправлены в Читу, потом в Китай. Из Китая мощи Елисаветы Феодоровны вместе с останками ее помощницы монахини Варвары в 1921 году были перевезены в Иерусалим, где их погребение совершил сам Иерусалимский Патриарх Дамиан в сослужении многочисленного духовенства. Гробы новомучениц были помещены в усыпальнице того самого храма в честь святой равноапостольной Марии Магдалины в Гефсимании, на торжественном освящении которого преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна присутствовала во время своего паломничества в Святую Землю тридцатью тремя годами раньше. ■

Планета людей



Игорь МЕЩАН, генеральный директор ИД «Фома»

Огонь



Со времени написания этих заметок о сошествии Благодатного Огня на Гроб Господень прошло несколько лет. И на это первое впечатление, первое прикосновение к Чуду на Святой Земле, которая сама по себе уже Чудо, — наслоились многие и многие другие поездки и чудеса. И теперь мы знаем и видели, что в Преображение на Фавор опускается облако, а на Крещение — Иордан меняет направление своего течения после погружения в него Креста, да и много чего происходит. А рядом с этими чудесами, которые замечает верующий человек, спокойно и равнодушно проходят тысячи людей, не замечая и не придавая значения этим явлениям или ища для них «научное» объяснение. Так и во времена Христа, когда Господь шел по Крестному Пути, и в лавках торговали, и мимо бегали дети, и очень малое число людей реально понимали, что происходит на самом деле. И невольно думаешь, что главное в чуде — это готовность его воспринять. *По вере вашей да будет вам* (Мф 9:29).

В течение шестнадцати веков в иерусалимском храме Воскресения Христова перед каждой Пасхой происходит великое чудо. На месте, где после смерти на Кресте был погребен Иисус Христос, совершается схождение Благодатного Огня. И это событие год от года приковывает к себе внимание всего мира.

Первые свидетельства о схождении Огня относятся к IV веку. С того времени Огонь нисходит ежегодно в Великую Субботу по молитве православного Патриарха. Литания (церковная церемония) Святого Огня начинается за сутки до начала Православной Пасхи. Тысячи людей разных конфессий и вероисповеданий собираются в ожидании сошествия Огня. Церемония происходит под строгим контролем израильской полиции.

В храме гасят свечи и лампады. На середине ложа Живоносного Гроба ставится лампада, наполненная маслом, но без огня. По всему ложу раскладываются кусочки ваты, а по краям — прокладывается лента.

После строжайшего осмотра израильской полиции Кувуклия (Часовня над Гробом Господним) закрывается и опечатывается. Православный Патриарх входит в Кувуклию в одном полотняном подряснике, при этом видно, что он не проносит с собой в пещеру чего-либо, способного зажечь огонь.

Первое время после появления Огонь не жжет ни кожи, ни волос, хотя свеча от свечи загорается быстро. Через 10-15 минут после схождения Благодатный Огонь начинает жечь, как обычное пламя.

Схождение Огня вызывает споры между верующими и скептиками: первые видят в этом явное чудо, вторые — не знают, как возможно это объяснить, ведь появление Огня не зависит от физических законов нашего мира. Человеку всегда остается право выбирать. Снова и снова люди возвращаются к этому событию, пытаясь осмыслить его. Не вступая ни с кем в дискуссию, предлагаем вниманию читателей рассказ очевидца, наблюдавшего схождение Благодатного Огня на Пасху 2002 года.

* * *

Чем больше проходит времени с того момента, когда я узнал, что поеду в Иерусалим за Благодатным Огнем, тем больше усиливается ощущение нереальности всего виденного и пережитого. Мысль, что это происходит не со мной, появилась почти одновременно со словами архимандрита Георгия, эконома Свято-Троицкой Сергиевой лавры (ныне — архиепископ Нижегородский и Арзамасский):

— А я ведь вас записал в паломническую поездку на Святую Землю, в Иерусалим.

Архимандрит Георгий, замечательной крепости духа и мощнейшей энергии человек, приложил поистине титанические усилия для того, чтобы Благодатный Огонь уже второй год подряд попал в Россию. Да не просто попал, а прибыл к пасхальной службе Святейшего Патриарха в Храме Христа Спасителя, буквально через несколько часов после того, как сойдет на Гроб Господень.

Вылетали мы в Великую Пятницу из Внукова, утром, но не рано — около одиннадцати часов. С собой взяли самое необходимое, зная, что летим всего на сутки — как только Огонь сойдет, мы должны будем сразу вернуться в Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме и выехать в аэропорт для вылета домой в Москву с Благодатным Огнем. Кроме главного организатора и вдохновителя нашей поездки архимандрита Георгия, в состав нашей маленькой группы вошел обладающий замечательным голосом иеродиакон Вениамин из лаврской братии; Василий Александрович Редин, работник Лавры; Игорь Владимирович Редькин, замечательный, удивительно целостный православный человек, юрист-профессионал высочайшего класса. Пятым и последним членом нашей маленькой команды был автор этих заметок.

В Храм мы попали уже после чина Погребения в Троицком соборе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Выйдя из собора, в какой-то лихорадочной спешке мы буквально побежали по старому городу в сторону Храма Воскресения, вдвоем с Игорем Редькиным.

Мы бежали по ночному старому городу, было уже больше десяти вечера Великой Пятницы, которая практически закончилась. Глухие удары колокола подсказывали нам направление движения к Храму. Дул довольно прохладный ветер. Как объяснили нам «местные» жители, в Иерусалиме всегда холодно до Православной Пасхи, причем ранняя или поздняя она — не имеет значения. Все равно холодно. В начале мая ночью 5-6 градусов тепла — это просто зимняя температура для Иерусалима.

Прямо у входа в Храм стоит та самая колонна, которая, по преданию, была расколота и опалена сошедшим Благодатным Огнем, когда несколько веков

Крестный ход на Пасху вокруг Кувуклии храма Воскресения Христова Воскресенского Новоиерусалимского монастыря — точной копии Кувуклии Храма Гроба Господня в Иерусалиме. Фото Сергея Титова

назад армяне не пустили процессию во главе с православным Патриархом Иерусалима к Гробу Господню. Патриарх остановился и начал молиться у входа, и тогда огонь сошел в виде молнии, которая ударила в каменную колонну, опалила и расколола ее. Примерно в половину одиннадцатого вечера, приложившись к колонне, мы вошли внутрь.

Прямо напротив входа находится Камень миропомазания. Именно на нем лежало Пречистое Тело Иисуса, которое готовили к погребению. Над камнем висят несколько огромных лампад, не гаснущих уже сотни лет. Какая-то женщина поливала пахучим лампадным маслом Камень, а люди стирали масло с Камня салфетками и прятали их, чтобы забрать с собой.

Налево от Камня миропомазания — проход к Кувуклии, а направо — ступеньки, ведущие на Голгофу.

Надо сказать, что внутри Храм — это сплошной камень, как пол, так и стены. На потолок не обращаешь внимания, потому что он уходит куда-то вверх, а главный и единственный купол Храма находится на огромной высоте над православным греческим приделом. Под самым куполом открыты окна, и только оттуда попадает внутрь дневной свет. Лишь посмотрев вверх, можно понять какое время дня на улице. Позднее, взглянув на эти окна под сводами купола, где живут голуби, мы увидели, что ночь закончилась и наступило утро Великой Субботы.

Около одиннадцати вечера начался чин погребения у греков. Доступ в Гроб Господень закрыли до завтра, до Великой Субботы, и откроют уже после сошествия Благодатного Огня. Закончился чин погребения около часа ночи — и полиция, дежурившая в Храме, мгновенно активизировалась. Поначалу замысел их действий был совершенно непонятен для нас. Но те, кто не впервые приехал на сошествие Благодатного Огня, ясно понимали происходящее. Казалось, что главная задача полиции — очистить Храм от народа. Полицейские начали постепенно вытеснять в разные стороны паломников, поднимать с пола сидящих и лежащих (кое-кто уже успел и задремать на куске картона или в настоящем спальном мешке — были и такие). Вся Кувуклия, в итоге, была обнесена заграждениями для прохода Патриарха, священнослужителей в его свите и приглашенных гостей. Остальные — останутся за барьерами.

Побегав немного от полиции (из Храма, к счастью, нас не вытеснили), мы зашли в греческий придел — он был полон народу. Еще около часа мы провели на ступеньке у патриаршего трона, где за несколько часов до этого Патриарх благословлял народ и духовенство. Рядом с нами сидя подремывал какой-то батюшка-паломник и несколько женщин. Здесь было спокойно, но было слышно, как где-то полиция продолжает перемещать народ, и раздавались скрежещущие звуки металла по камню. Думаю, что мы бы так и досидели до самого утра, но чувство страха, что после наведения порядка в других приделах примутся и за наш, не дало нам спокойно усидеть на месте. Мы двинулись к католическому приделу справа от Кувуклии. К четырем утра там собралось большое количество паломников, оставшихся ночевать в Храме. Входные двери Храма были примерно с двух часов ночи закрыты.

Пытаясь занять место поближе к Кувуклии, мы с Игорем протиснулись почти к самому барьеру. Народ стоял плотно, тесно прижавшись друг к другу. Никакой речи о том, чтобы выйти или присесть, не было. Уже с половины седьмого утра мы стояли по стойке смирно в толпе почти у барьера, с правой стороны от Гроба Господня. Нам было сложно стоять и дышать, о времени совсем думать не хотелось. До сошествия Огня оставалось примерно семь часов.

После двенадцати время поползло настолько медленно, что стало ощущаться его неспешное проворачивание, как старого мельничного жернова. Последние полчаса, которые прошли с момента прихода последнего гостя у армян до появления православного Патриарха Иерусалима, мне показались, по меньшей мере, сутками. После четырнадцати часов ожидания — время исчезло, никаких ощущений не осталось, и только одна мысль билась в голове — скорее!

Наконец, снова послышались удары турецких палиц о камень, и появился Патриарх Ириней. У него было удивительно спокойное и радостное лицо. Он улыбался и спокойно шел, будто не замечая напряженно стиснувшегося со всех сторон народа, как будто не было барьеров и «турков» с палицами, прокладывающих ему путь. Патриарх удалился в алтарь переоблачаться перед сошествием Благодатного Огня.

Начался обход патриаршего крестного хода вокруг Кувуклии. Время прекратило ползти, а стало останавливаться. На третьем круге оно остановилось окончательно. Казалось, что исчезнувшие с правой стороны от Гроба хоругви не появятся уже никогда. Исчезло пространство и время, я не чувствовал ни ног, ни рук, которые уже много часов оттягивала сумка со свечами, весь превратившись в один большой глаз, смотрящий на угол Кувуклии, откуда должны появиться хоругви. Они появились и застыли между входом и православным приделом.

Патриарх вошел в придел Ангела.

Я стоял абсолютно с пустой головой. Только вдруг мелькнула мысль или кто-то рядом выдохнул: «Господи, хоть бы сошел, а то...»

И вдруг удар! Так бывает, когда прилетаешь на юг, выходишь из холодного кондиционированного воздуха самолета на трап и тебя внезапно обдает жаром южного зноя. Фонтаном брызнули слезы из глаз. Одновременно я увидел отблеск Огня у входа в Кувуклию, откуда появился Патриарх, и услышал многотысячный выдох-крик толпы, приветствующей чудо Господне. И вот уже первый человек побежал к выходу с факелом из спаянных тридцати трех свечей по количеству земных лет Спасителя.

Мы невольно двинулись к Гробу, стараясь перехватить кого-нибудь, чтобы зажечь наши свечи. Лишь с четвертой или пятой попытки нам это удалось — какой-то юноша трясущимися руками держал пылающий пучок свечей, а наши свечи из десятка протянутых к нему зажглись.

Выйдя на площадь перед Храмом, заполненную народом, мы обернулись — от Гроба Господня текла огненная река. Чудо свершилось, отрицать это невозможно. Огонь сошел, значит, жизнь продолжается!

Улицы старого города были полностью забиты народом. Пробираясь через плотную толпу к зданию Русской Миссии, мы всюду видели людей с горящими свечами в руках, казалось, что горит весь Иерусалим. Говорят, что даже у арабов это называется «Праздник Огня».

Огонь сошел, Господь проявил видимым образом Свою силу, закончился покой Великой Субботы — и сразу почувствовалось приближение Воскресения Христова — Пасхи.

* * *

В Москве мы приземлились в половине десятого вечера. Огонь был в трех специальных негасимых фонариках, его встречала и лаврская братия, которая увезла свою частичку Огня из аэропорта в Лавру Преподобного Сергия на пасхальную службу.

Благодатный Огонь уже ждали к началу пасхальной службы и в Храме Христа Спасителя.

Мы стояли с Игорем в Храме, среди уже наших родных российских людей. Все ждали начала. Царские врата отворились, и к народу вышел Святейший Патриарх Алексий. Чуть позади шел наш отец Георгий с синей лампадой, в которой горел доставленный в сердце России Благодатный Огонь.

«Дорогие братья и сестры! Стало уже традицией начинать пасхальную службу с зажжения свечей от Благодатного Огня, который сошел сегодня на Гроб Господень в Иерусалиме», — сказал Патриарх и зажег огромный пучок из тридцати трех свечей от лампады с Благодатным Огнем у архимандрита Георгия. А от патриаршего факела через несколько мгновений заполыхали частички Огня у всех стоящих в храме.

И только мы с Игорем стояли без свечей, потому что не подготовились и не знали, как это будет потом, после сошествия Благодатного Огня, а просто молились, что он сошел, и Пасха Христова была близка, как никогда.

Так уже было, есть и будет «до скончания века»! ■

Фото протоиерея Игоря Пчелинцева

На фото: Первые минуты после схождения Святого Огня. По улицам старого города будто течет огненная река.

Над небом голубым…

Иерусалим глазами российского посла

О смысле и традиции русского паломничества
и значении русского присутствия на Святой Земле для нашей страны
и нашей культуры мы беседуем с послом России в Израиле Петром СТЕГНИЕМ.

Город-послушание

— Петр Владимирович, Вы видите множество наших соотечественников, приезжающих в Израиль поклониться христианским святыням. Что, по-вашему, влечет сюда людей и что они могут приобрести здесь для своего личного духовного опыта?

— Мне кажется, существует прямая взаимосвязь между тем, что человек получил здесь и тем, насколько он был готов к этому. В 1848 году Иерусалим посетил Николай Гоголь, но от этого визита осталось лишь несколько писем, из которых видно, что он спешно бежал отсюда. Каменная пустыня, суровый, сожженный солнцем город, а может быть, и веками продолжающиеся в Святом Граде межконфессиональные трения (чуть было не сказал «склоки») — все это пришло в какое-то невероятное противоречие с тем образом Иерусалима, который рисовал в своем воображении Николай Васильевич.

Из писем Гоголя следует, что 1848 году он спешно бежал из Иерусалима. Каменная пустыня, суровый, сожженный солнцем город — все это пришло в какое-то невероятное противоречие с тем образом Иерусалима, который рисовал в своем воображении Николай Васильевич...

С тех пор как девятьсот лет назад на Святую Землю ступил русский «первопаломник» игумен Даниил, и в нашей традиции начал складываться образ «горнего Иерусалима», небесного града, который всегда был очень важен для нас, но постоянно вступал в противоречие с образом Иерусалима реального.

Это противоречие необходимо уметь преодолевать.

Лично мне повезло — я приехал сюда из Турции и до Иерусалима успел побывать не только в Константинополе, но проехал по всей Малой Азии — от Каппадокии до Эфеса, то есть по местам, сыгравшим не последнюю роль в истории христианства. Так сказать, начал приближаться к Святой Земле с дальних ее подступов. А потому, когда оказался в Иерусалиме, уже чувствовал разницу между взглядом на него туриста и внутренней духовной работой паломника.

Иерусалим — это послушание. В нем осознаешь необходимость длительного паломничества. Здесь нужно ходить неспешно, размышлять несуетно, как это делали Андрей Муравьев или Авраам Норов, душой постигая не столько географию, сколько скрытую магию этих мест. Если же в запасе у тебя всего десять дней, то и тогда не стоит, наверное, стремиться охватить все. Лучше попробовать сконцентрироваться на том, чем манит Иерусалим лично тебя. И, если очень захочешь, то найдешь место, где именно тебе удастся обрести некий особый опыт, начать путь к самому себе.

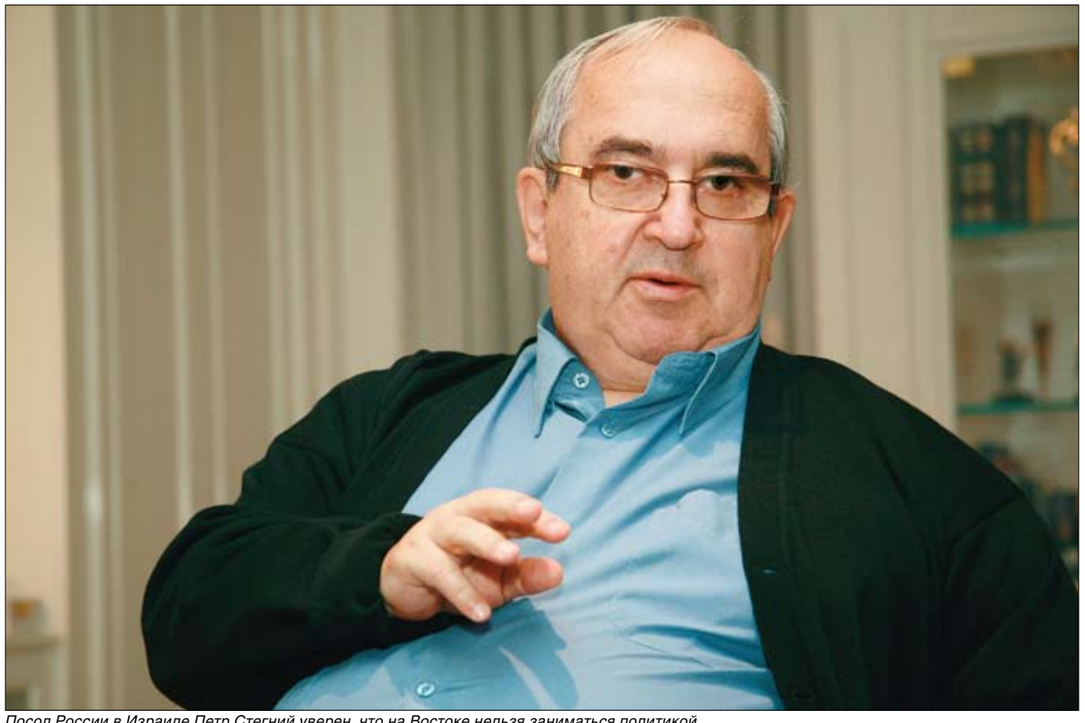
Для меня таким местом стал вид на Храмовую Гору из нашего русского монастыря в Гефсимании. Попав туда, я вдруг понял, как тонко чувствовал эту землю основатель «Русской Палестины» архимандрит Антонин (Капустин). Расположив монастырь напротив Храмовой Горы и точно на одном уровне с ней, он добился удивительного эффекта присутствия как бы в самом центре евангельских событий. Когда же обнаруживаешь, что храм Марии Магдалины на Елеонской горе (в Гефсимании) Антонин расположил на одной оси с Куполом Скалы, стоящим над краеугольным камнем, на котором когда-то находился иудейский Второй Храм, и Храмом Гроба Господня, тебя охватывает особое чувство сопричастности величайшим святыням трех мировых религий.

Здесь, у подножья красивейшего в Иерусалиме храма, хранящего мощи великой княгини Елизаветы Федоровны, и сходит на просящего благодать. Когда я впервые увидел за Кедронской долиной стены старого города, замурованные Золотые Ворота, через которые в город, а точнее не в город, а в Храм въехал «на осляти» Спаситель, для меня образ «горнего Иерусалима» и Иерусалима реального соединились вместе…

Я не очень люблю делиться личным опытом. Есть опасность впасть в словоблудие. Слишком трудно выразить словами то, что испытываешь здесь. Иерусалим — это неизбежное переосмысление, этап твоего духовного пути. То, в каком состоянии духа, насколько подготовленным ты подошел к этой вехе, и определит для тебя образ горнего и земного Иерусалима.

— Но сегодня паломники приезжают на Святую Землю совершенно не так, как это было в XIX веке. Вместо нескольких месяцев они проводят здесь лишь несколько дней и, в результате, ничего не успевают…

Вид на Храмовую гору из русского монастыря в Гефсимании.



Посол России в Израиле Петр Стегний уверен, что на Востоке нельзя заниматься политикой, не зная местной культуры, истории и религиозных традиций. Фото Владимира Ештокина

— Жаль, что мы не можем вернуться к паломнической традиции прошлого. В ней было много хорошего. Но не хотелось бы и сегодняшний день рисовать в черных красках. Я сам неоднократно наблюдал, как человек, приезжая в качестве паломника или туриста, вдруг, попадая на евангельские места, сам того не осознавая, начинает осуществлять особую духовную работу. А если это накладывается еще и на образование, багаж знаний, то эффект дает о себе знать. Я вижу, что люди уезжают отсюда другими, в гармонии с самими собой.

Если говорить о типе паломника-туриста, приезжающего сегодня из России, то по-лесковски колоритные фигуры богомольцев на Святой Земле сменил сегодня не менее экзотический образ человека, выросшего в советской системе, но в той или иной степени бывшего внутри нее нонконформистом. Система ушла, нонконформизм же теперь проявляется в атеизме, который такой соотечественник не преминет подчеркнуть, дав понять при этом, что и к Церкви, и к ее духовным традициям относится с большим уважением. Любопытно наблюдать, как такой человек меняется здесь: вот в Храме Гроба Господня он еще как бы в своей реальности, а через несколько дней в Вифлееме или Назарете он впервые подходит и робко спрашивает совета о том, как ему помолиться. И ты видишь, что этот образованный человек, и до того, разумеется, знавший суть евангельских событий, неожиданно *начал осознавать их реальность*. После этого он еще повторяет, как заклинания, свои привычные слова об отстраненности от Церкви, но видно, что человек этот уже другой, он изменился.

Вчера, сегодня, завтра

— Сегодня много говорят о возрождении русского паломничества, о том, что необходимо вернуться к достижениям Русской Миссии на Святой Земле в XIX веке. Как Вы смотрите на эту проблему?

— Россия действительно возвращается сегодня на Святую Землю. Не всегда гладко, порой болезненными рывками. Это удивительно интересный, живой процесс. И сегодня главное для нас — использовать опыт XIX века, адаптировав его к современным условиям, а не просто формально скопировать. Принципиально важно воссоздать треугольник, на котором всегда базировалось русское присутствие на Святой Земле. Консульство, а затем посольство представляло здесь Россию как государство, Духовная Миссия — Русскую Православную Церковь. И, наконец, Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) хоть и существовало под покровительством царской семьи, но было, по сути, общественной организацией, родившейся снизу. Именно как институт гражданского общества оно сумело достичь в свое время таких успехов, когда при его поддержке пусть не в самых комфортабельных условиях, но все-таки без особых трудностей простые люди — крестьяне, рабочие — могли приезжать на поклонение в Святую Землю, чувствовать себя здесь в безопасности, находить кров и еду.

Деятельность ИППО помогла сделать поток паломников из России устойчивым. Без этого не возникло бы традиций паломничества, не был бы накоплен его богатый духовный опыт. Эта и другие добрые традиции ИППО должны быть возрождены. Но есть вещи, которые необходимо учитывать. Изменилась Россия, изменилась ситуация и здесь, на Святой Земле. Если в XIX веке ИППО действовало на территории Сирии и Палестины, то сегодня значительная часть святых мест Православия находится в Израиле. Свою деятельность здесь мы должны облекать в современные формы, с уважением относиться к законам и традициям израильтян.

Только тогда мы достигнем успеха.

— Вы сейчас нарисовали идеальную картину, но так ли все на самом деле? Многим ситуация видится в несколько ином свете: в гражданское общество и его институты никто не верит, а Церковь считают еще одной рукой правительства. Как же тогда выстроить этот треугольник с тремя равносильными сторонами?

— Здесь я позволю себе некую категоричность: отношение к Церкви как к некоему лоббисту государственных интересов, по-моему, — один из мифов, внедряемых в современное массовое сознание. Это своего рода клише, почерпнутое СМИ в советском времени и мало связанное с сегодняшней реальностью. «Мундиры под рясами» — это, может быть, и «скелет в шкафу» нашей истории, но все же — скелет этот истлел.

Сегодня ситуация меняется. Интересы Церкви и государства отнюдь не всегда совпадают. Это два параллельных пространства, в каждом из которых идут свои процессы, как положительные, так и отрицательные. Мы действительно взаимодействуем. Скажем, Церкви сегодня необходимо овладевать навыками современной дипломатии — и семинаристы стажируются в МГИМО, овладевают навыками профессионального общения, протокола, учат современные языки (а древним нам бы самим стоило у них поучиться!).

Когда я вижу, как много появляется образованных священников, мне кажется, что в Церкви сегодня положительные процессы преобладают. Отношения Церкви и государства только начинают обретать партнерский характер. И не стоит рассматривать их под лупой, пытаясь опровергнуть очевидное. Такая позиция просто опасна — мы можем просмотреть действительно актуальные проблемы.

Скажем, роль гражданского общества, о которой мы с вами уже говорили. Не только ИППО, но и вся Русская Миссия на Святой Земле всегда была сильна именно своими «народными» корнями, а не каким-то высшим покровительством.

Давайте еще раз вспомним архимандрита Антонина (Капустина), человека, который фактически создал русское духовное присутствие от Иерусалима до Галилеи. В свое время он не боялся спорить с властью, шел против МИДа и даже порою против Синода. Но именно ему и его энергии мы обязаны появлением в XIX веке «Русской Палестины».

Думаю, сегодня нам тоже нужен некий «коллективный Капустин». Пусть это будет не один человек, а группа людей. Пусть их инициатива вырастет снизу, а не будет насажена в приказном порядке. И пусть они будут действовать параллельно с официальными структурами, в сотрудничестве с ними, но в то же время не будут связаны бюрократическими путами. Только это убережет нас от ошибок. И только такой баланс поможет нам вернуться к тому лучшему, что накопили на Святой Земле наши предки.

> Русская Миссия на Святой Земле всегда была сильна именно своими «народными» корнями, а не каким-то высшим покровительством. Сегодня нам тоже нужна инициатива, которая вырастет «снизу», в сотрудничестве с официальными структурами, но не будет связана бюрократическими путами.

Дипломатия без культуры невозможна

— Вы много высказываетесь об истории паломничества, Духовной Миссии, о смысле Святой Земли для русской духовной традиции. Интерес к этому вопросу у вас личный или профессиональный?

— Без интереса к подобным вещам дипломатия невозможна. Я уже сорок лет работаю на Ближнем Востоке, поверьте, здесь невозможно жить сиюминутной политической ситуацией, не зная специфики региона с его историей и традицией. Разные части Израиля, западный берег реки Иордан, Египет, Синай — в каждом из этих мест существуют свои особенности, где политика и дипломатия тесно связаны с культурой и религией, а настоящее с прошлым. Анализировать эти переплетения — сложнейшая творческая работа, в которой очень важны чувство времени, понимание традиции и исторической перспективы страны и региона. Поэтому, когда Синай, к примеру, в 1973 году вновь стал территорией Египта, наверное, первыми, кто поднялся в монастырь святой Екатерины, были работники нашего посольства в Каире.

Безусловно, погружение в историю доставляет и личное удовольствие. В 2000 году по линии МИДа мы выпустили двухтомник «Россия в Святой Земле». Для меня это была не работа, а праздник. Но и практическую пользу от такого обращения к истории трудно переоценить. Чем больше мы знаем о прошлом, тем легче нам будет в будущем.

И, кстати, это тот самый случай, когда сотрудничество и с Церковью, и с гражданским обществом необходимо уже и самому государству. ■

Беседовал Алексей СОКОЛОВ
Фото Владимира ЕШТОКИНА

Петр Владимирович СТЕГНИЙ родился в 1945 году. Окончил МГИМО. Работал в посольствах в Судане, Йемене, Египте, Ливии. Возглавлял посольства России в Кувейте и Турции, с 2007 года — Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Израиле.
Почетный работник Министерства иностранных дел РФ. Почетный архивист РФ. Доктор исторических наук.
Награжден орденом Дружбы, орденом Сергия Радонежского III степени, медалью «За укрепление боевого содружества», юбилейной медалью «В память 850-летия Москвы».
Владеет арабским, английским и французским языками.
Женат. Имеет сына, дочь и четырех внуков.

Илья АРХИПОВ, обозреватель журнала «Русский Newsweek»

Помоги моему неверию

Репортаж о паломничестве на Святую Землю

Между Благовещением и Воскресением Христа — резаные грани холмов Иудейской пустыни. На автобусе от Иерусалима до Назарета — три часа. Пешком — две недели. Современные паломники путешествуют с комфортом. В салоне работает кондиционер, а рассказ гида дополняет пейзажи пустыни историями из жизни Святых Отцов. Сестра Мария из Горнего монастыря полька и говорит по-русски с легким акцентом. Необычное звучание знакомых слов не дает вниманию рассеиваться. Талант гида окончательно раскрывается на словах «Лев заел осла», которые становятся кульминацией в истории о святом Герасиме и смиренном льве.

Краткая фабула такова: святой Герасим встретил в пустыне рыкающего льва и вынул у него из лапы занозу. Лев рыкать перестал и в послушании стал сопровождать до реки и обратно осла-водоноса. Однажды лев заснул, и осла украли караванщики. Когда лев, понурив гриву, явился к инокам, те решили, что он кается, потому что «заел осла». Его простили, но назначили «гордому царю зверей» епитимию — носить братии воду. Своим смирением вскоре лев заслужил прощение. Господь послал ему вместе с украденным ослом воров, которых лев привел в монастырь.

Поучительная история о смирении и милости. Сестра Мария припасла ее специально для начала нашего путешествия. Автобус то и дело проезжает израильские блок-посты, которые разделяют палестинские деревни (трущобы) и израильские поселения (оазисы), а тут святоотеческая история переносит нас вроде бы в ту же самую — и однако же — совсем другую землю. Здесь нет боевиков, нет танков. Здесь есть святые и подвижники, Христос и его ученики. Конечно, в сущности, эти земли «неслиянны и нераздельны». Но как трудно порой увидеть святое и вечное за маской человеческого и преходящего.

Со Святой Землей поначалу происходит та же аберрация сознания, что и с Церковью. За человеческой и полной несовершенств земной церковью мы часто не видим Церкви вечной — Христовой. То же и здесь — на земле, полной раздоров, противоречий и светской суеты, так трудно отвлечься и увидеть в ней Землю обетованную. Но когда удается — ты понимаешь, что все так, как должно быть. И человеческая, и Христова Церкви нераздельны так же, как Святая Земля — место пересечения самого Божественного и самого человеческого. Иначе невозможно.

***

Мы въезжаем в Назарет. Успеваем к началу Литургии в праздник Благовещения. Патриарха Иерусалимского встречает парадным шествием молодежь, разодетая в белое с красным. В их марше под барабанный бой видится что-то пионерское. Маленькая греческая церковь заполнена до отказа. К Причастию очередь выстраивается с улицы. Одновременно готовятся к крестному ходу. Выносят хоругви. Одна из них задевает лампаду на иконостасе, и масло проливается на головы и спины стоящих внизу. Больше всего проливается на ветровку одной русской паломницы. Она неспешно снимает ее с себя и предлагает окружающим взять масла. Со всех сторон тянутся руки, люди мажут себя лампадным маслом. Начинается давка, но паломники запевают по-славянски причастные стихи, и напряжение спадает. После Причастия выходим на улицу. Даже не чувствуется, что в давке отстояли долгую службу. Куда-то ушло туристическое настроение, мы почувствовали себя паломниками.

Ответ на вопрос, зачем вообще паломничать, я нашел уже во время Литургии в ночь Великого Четверга на Голгофе. Алтарь Голгофского придела Храма Гроба Господня открыт с трех сторон. Молящиеся окружают престол на месте распятия Христа. Внутри образованного ими кольца служат священники. Здесь, где сейчас совершается Литургия, была принесена евхаристическая жертва Христа. И отчетливо понимаешь, что святые места — это иконы нашей веры. И на Святой Земле мы погружаемся в сосредоточие молитвы не только духом, но и телом. Это как пост. Тело и дух участвуют в деле спасения. Поэтому с молитвой пройти в Великую Пятницу Крестный Путь Спасителя так же важно, как выдержать строгий пост в день смерти Христа или, несмотря на строгость Четыредесятницы, вспомнить о радости Входа Господня в Иерусалим и Благовещения.

Наше паломничество закончилось в Великую Субботу. Перед вылетом в Москву — сошествие Благодатного Огня. Тысячи паломников собираются у Храма Гроба Господня. Люди локтями борются за лучшие места в Храме. Представители разных христианских Церквей ревниво оберегают места для «своих». Количество всевозможных пропусков и «бэджей» поражает воображение. Израильские полицейские деловито расталкивают толпу.

Общая атмосфера суеты в храме совсем не напоминает о покое Великой Субботы, которым отмечен день. И в России у церквей, где освящают куличи, тоже всегда шумно. Но за суетой нет злых чувств, возникающие стычки люди спешат уладить, попросив прощения. Давка больше напоминает стечение людей, описанное в Евангелии. Ведь когда говорил Христос, слушатели не сидели чинно в креслах и не стояли стройными рядами. Закхей залез на дерево, чтобы лучше разглядеть Христа. В Храме Гроба Господня православные арабы, держась за колонны, залезают на стены Кувуклии — часовни, построенной на месте воскресения Спасителя. Та же толпа, то же возбуждение масс. У одних в глазах — радостное ожидание и надежда, у других — любопытство: «Ну, когда же он сойдет?» По словам монахини Марии, которая 16 лет живет на Святой Земле, сегодня люди особенно сильно ждут чудес: «Душа жаждет удостовериться, что невидимое существует, то есть душа хочет чуда. Увиденное раз в жизни, оно остается с человеком навсегда. Чудо будет держать его, через какие бы сомнения и искушения он ни проходил».

Сошествие Огня в Великую Субботу перед Пасхой, на мой взгляд, доказывает простую истину: чудо — это действительно чудо. Это не физический эксперимент, после которого можно сказать: да, совершенно точно Огонь сходит с небес, и это доказывает истинность веры. Нет, именно наличие веры обуславливает чудо. Чудо — это тайна. И тайна здесь сохраняется во всей полноте. Никто, кроме Патриарха, не может сказать, что происходит в Кувуклии. У каждого, кто пожелает сомневаться в истинности чуда, такая возможность остается. И это только доказывает подлинно христианское содержание чуда. Человеку оставляется свобода выбора -— поверить в него или нет. Как в Евангелии: *Верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк **9**:24).

Примером наивной и по-настоящему детской веры остаются для меня иерусалимские православные арабы, без молитвы которых, если верить преданию, чудо не происходит. Под барабанный бой, со свистом и гиканьем арабская молодежь носится по храму, сидя друг у друга на плечах, и выкрикивает слова молитвы, которые приблизительно переводятся так: «Мы же верим. Так дай же нам Огня!» Их экзальтированная и театрализованная форма молитвы, наверное, лучше всего соответствует атмосфере происходящего. Без длинных гимнов, сразу к делу.

Даже то, что сошествию Огня в Храме нередко предшествуют стычки между представителями различных христианских Церквей, не омрачает чуда. «Из-за спора, кому должны принадлежать ключи Храма Гроба Господня, — говорит религиовед Андрей Зубов, — началась Крымская война. Компрометирует ли это идею Воскресения Христова? Компрометирует ли это страдания Христа, искупающего грех человеческий? Нет, конечно. Это просто говорит о том, что люди часто использовали святыню как политическое средство. И это приводит к конфликтам». А стычки перед входом Патриарха в Кувуклию, похоже, стали традицией. Греки и армяне не упускают случая потолкаться, но потом вместе разделяют радость праздника.

Ведь сколько они ни спорят, ни схватываются между собой — Огня, как ни удивительно, хватает на всех. В маленьком подмосковном храме, куда я привез Огонь на Пасхальную литургию, его приняли с такой искренней верой и благодарностью за чудо, словно не находились в тысячах километров от места, где это произошло. Радость наших соотечественников была ничуть не менее полной, чем у людей в Иерусалиме. ■

Графика Елены ЧЕРКАСОВОЙ

Простой рецепт,

или На чем строится церковное единство

16 марта ушел из жизни Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Лавр. За семь лет, в течение которых он возглавлял Зарубежную Церковь, владыке удалось добиться восстановления церковного единства, которое еще совсем недавно казалось невозможным. Наверное, лучше всего масштаб этого события заметен на Святой Земле. Ведь несколько лет назад трудности и взаимные претензии, накопившиеся почти за сотню лет разделения, казались здесь непреодолимым препятствием для воссоединения.

Сегодня на русском участке в Иерихоне спокойно. Весенний, мягкий вечер. Летом в долине Иордана стоит невыносимая жара, а сейчас здесь настоящая благодать. Из фруктового сада можно любоваться закатом над горами и наблюдать за кошками, которых вокруг собралось больше десятка. Они ждут благодетеля — пожилой **монах Серафим** должен вот-вот выйти покормить своих четвероногих друзей.

Наконец батюшка появляется, кошки преданно следуют за ним в сад. А он подходит к гостям, протягивает им грейпфрут, говорит:

— Здравствуйте, угощайтесь. Вы берите те, что уже упали с дерева. Они самые спелые. Вы откуда приехали? Из Москвы, да?

Отец Серафим — монах Русской Зарубежной Церкви. Он живет здесь, помогает с уборкой храма и благоустройством территории, хотя сам предпочитает ходить на Литургию в соседний греческий храм — там на службах очень ценят его познания в византийской певческой традиции. А в русском храме служит **иеромонах Иннокентий**, священник Московской Патриархии, живущий здесь же, в соседнем домике.

Тихий спокойный вечер, люди из разделенной когда-то Церкви неторопливо беседуют о каких-то мелочах. Кажется, что так было всегда. А ведь еще недавно спор о правах собственности на этот участок, принадлежащий ныне Московской Патриархии, многие считали одной из причин, по которой воссоединение никогда не состоится.

В прессе и в интернете множились слухи о происходящем в Иерихоне, и каждый из них сопровождался однозначным выводом: ну уж теперь никакого единства не будет. Однако совсем иначе ситуация выглядела глазами непосредственного участника тех событий — **монахини Екатерины**, которая ныне является секретарем **епископа Берлинского Марка**, главы Духовной Миссии Зарубежной Церкви на Святой Земле.

— Да, когда-то мое отношение к Московской Патриархии было исключительно негативным, — признается она. — Я коренная американка, пришла к Православию вдали от России и о жизни в ней слышала лишь то, что говорили в среде прихожан Зарубежной Церкви. Казалось бы, после конфликта вокруг русского участка в Иерихоне рассказы о пронизанной спецслужбами и сплошь коррумпированной Русской Церкви должны были лишь подтвердиться. Тогда вина Московской Патриархии в случившемся казалась всем нам очевидной, и я тоже была полна гнева. Но я ведь христианка, а значит, должна не только верить во Христа, но и жить в Нем, а Он не учил нас ненавидеть друг друга. Я сказала себе: не важно, как поступают со мной другие, важно как я поступаю с ними. И я поехала в Россию, чтобы самой увидеть, как в ней живет Церковь, понять ее и примириться со случившимся. Разумеется, я увидела совсем не то, что долгое время рисовала в своем воображении. Я ходила и говорила себе: «Невероятно, какие здесь прекрасные люди!» Все вокруг удивлялись, не могли понять, о чем я, говорили, что люди тут самые обычные. А я только повторяла: «Нет, в них что-то есть…»

Пока интернет множит взаимные упреки, в Иерихоне люди некогда разделенной Церкви вновь живут рядом друг с другом. И хотя здесь до сих пор хватает своих трудностей, а взаимная обида и непонимание еще не изжиты до конца, люди постепенно учатся жить вместе.

— На самом деле, мы тянулись друг к другу задолго до официального объединения, которое случилось в прошлом году, — вспоминает отец Иннокентий. — К примеру, здесь жила инокиня Наталья из Зарубежной Церкви, я помню, как мы постоянно говорили о том, как бы здорово было, если бы наше разделение поскорее закончилось, она приходила к нам в храм, мы вместе молились о том, чтобы все было хорошо. А после ее кончины здесь поселился отец Серафим, он очень мне помогает…

> Мы наблюдаем настоящее чудо. Христос объединяет нас вопреки всему, несмотря ни на какие законы человеческих отношений. Секрет нашего единства прост: мы должны жить в Боге, и Он даст нам силы следовать тому, чему Он нас учил.

Безусловно, нельзя сказать, что все теперь в прошлом и о былом разделении можно забыть. Отношения внутри теперь уже единой Церкви сегодня больше всего напоминают перелом, который хотя и скреплен гипсом официального воссоединения, но еще не сросся до конца. Если все будет нормально, со временем о нем можно будет забыть, но пока любое резкое потрясение способно причинить боль.

А потому и движение навстречу друг другу идет аккуратно и медленно, без резких рывков.

— Здесь, на Святой Земле, где Господь призвал всех нас к любви и единству, боль от нашего разделения ощущалась особенно сильно, — говорит глава Русской Духовной Миссии Московской Патриархии **архимандрит Тихон**. — Но и радость от нашего сближения здесь тоже как-то по-особенному сильна. Мы видим, как важно быть вместе, как много мы можем дать друг другу, если будем едины не только по букве, но и по духу. За время разделения две ветви Церкви накопили уникальный опыт. Те, кто остались в отечестве, перенесли страшные гонения, сумели выстоять под беспрецедентным натиском. Те, кто оказался за пределами страны, столкнулись с другими искушениями: они намного раньше нас погрузились в современный мир, где внешние безопасность и комфорт становятся порою губительны сами по себе, потому что несут за собой разлагающий дух общества потребления. В новом веке русскому Православию будет не обойтись без опыта обеих Церквей, и только если они соединятся, мы сможем выдержать все удары судьбы, которые ждут нас в будущем.

О том же, каким путем идти к окончательному воссоединению, отец Тихон и матушка Екатерина говорят практически одно и то же. Вот эти слова:

— Наше объединение может быть только вокруг Христа и только ради Него.

Наверное, человеку, далекому от христианства, это покажется отнюдь не самым главным. Но вся история Церкви построена на этом определении и без него не сможет существовать. Именно следуя этому принципу, Церковь пережила не одну могучую империю, не одно учение, не одну политическую силу. Зато отступление от него, попытка опереться на политику и человеческие возможности всегда приводили христианские общины к краху.

Опыт Русской Церкви в XX веке учит нас тому, что в одиночку люди не могут создать ничего вечного. Только Христос — Господь, ради которого и живет Церковь, — способен до бесконечности удерживать человека от падения, и только пребывая в Нем, можно найти силы для того, чтобы действительно все простить и начать отношения с чистого листа.

— На самом деле, мы наблюдаем настоящее чудо, — говорит матушка Екатерина. — Христос объединяет нас вопреки всему, несмотря ни на какие законы человеческих отношений. Секрет нашего единства прост: мы должны жить в Боге, и Он даст нам силы следовать тому, чему Он нас учил.

У Русской Церкви действительно есть все шансы вновь стать по-настоящему единым организмом. И это случится, если все мы, люди, называющие себя православными христианами, не забудем, ради Кого мы живем.

Тогда, быть может, трагедия XX века перестанет быть для нас ежеминутной бедой, а станет еще одним историческим свидетельством величия Основателя нашей Церкви. ■

Алексей СОКОЛОВ

Русская Церковь. История воссоединения

В XX веке Русской Церкви пришлось разделиться не по собственной воле. Все началось с гражданской войны, когда **Патриарх Тихон** принял решение о создании на отрезанных от Москвы и священноначалия «белых территориях» самостоятельных структур по церковному управлению. Позднее, в эмиграции, на их основе и начала формироваться Зарубежная Церковь.

Впрочем, первое время ни о каком разделении речи не шло. Будучи автономными, с административной точки зрения, православные эмигранты продолжали ощущать себя частью единой Русской Церкви. И так продолжалось до 1927 года, когда **заместитель Патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий** оказался вынужден подписать знаменитую «Декларацию» о признании советской власти.

Это событие и породило разделение. Возмущенные, по их мнению, чрезмерным соглашательством с большевиками, представители духовенства в изгнании порвали все отношения с Церковью в Отечестве. Русская Православная Церковь Заграницей стала самостоятельной организацией, не признающей Московской Патриархии.

Впрочем, несмотря на многочисленные взаимные претензии как в России, так и за границей, православные миряне и духовенство понимали необходимость борьбы с подобным разделением. Когда в начале 90-х гонения на Церковь в России окончательно прекратились, разговоры о воссоединении стали звучать все чаще.

17 мая 2007 года **Патриарх Московский и всея Руси Алексий** и **Первоиерарх Зарубежной Церкви митрополит Лавр** отслужили совместную Литургию и подписали «Акт о каноническом общении». Воссоединение Русской Церкви состоялось.

Ныне Зарубежная Церковь является самоуправляемой частью Московского Патриархата. ■

Отпечаток Палестины

Святая Земля и паломники в старинных фотографиях

В 1892 году между морским портом г. Яффы и Иерусалимом появилось железнодорожное сообщение, значительно упростившее путь паломников. На фото группа русских паломников после прибытия на железнодорожную станцию в Иерусалиме. В центре встречающая сторона: кавас Императорского Православного Палестинского Общества.
Снимок Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1890-е гг.

В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский говорит: «С самого крещения земли русской начали устремляться из нее паломники во святые земли, ко Гробу Господню… такова русская черта, что покаянные подвиги хождения ко святым местам народ издревле еще высоко ценил. Сердцем его всегда влекло туда, — черта историческая». С утверждением великого писателя трудно спорить, да и можно ли: и по сей день сотни тысяч россиян ежегодно отправляются в паломничество на Святую Землю. Но времена меняются и все труднее паломнику произнести от своего имени слова поэта Вяземского:

…среди живого храма
На Гроб Господень я главу склонил,
Что тихою струею Силоама
Я грешные глаза свои умыл;
Что в край, отчизну всех скорбящих,
Я страждущей души носил печаль…

Прийти и прикоснуться к святым местам с открытым сердцем стало не просто. Нам, заложникам века высоких скоростей и усиленной заботы об удобстве и комфорте, катастрофически не хватает времени. Мы едва успеваем обежать достопримечательности и отметиться на пунктах, выделенных в маршруте туроператором.

И все же Святая Земля открывается нам. Каждому по-своему.

Кирилл Вах — по образованию историк-архивист, книгоиздатель, директор издательства «Индрик» — познает «свою» Палестину удивительным образом. Он многократно был в Иерусалиме, в том числе как паломник. Изучает историю «хождений», издает серьезные научные труды по истории паломничества и русского духовного присутствия в Палестине. Но, по собственным словам, живая связь, чувство Святой Земли пришли благодаря увлечению старинной фотографией. «У меня давно, возможно, еще с детства, появился какой-то внутренний интерес к старой фотографии, — говорит Кирилл Вах. — У бабушки хранились альбомы фотоснимков 30-х годов XX века, снятых на зимовке в Арктике. Я часами их разглядывал. Вы знаете, ведь фотограф берет всю такую многогранную жизнь, которую только способен схватить его объектив, нажимает на спуск затвора и… перед нами жизнь, которой уже нет. Но эта-то запечатленная жизнь как раз и остается с нами. Поэтому нет ни одного одинакового снимка, как нет ни одного одинакового мгновения в человеческой жизни. На старинной фотографии это особенно заметно. Например, Иерусалим снимали с Елеонской горы все, у кого только был фотоаппарат. Первое впечатление, когда берешь в руки подобный отпечаток, да еще исполненный в 50-х годах XIX века: перед вами застывший, безлюдный город. Но посмотрите другую, третью, четвертую фотографию, вы заметите и движение, и изменения; само время, прожитое городом в пространстве нескольких снимков, сделается для вас видимым, реальным. По-моему, искусство фотографии сродни поэзии, и поэтому можно говорить о его элитарности. Как и настоящая литература, и классическая музыка, она воспринимается не всеми людьми. Но даже если человек сидит и просто листает альбом старых фотографий, он невольно проживает какую-то другую жизнь, уносится в нее, пытается сопоставить с современностью, в голове возникают аллюзии. Старинная фотография — многогранна, это целый ➥

мир образов и исторических пластов, доступных, читаемых, понятных. Она оказывает определенное воздействие на душу человека. В этом ее эстетическом качестве заключено важное отличие от доступной и массовой продукции цифровой фотоиндустрии нашего времени.

По правде сказать, святые места в городском интерьере современного Иерусалима вообще трудно различить. Вернее, приходится себя убеждать, что вот это и есть самое святое место на земле — храм Воскресения Христова, застроенный зданиями, заполненный на всякий христианский праздник израильскими полицейскими, толпами туристов, опоясанный громадным количеством сувенирных лавок. Ступая по колоритному восточному базару, все время нужно удерживать ум на мысли, что идешь по Крестному Пути. Христианские святыни в их материальном, зримом выражении оказались вновь как бы закрытыми от верующих скорлупой окружающего, чужого, несвойственного им быта. Поэтому сегодня поклонение святым местам — это большой духовный труд, когда нужно пробиться к святыне, не только претерпев лишения во время длительного пути, но чисто духовные соблазны уже в Святой Земле. И в этом мире «поларoидов» и «цифровых мыльниц» старинная фотография способна быть камертоном в душе паломника, помочь ему настроиться среди суеты на вечное, неотмирное. Она дает возможность увидеть памятники Палестины в их более спокойный период, как они существовали сотню, тысячу, а то и более лет. Когда я публикую старинные снимки, я понимаю, что они могут быть неинтересны широким массам. Но я очень радуюсь, когда вижу изумление на лицах людей, сравнивающих старый снимок с тем, что они видят перед собой. И на эмоциональное восклицание человека: «Не может быть, что все так сильно изменилось», мне хочется ответить: «И изменится еще больше, ибо дни вообще лукавы суть».

Наверное, самое большое в России собрание палестинских фотографий хранится в фонде Музея истории религий в Санкт-Петербурге и является частью дореволюционной коллекции фотографий Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). Палестинская коллеция, как она называется на языке музейного хранения, насчитывает чуть более семи тысяч отпечатков. Сегодня на базе коллекции ИППО выполняется большой научно-общественный проект, инициированный Кириллом Вахом, связанный с научным описанием и созданием электронной базы изображений, которая, хочется надеяться, станет доступна, в том числе, пользователям интернета. Совместно с издательством «Индрик» в проекте участвуют сотрудники Музея, научные силы ИППО и Русская Православная Церковь.

В Палестинскую коллекцию вошли снимки практически всех фотографов, работавших в Иерусалиме на постоянной основе. Основной массив отпечатков коллекции принадлежит объективам европейских фотографов. Среди ранних фотографии (50–70-х гг. XIX в.) Джеймса Грэма, Джона Динеса, Джеймса Робертсона и некоторых других фотографов конца 50–60-х годов XIX столетия. С середины 70-х годов появляется и русская фотография, представленная работами начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина). Его сначала дополнил, а впоследствии заменил фотограф Миссии монах Тимон, оставивший колоссальную по объему фотолетопись русской деятельности в Святой Земле в период ее наивысшего расцвета. С 1882 года в Палестине начинает свою работу Православное Палестинское Общество, в уставе которого среди прочих задач значилась не только забота о прибывающих на Святую Землю русских паломниках, удовлетворение их материальных и духовных потребностей. Кроме этого, ИППО ставило целью «ознакомить русский народ с настоящим и прошедшим Святой Земли, чтобы тем послужить для духовного ➥

Иерусалимский полдень. Узкие улочки, образованные плотной застройкой Старого города, в течение всего дня способны создавать теневую зону, предоставляя прохожим отдых от солнечного зноя.
Снимок Американской колонии в Иерусалиме. 1890-е гг.

Городской водонос. Недостаток свежей питьевой воды в Иерусалиме компенсировали водоносы, разносившие ключевую воду Силоамского источника прямо по улицам города в наполненных бурдюках из бараньей кожи, крепившихся за спиной.
Снимок Американской колонии в Иерусалиме. 1890-е гг.

Многолетний сподвижник архимандрита Антонина (Капустина) по устроению Елеонского Вознесенского монастыря, выходец из Рязанской губернии игумен Парфений (Нарциссов) до последнего дня трудился над благоустройством обители. В ночь с 14 на 15 января 1909 г. он был зарезан грабителями в своем домике на Елеоне. Его похоронили с внешней стороны церкви Вознесения, возле могилы своего друга отца Антонина.
Снимок Русской Духовной Миссии. 1900-е гг.

Да созиждутся стены Иерусалимские! До середины XIX века Святой Град не выходил из их пределов, устроенных султаном Сулейманом Великолепным еще в XVI веке. Обрамленный зубцами и башенками, открывался Иерусалим издали взору паломников как город, *слитый в одно здание* (Пс 121:3). На фотографии вид стен с Запада, откуда подходили поклонники к Святому Граду.
Снимок Американской колонии в Иерусалиме. 1890-е гг.

единения между Россией и Матерью Церковью».

Первые фотографы сталкивались с техническими сложностями. Чего стоит длительность выдержки, которая порой доходила до пяти-десяти минут. Поэтому мастерам приходилось фотографировать в самую жару, в полдень, когда улицы были безлюдны, или нанимать местных жителей, чтобы те позировали перед камерой, не двигаясь. При этом большинство населения откровенно побаивалось черного выпуклого глаза фотокамеры.

Впрочем, у технических ограничений была своя положительная сторона, которая состояла в невозможности использовать камеру в любой момент. А потому снимки были более корректными; говоря современным языком, черный пиар с помощью фотографии был просто немыслим. Более того, в основной своей массе фотографы того времени были профессиональными художниками и, как следствие, выверяли и продумывали до миллиметра композицию и ракурс, стараясь преподнести объект съемки максимально красиво, раскрыть его индивидуальность, его сущность. К тому же карточки с видами Палестины пользовались спросом и приносили доход. Но чтобы продать снимок приезжему путешественнику в Иерусалиме или богатому горожанину где-нибудь в парижском или лондонском магазине, нужно было создать настоящий шедевр.

Однако для нас сегодня ценность старинных фотографий Святой Земли — не в их коммерческой стоимости и даже, возможно, не в их красоте или эстетическом воздействии. Sic transit gloria mundi*, — сказал бы философ, разглядывая выцветающие отпечатки с видами Святого Града. Помилуй нас, Господи! — скажем мы в ответ. ■

Подготовила Дарья РОЩЕНЯ

*Sic transit gloria mundi (лат.) - Так проходит мирская слава. — *Ред.*

Вид на Иерусалим с Елеонской горы. Грозовые облака нависают над Иерусалимом в течение двух зимних месяцев, вызывая в воображении картину, предшествовавшую смерти Спасителя на Кресте. Но для местных жителей обилие гроз — залог наполнения источников, колодцев, цистерн и, вообще, залог благополучия на будущий год.
Снимок Американской колонии в Иерусалиме. 1890-е гг.

Гефсиманский сад. Так называется участок с несколькими древними маслинами времен Спасителя, принадлежащий католикам-францисканцам, которые уже более 150-ти лет ухаживают и возделывают его.
Снимок Американской колонии в Иерусалиме. 1890-е гг.

Вид на Иерусалим и Елеонскую гору. Фотография сделана с Башни Давида в тот период, когда Святой Град еще был застроен однообразными домиками с полукруглой крышей, ряд которых часто прерывался пустырями и огородами, хорошо заметными сверху.
Снимок сделан с башни Замка Давида. Принадлежит Английскому Палестинскому Обществу. Конец 60-х гг. XIX века

Архимандрит Антонин (Капустин), окруженный сотрудниками, русскими паломниками и благотворительницами, возле церкви Вознесения на Елеоне, в последние годы своей жизни.
Снимок Русской Духовной Миссии. 1893 (?) г.

Алексей ПИЩУЛИН, телепродюсер

Аще забуду тебе...

В центре одного древнего восточного города есть маленькая, застроенная со всех четырех сторон площадь. Взгляд впервые попавшего сюда человека сразу окунается в темный проем открытой внутрь тяжелой двустворчатой двери. Тот, кто шагнет со света в ее темноту, никогда не вернется назад: он уже никогда не будет таким, как прежде.

Внутри можно так и остаться стоять, прижав руки к груди и наконец разучившись говорить, подбирая разом покинувшие голову слова молитвы. А можно, сдерживая бешеную колотушку сердца, двинуться по кругу направо. В одной из первых алтарных ниш увидим за стеклом обломок камня, на который резвящиеся идиоты когда-то посадили Человека, чтобы воздать Ему издевательские почести: увенчать терновым венцом и набросить на плечи кусок материи кровавого цвета…

Над этой невысокой и сильно изъеденной временем полуколонной положена, как столешница, толстая мраморная плита престола с надписью по торцу. Говорят, если приложить к ней ухо, услышишь то, что происходило на этом самом месте две тысячи лет назад. Я так и сделал: лег ухом на ледяной белый мрамор и закрыл глаза… А когда открыл, прямо перед собой увидел глаза ребенка — затуманенные, отсутствующие, должно быть, такие же, как мои. Так мы и лежали, каждый на своем ухе, почти не видя друг друга и прислушиваясь к тому, что происходило в толще времени, в толще этого камня, и вообще всех камней и скал этого города с громким, всем известным именем.

Не хочу обидеть наших двоюродных родственников католиков, но ничего нет в этом городе «католического» — сентиментального, изящного, претенциозного, способного дать пищу для размышлений эстету или моралисту. Вместе со своим благословением и проклятием он достался нам в наследство от предыдущей цивилизации, которая не ведала сочувствия, не дорожила человеческой жизнью, не почитала материнства, не надеялась на вечную жизнь. Однако то, что некогда находилось за его стенами, оказалось центром всемирного притяжения, главою угла. Из колючего камня сложенный холм со страшным именем стал точкой, где развязался тысячелетний узел поисков и страданий, где треснула сама ткань мира и повернулась ось истории. Событие, превосходящее любой известный человеческой памяти катаклизм, раскололо холм от вершины до самого основания — и эту трещину можно видеть и осязать сегодня, недоверчивый Фома даже может вложить в нее руку… Говорят, однажды трещина вновь оживет и расколет землю пополам.

Самого холма не увидеть: он укрыт, как в гигантском ларце, внутри постройки, объединившей десяток церквей (во всех смыслах этого слова — и религиозных организаций, и богослужебных сооружений). Каждый приходит сюда со знаками своей веры, такими различными, но с одной кричащей дырой в сердце и с одним Именем, которое под сводами Храма страшно произнести вслух…

И то, что было до последней запятой известной, тысячи раз воспроизведенной в воображении историей, здесь приобретает выпуклость и зримость почти невыносимую. Прикасаясь к месту действия, обжигаешь не только ладони, но и душу — до кровавых волдырей. А главное — ничего не прошло и не притупилось, всё как тогда: и толпа, жаждущая знамений, и религиозная нетерпимость, и древние пророчества, въевшиеся в камень. Царственный город по-прежнему ждет своего Царя — и ожидание все так же чревато смертью.

В теснине крытой торговой улочки, по которой Его вели убивать, даже сегодня становится не по себе европейцу, одетому в бронежилет полицейской безопасности, с загранпаспортом и обратным билетом в кармане… Низкие, покрытые вековой грязью своды давят на плечи. В глаза требовательно и неотступно заглядывают горячими восточными глазами жадные и нетерпеливые продавцы разной туристической дряни… Нетрудно представить, как чувствовал себя в этой недоброй толчее полуголый смертник, приговоренный к ужасной казни и тем самым поставленный вне любых проявлений жалости и милосердия! Среди смуглых лиц торгашей и карманников мелькает почерневшее за две тысячи лет, изрезанное морщинами лицо Вечного Жида, Агасфера: он пытается понять, слышны ли вам звук пощечины и слова, когда-то именно тут им произнесенные: «Иди на смерть!» Они все еще летают под перекрытием, ищут путь к небу — и не находят.

Хочется поскорее выбраться на открытое место, чтобы отдышаться и с высоты увидеть ползущую наверх дорогу и весь город — азиатский, ощетинившийся, бескомпромиссный, покрытый могилами и минаретами, начиненный болью и племенными и религиозными претензиями и предрассудками. Опаленный солнцем, многократно разрушенный и отстроенный заново, для каждого он становится концом пути — и началом нового, на котором уже не избавиться от памяти о нем.

А потом вернуться назад, в Храм, и в этот раз с порога увидеть розоватую каменную плиту, на которую было положено Его тело… И согнуть колени, и дотронуться, и убедиться, что она до сих пор вся мокрая от слез! И если станет на то Божьей милости, добавить свои к тем, что были пролиты на этом месте за двадцать веков… У этого камня — вечная Страстная Пятница, вечные сумерки потери, от которых исцеляет лишь Пасха Христова: до нее — всего несколько шагов на восток, в направлении Кувуклии, где зримо сидит на отваленном камне Ангел, вестник Воскресения.

С этой вестью, словно с Благодатным Огнем в фонаре грудной клетки, я возвращаюсь в Россию… Отныне при чтении Евангелия перед моим мысленным взором будут оживать не детские глянцевые картинки, а треснувшее скальное тело Голгофы, ужасные каменные оковы для ног приговоренных к смерти, покрытые пучками высохшей травы камни городской стены и узкая кишащая людьми улица, политая потом и кровью Сына Божия… Я увижу черные свечки кипарисов и высокие небеса, исчерченные следами ангельских крыл. И с новым чувством причастности стану повторять про себя рожденные здесь в начале времен слова:

Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя! (Пс **136**:5) ■

Храм Гроба Господня в Иерусалиме — одна из величайших святынь христианства.
Фото Сергея Титова

Школа добрых дел

Что русское Православие может дать Святой Земле

Было время, когда русское присутствие на Святой Земле не ограничивалось приездом паломников. В XIX веке само сочетание «Духовная Миссия» понималось в гораздо более широком смысле, и в Палестине того времени русские проповедовали, строили приюты и больницы. При поддержке императорской семьи, на территории современного Израиля действовало около сотни школ. Сегодня школа всего одна, при ней же действует единственный приют, которым занимаются монахини Русской Православной Церкви Заграницей. Возможно — это последнее, что осталось от некогда обширной Миссии.
А может — только начало новой эпохи русского присутствия на Святой Земле.

Почти боевые условия

В окне православной школы монастыря Марии Магдалины красуется пулевое отверстие. За окном — Вифания, некогда ближайшее предместье Иерусалима, ныне отделенное от него трехметровой заградительной стеной. Еще недавно, чтобы добраться отсюда до монастыря, достаточно было пройти несколько километров. Теперь нужно ехать на машине, делая крюк приблизительно километров в двадцать. Сам монастырь остался в Израиле, а здесь уже Палестинская автономия. Причем не самый благополучный ее участок.

— А кто в вас стрелял?

— Да кто его знает? Может, мальчишки хулиганили, а может, назло, — говорит сестра Марфа, директор школы. — У нас тут такое регулярно бывает, один раз чуть ребенка в классе не задели. Прямо во время занятий по окнам начали стрелять, пуля точно над головой у девочки прошла.

Условия вокруг школы приближены к боевым, хотя никакой политики в этом нет — обычный криминал. Неспокойная обстановка, плюс обилие оружия дают о себе знать с завидной регулярностью. Год назад на перекрестке у школьных ворот поссорились местный житель и бедуин. Слово за слово, дело дошло до драки, потом до стрельбы. В результате погибли трое случайных прохожих.

Если внимательно приглядеться, начинаешь понимать: здесь почти все, как в России, только труднее и страшнее. Наши проблемы как будто выросли в стократном размере, но вектор их не изменился. И потому сестры из монастыря Марии Магдалины повторяют, что главное их служение в Вифании — это не школа для девочек из, в общем-то, благополучных христианских и мусульманских семей, а небольшой приют, существующий здесь же.

В отличие от остальных трехсот с лишним учениц школы, тринадцати девочкам, живущим в нем, идти некуда. За воротами их никто не ждет, кроме мира, в котором чаще всего убивают не тех, кто стрелял сам.

Марфа и Мария

Приют начинался в 40-е годы. Основательницами его стали две монахини — Мария и Марфа. Шотландки по происхождению, они за десять лет до этого приехали в Палестину и вскоре приняли Православие, а затем и монашеский постриг в русском монастыре на Елеонской горе.

Их новые имена были не случайны. Отчасти на их выбор повлиял рассказ о русской мученице, княгине Елисавете Феодоровне, основавшей в дореволюционной Москве Марфо-Мариинскую обитель милосердия. Но, видимо, еще сильнее сказалось само пребывание на Святой Земле. Здесь часто бывает так, что человека вдруг с силой поражает одно конкретное место — реальность произошедших на нем евангельских событий становится вдруг особенно четкой и осязаемой.

Для двух шотландок таким местом стала маленькая деревушка Вифания и те события, что случились в ней две тысячи лет назад.

Тогда здесь тоже жили Мария, Марфа и их брат Лазарь — друзья Спасителя, ради которых Он совершил великое чудо. В Евангелии упоминается, как выйдя навстречу Христу, Марфа плакала о своем умершем брате Лазаре, и вдруг на свои слова о вере в воскресение мертвых, которое случится где-то в далеком туманном будущем, услышала в ответ:

— Я есть Воскресение и Жизнь…

И ее брат воскрес на четвертый день после смерти, а Иерусалим содрогнулся, потому как узнал — Тот, Кого он ждал веками, уже близко, Ему осталось лишь обогнуть Елеонскую гору…

В XIX веке на памятном для христиан месте стояли храм и гостиница для русских паломников, но во время первой мировой гостиницу превратили в казарму для турецких войск. Потом турки ушли, развалины официально остались в русском владении. Но после революции заняться ими было некому — паломников больше не было, а русские монахини в Палестине трудились на строительстве дорог, чтобы хоть как-то содержать общину и монастырь.

И вот в конце 40-х сестры Мария и Марфа попытались изменить ситуацию. Пожертвовав все свои личные средства, они открыли в Вифании благотворительную больницу. Сперва на пришельцев смотрели косо, даже собирались прогнать или побить камнями, но все изменил первый же несчастный случай. Уже через месяц от пациентов не было отбоя.

Чуть позже при больнице пришлось открыть еще и приют. Специально детей сюда никто не привозил. Они попадали в Вифанию сами: из больших, но бедных арабских семей, от умерших родителей…

Так это продолжается до сих пор, за тем исключением, что сегодня их привозят со всей Палестины и даже из Израиля. Вечная нехватка средств и опытных врачей не позволили сохранить в Вифании больницу, но приют закрыть было уже нельзя, и ➥

Устроить ребенка в христианскую школу считается престижным даже среди палестинских мусульман.

Директору школы сестре Марфе удается строить доверительные отношения со всеми детьми.

он остался существовать на деньги Зарубежной Церкви и благотворителей из разных стран мира.

Постепенно вокруг приюта возникла еще и школа. До шестидневной войны 1967 года в Вифании было много арабских христианских семей, но позже они уехали. Сегодня в школе учатся, в основном, мусульмане. Это обычная ситуация для Палестины, уровень христианских благотворительных школ настолько выше уровня государственных, что несмотря на огромный конкурс отдать в них своих детей стремятся даже исламские семьи.

Педагогическая проза

— У нас нет трудных детей, у нас есть трудные родители, — говорят сестры о девочках из приюта.

Как и в российских детских домах, среди воспитанниц Вифанского приюта практически нет круглых сирот. У большинства есть родители, которые либо не могут, либо не хотят заниматься собственными детьми. Большинство девочек пребывают в приюте пять-шесть дней в неделю, а еще на пару дней возвращаются домой. Зачастую сделать это непросто — приходится по нескольку раз пересекать границу с израильскими территориями, каждый раз рискуя застрять на очередном контрольно-пропускном пункте. Но сестры-воспитатели все равно продолжают регулярно напоминать родителям о том, что у них есть дети.

— Дети везде одинаковые, — говорит сестра Марфа. — Маленькие домой стремятся, а с возрастом начинают больше понимать и уже все меньше и меньше туда хотят.

Впрочем, вне зависимости от того, есть родители или нет, воспитывать девочек приходится монахиням, причем зачастую с нуля. Каждый раз это борьба за то, чтобы ребенок привык мыть руки, спускать воду в туалете, перестал попрошайничать.

Отдельный разговор — воспитание веры. Это своего рода краеугольный камень, говоря о котором, нужно принимать в расчет роль религии на Ближнем Востоке и в арабском мире особенно.

Вера здесь — в первую очередь вопрос личной самоидентичности. Вопросы: «во что ты веришь?», «на чьей ты стороне?» и «как ты живешь?» означают здесь одно и то же. Потому если в деревне из тридцати семей десять исповедуют христианство, то, скорее всего, пятьсот лет назад все было точно так же. Подобная традиционность помогала людям веками сохранять свою культуру, но есть у нее и обратная сторона. Попадая в приют, маленькие арабки уже знают, что они — христианки, но зачастую не знают, что это значит.

Учителя в школе в основном арабы. Хотя важную роль здесь играет и опыт монахинь, получивших образование в Европе, Америке или России.

Главное преимущество частных христианских школ — уровень образования, значительно превосходящий уровень школ государственных.

Сестры-воспитатели стремятся в первую очередь исправить их формальное отношение к вере.

— Они у нас тут меняются на глазах, — говорит сестра Марфа. — Наша главная задача — научить их понимать суть Таинств, к которым они, возможно, уже привыкли. Вот они после Причастия из храма выходят и давай ссориться, мутузят друг друга. Я им говорю: «Девочки, ну как вы Господа приняли? Ведь нужно теперь жить с Ним в сердце! А вы?» И, представляете, это ведь действует. На следующее воскресенье одна из них ко мне подходит и говорит: «Сестра Марфа, я сегодня не могу причащаться. Я знаю, что вот сегодня мы точно опять поссоримся, и Господь от меня уйдет». А если бы вы видели, как искренне они идут на Исповедь! Они уже не номинально верят, они живут по-христиански. Когда тут землетрясение случилось, не сильное по здешним меркам, такая паника вокруг началась! А наши девочки спокойны, они только помолились, и все. Люди вокруг на них смотрят — и тоже как-то успокаиваются. Ничего, обошлось все, слава Богу. Хотя, конечно, воспитывать их сложно. Все-таки арабы — это другой народ, со своим менталитетом, своими специфическими чертами. Надо сперва научиться их понимать.

«Их нельзя не любить…»

Сестра Марфа — из Германии. В свое время родители, поволжские немцы, привезли ее туда из Казахстана. В Германии она выросла, полу- ➥

чила образование педагога. Там же пришла в Церковь и приняла решение стать монахиней. Правда, ее мечтой был монастырь где-нибудь в Греции, но, по настоянию Берлинского епископа Марка, три года назад она приехала в Палестину.

— Трудно тут, — вздыхает она. — Как-то я не готова была здесь жить и, тем более, работать с детьми. Наверное, немецкая ментальность сказывается, когда хочется что-то планировать вперед, а здесь люди совсем не такие, как в Германии, здесь живут только сегодняшним днем. Порой в отчаяние впадаешь, думаешь: «Кому это нужно?» Но ведь здесь мое место, его мне определили для служения, значит, я буду здесь. Тем более дети… Их невозможно не любить. И это нас здорово держит.

В основанном шотландками русском приюте для арабских детей все эти годы трудился христианский интернационал. Англия, Россия, Германия, Америка... Сестры монастыря Марии Магдалины, приехавшие на Святую Землю из самых разных стран, всегда составляли костяк и основу коллектива приюта и школы.

Сегодня они сами водят машины, сами общаются с местными властями, сами ищут средства на продолжение жизни приюта и с тревогой смотрят в будущее.

Говорят, что уже очень скоро Вифанию обнесут стеной с трех сторон и превратят в палестинское гетто на израильских территориях. В городе из двадцати пяти тысяч жителей двадцать имеют гражданство Израиля и уже сейчас думают о том, как бы поскорее уехать в Иерусалим. Что тогда будет со школой — не ясно. А закроется школа — придется закрыть и приют.

Во время перемены девочки из христианских и мусульманских семей играют вместе.

Вообще, от изменчивой политики в Палестине сегодня страдают все. Каждое очередное нестроение наверху отдается во всех уголках маленькой страны и, разумеется, не обходит стороной и Вифанию.

Во время очередных забастовок, восстаний и гражданских катаклизмов люди из очередных группировок и кланов регулярно угрожают, что придут и расстреляют всех, включая детей. Спасает лишь то, что и в умеренной партии ФАТХ, и в радикальном «Хамасе» хватает людей, в чьих семьях есть выпускницы Вифанской школы. И школа продолжает работать.

Ее будущее зависит от вечно неустойчивой ближневосточной политики, от благотворителей и России.

Российское посольство — один из основных заступников за школу перед палестинскими властями. Недавно принадлежащую Зарубежной Церкви школу впервые посетили представители Русской Духовной Миссии Московской Патриархии. По словам ее руководителя, архимандрита Тихона (Зайцева) — вифанские школа и детский приют как раз то место, где двум ветвям Русской Церкви предстоит потрудиться вместе.

Удастся ли это сделать — покажет время. И зависит это не только от политиков и церковных иерархов.

В XIX веке Императорское Православное Палестинское Общество существовало под покровительством императора, но деньги, которые собирались им по всей России, в самых маленьких сельских приходах, играли для него не меньшую роль, нежели щедрые пожертвования августейшей семьи. Сможем ли все мы повторить то, что делали полтора века назад наши предки? Видимо, это испытание для всех нас. ■

Алексей СОКОЛОВ
Фото Владимира ЕШТОКИНА

Пулевое отверстие в окне школы — следы «мелких шалостей» вифанских подростков.

■ Номер расчетного счета Вифанской частной христианской школы и приюта в Израиле:
Name: Bethany Community of the Resurrection of Christ Orthodox School of Bethany Israel
Bank: Mercantile Discount Bank
Number of the Bank: 17 limited Salah Eddin Branch Branch number: 638
Swift Code: BARDILIT
Account number: 428388

Пространство культуры

Пространство культуры

Духовный центр мира

Традиция паломничества в Святую Землю возникла на Руси едва ли не сразу после ее Крещения. Чем была Палестина для русского религиозного сознания? И что она значила для Русского государства? Как осуществлялось русское присутствие в Святой Земле в прошлом и в чем оно проявляется сейчас? Об этом мы беседуем с историком Николаем ЛИСОВЫМ, заместителем председателя Императорского Православного Палестинского Общества.

— Николай Николаевич, как раскрывалась тема Святой Земли в древнерусской литературе?

— В древнерусской литературе духовная связь с Палестиной отразилась двояким образом. Во-первых, сформировалась целая литература «хождений». Люди, обладающие писательским даром, побывав в Святой Земле, оставляли об этом письменные свидетельства. Наиболее знаменитое произведение этого рода — «Хождение» игумена Даниила, который, как считают историки, совершил свое паломничество около 1106–1107 годов. Но это произведение менее всего похоже на современные туристические отчеты. В центре внимания автора — значение паломничества для спасения души, религиозные мотивы, сподвигнувшие его совершить столь далекое и опасное путешествие. Игумен Даниил говорит о своих молитвенных переживаниях, о том, как ощущал свое недостоинство, придя в Святую Землю. Вместе с тем, и игумен Даниил, и последующие авторы хождений не только делятся с читателем своими благочестивыми размышлениями, но и рассказывают — ярко и подробно — о том, какова же она, Святая Земля. То есть, в известном смысле, это все же и путеводитель. Причем талантливый и благодатный. Особое благословение Божие можно видеть в том, что первое произведение русской паломнической литературы «Хождение игумена Даниила» оказалось и самым лучшим за многовековую историю русского паломничества.

Это одна сторона, книжная, «литераторская». Но есть и другая — фольклорная. В отличие от воинственной пассионарности западных крестовых походов движение русских «очарованных странников» привело к возникновению более мирного, не рыцарского — музыкально-поэтического «сословия», так называемых «калик перехожих». Живые иерусалимские впечатления паломников отражались в русских духовных стихах. Прежде всего, это «Стих о Голубиной Книге»:

Близ города Иерусалимова
С той стороны с-под восточныя
Восставала туча темная, грозная.
Из той из тучи темныя, грозныя
Выпадала Книга Голубиная…

Особенность духовных стихов в том, что, книжные по содержанию, они облечены в устную, музыкально-поэтическую доступную форму. В образах Голубиной (Глубинной) Книги поэтическая память народа запечатлела древнюю таинственную связь Святой Земли и Святой Руси. Это, по сути, модель вселенной, полностью ориентированная на Святую Землю.

Там спрашивается, к примеру: а какая река всем рекам мать? А какая гора всем горам мать? А какой город всем городам мать? А какое древо всем древам мать? Ответы очевидны: всем рекам мать — Иордан, ибо в нем крестился Спаситель, гора Фавор — всем горам мать, ибо на ней преобразился Христос, Иерусалим — всем городам мать, кипарис — всем древам мать, потому что на кипарисовом кресте был распят Сын Божий.

И только на вопрос, какая земля всем землям мать, «Голубиная Книга», не мудрствуя лукаво, отвечает: а Святая Русь всем землям мать. Картина замыкается: Святая Русь в народном поэтическом сознании сливается со Святой Землей.

Это очень важная особенность народной поэзии. В духовных стихах не надо искать точных реалий, там все смещено — например, Гроб Господень оказывается на Сионской горе, на Фаворской горе оказывается гробница Божией Матери, и так далее. Да, это все народное воображение, но опирается оно на реалии хождений в Святую Землю. Образно говоря, древнерусское паломничество на тысячу лет вперед сформировало русскую картину мира.

— А проявляла ли государственная власть в допетровской Руси свой, державный, интерес к Палестине — не только религиозный, но и политический?

— Интерес был поначалу чисто религиозный. Тут надо пояснить важный момент. Палестина в русском сознании XI–XII веков воспринималась как *христианская* земля. Крестоносцы уже взяли Иерусалим, уже основали в Палестине христианские государства, но еще не были выбиты оттуда мусульманами. Да, крестоносцы были католиками, да, формально раскол Церкви уже состоялся в 1054 ➥

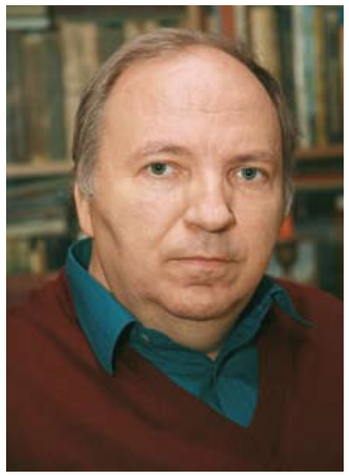


Фото Владимира Ештокина

■ **Николай Николаевич ЛИСОВОЙ** родился в 1946 году в городе Станиславе (ныне — Ивано-Франковск). Окончил в 1967 году Московский государственный заочный педагогический институт, в 1972-м — аспирантуру Института философии. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Императорского Православного Палестинского Общества, доктор исторических наук.

◀ *Инокиня Мария демонстрирует картины насельниц русского монастыря Марии Магдалины в Гефсимании.* Фото Владимира Ештокина

году, но реально православный мир до XIII века еще не придавал этому такого значения, как впоследствии. Паломники потоком шли в Святую Землю, зная, что там их не обидят, что там христианская власть. Тот же игумен Даниил, пришедший в Иерусалим спустя шесть лет после его освобождения крестоносцами, с благодарностью писал о короле Балдуине, как тот его обласкал, дал охрану, поставил в Храме Гроба Господня на лучшем месте, когда совершалась служба Святого Огня — которую, кстати, совершал латинский епископ. Уникальное, между прочим, свидетельство, потому что в последующие века католики отказались от Святого Огня и в лучшем случае считают его одним из богослужений Греческой Церкви, а в худшем — подделкой. Но в 1106 году православный игумен Даниил спокойно стоит и ждет Святого Огня, и католический епископ его получает, передает католическому королю-крестоносцу Балдуину, а от Балдуина уже зажигает свечу наш Даниил, и все нормально, все довольны. Напомню, что тогда у нас с католиками был единый календарь, юлианский, все праздники, в том числе и Пасха, совпадали. На григорианский календарь католики перешли почти на пятьсот лет позже, в 1582 году.

Кстати, само слово «паломник» — латинского происхождения. Паломник — это, строго говоря, тот, кто участвовал с пальмовой ветвью в крестном ходе праздника Входа Господня в Иерусалим. Но самого слова «пальма» в древнерусском языке нет: термин «паломник» — это калька с латинского palmarius. В конце XIX века митрополит Платон (Городецкий), говоря о католиках, сказал, что «наши земные перегородки до неба не доходят». А уж в XII веке они еще не то что до неба, а и просто высоко не поднялись.

Потом, конечно, все изменилось к худшему — начиная с 1204 года, когда крестоносцы обрушились на православный Константинополь, а в 1240 году тевтоны напали на наши Псков и Новгород. Только после этих трагических событий между Православным Востоком, в том числе Русью, и Католическим Западом возникает «железный занавес».

Византийское наследство обязывает...

— Но когда же появился «политический аспект»?

— Условно точкой отсчета можно назвать 1453 год, когда Византийская империя пала под натиском турок. Русь осталась *единственным в мире* православным царством и потому воспринималась в качестве гаранта всех православных — не только русских, но и вообще во всем мире. В том числе и на Ближнем Востоке. Русское царство стали осмыслять в качестве преемника Византии. Причем, что характерно, такое видение шло не столько из самой России, сколько извне. Эта роль буквально навязывалась московскому царю. С точки зрения Восточных патриархов, Империя ушла на север. И если мы пролистаем летописи, то увидим, как год за годом из Иерусалима, из Александрии, со Святой горы Афон на Русь приходят за помощью — поначалу, в основном, материальной. А позднее Россия начала оказывать восточным православным не только материальную, но и дипломатическую помощь.

Возьмем, к примеру, так называемый «Константинопольский трактат» 1700 года, в котором впервые прописывались права русских паломников, то есть государство официально брало на себя их защиту. А потом уже речь пошла о юридическом праве защиты не только русских паломников, но и вообще всего христианского населения Турции (которая, напомню, владела тогда всем Ближним Востоком). Скажем, в Кучук-Кайнарджийском мирном договоре 1774 года черным по белому написано, что Россия имеет право заступаться за христианское население и требует — именно требует! — от Порты защиты прав христиан.

Но ни в XVIII, ни в XIX веке Россия, в силу некоего православного политического целомудрия, не стремилась «конвертировать» эту защиту местных христиан в некие политико-экономические инициативы — проще говоря, в колонизацию. Местные христиане, кстати, хотели и ждали от России гораздо большего — вплоть до немедленного освобождения Иерусалима от турок...

> А какая река всем рекам мать? А какая гора всем горам мать? А какой город всем городам мать? Ответы очевидны: всем рекам мать — Иордан, ибо в нем крестился Спаситель, гора Фавор — всем горам мать, ибо на ней преобразился Христос, Иерусалим — всем городам мать.

Русская Палестина

— А когда началось организованное русское паломничество в Святую Землю?

— В XIX веке в Иерусалиме образовалась уже небольшая — несколько десятков человек — русская колония. Это были бывшие паломники, по разным причинам осевшие в Иерусалиме. Начиная где-то с 40-х годов, паломничество развивается более динамично. До Крымской войны, по разным данным, русских паломников бывало в Палестине от 200 до 400 человек в год. По тогдашним временам, не так уж и мало.

И вот в 1847 году создается Русская Духовная Миссия в Иерусалиме — в первую очередь для того, чтобы духовно окормлять паломников, чтобы обеспечить им привычное богослужение на славянском языке. Но все канонические права и прерогативы оставались за греческим Иерусалимским Патриархатом, все паломники располагались в греческих монастырях, и все доходы от пожертвований, от треб шли греческому духовенству.

Затем была Крымская война 1853–1856 гг., возникшая, кстати, из-за конфликта на святых местах и закончившаяся поражением России. И тут случилась интереснейшая вещь: нашим «несимметричным ответом» Западу стал совершенно неожиданный пассионарный взрыв русского паломничества. Как это происходит? По итогам Крымской войны России было запрещено держать военный флот на Черном море. Для того чтобы мирным образом восполнить этот вакуум русского присутствия на Черном и Средиземном морях, создается РОПИТ — Русское общество пароходства и торговли. Юридически это частная компания, но, на самом деле, наполовину в ней участвует правительство. Не только казной. Весь командный состав — капитаны, помощники капитанов, суперкарго на всех кораблях — это бывшие морские офицеры.

А что дальше? Чтобы РОПИТ был эффективен, он должен что-то возить. Понятно, что он перевозит грузы, товары — но он еще и пассажиров возит. С целью увеличить поток пассажиров, к нему подключают паломников. Начинается, так сказать, «разогрев» исконной стихии православного паломничества. А ее разогреть несложно.

Пасхальная трапеза для русских паломников во дворе Сергиевского подворья ИППО. Снимок нач. XX в.

И вот этот вал паломничества естественным образом начинает влиять и на политику, и на экономику. Если мы возим уже не сто человек, а тысячу — возникает вопрос, где их разместить, как их прокормить, как обеспечить для них богослужение. Образно говоря, в старом Иерусалиме должен возникнуть новый — Русский Иерусалим, центр приема и обустройства паломников. И он возникает. Покупаются участки земли, один из участков преподносит в дар турецкий султан. И на этих землях начинается строительство.

В четыре года (1860–1864) вырастает целый небольшой город, с Троицким собором в центре: двухэтажное здание Русской Духовной Миссии, одноэтажные женское Мариинское подворье и мужское Елисаветинское... Тут же рядом — здание Русского консульства, которое учреждено было в Иерусалиме в 1858 году, тут же — Русская больница... Теперь русские люди не ютятся в тесных и сырых греческих монастырях (совершенно, кстати, не рассчитанных на такой наплыв паломников), а размещаются в удобных, просторных помещениях. И что получается? Чем больше паломников — тем активнее расширяется русское присутствие в Иерусалиме, а чем активнее оно расширяется — тем больше людей вовлекается в паломническое движение.

К началу XX века русских паломников в Иерусалиме было до 10 тысяч ежегодно, причем до 6000–6500 — единовременно на Пасху. И всем надо было обеспечить приют, питание, возможность участвовать в богослужении — а значит, все больше строить странноприимных домов, храмов, монастырей, расширять подворья...

Так, естественным путем, родилась Русская Палестина. И чем дальше, тем больше она становилась стабилизирующим фактором в политических отношениях.

— Понятно, что богатые и знатные подданные Российской империи имели все средства и возможности, чтобы отправиться в паломничество, а вот насколько это посильно было обычному человеку?

— Поначалу паломничество было, как я сказал, движением стихийным. Накопил крестьянин или ремесленник рублей сто-двести, добрался до Одессы — зачастую пешком откуда-нибудь из Сибири! — а там шел к градоначальнику, выправлял себе, как тогда выражались, «заграничный пачпорт», садился на пароход и плыл в Святую Землю. По «социальному составу» это были разные люди. Почти две трети от общего числа паломников составляли крестьяне, но были и дворяне, и купцы, и духовенство. Как правило, люди уже немолодые. И примерно на две трети — женщины. (Такое же соотношение количества мужчин и женщин сохраняется, кстати, и в структуре современного российского паломничества.)

Но действительно, не всякому было доступно такое путешествие — ➥

«Дошли». Караван русских паломников, возвращающихся из Назарета в Иерусалим. Снимок Русской Духовной Миссии. 1890-е гг.

многие паломники копили на него всю жизнь. Поэтому им нужно было помогать, нужно было создать льготные условия.

Палестинское Общество

С этой целью и создается в 1882 году Императорское Православное Палестинское Общество. Это организация неправительственная, устроенная довольно демократически. Общество ставит перед собой три задачи: во-первых — организация и обустройство русского паломничества, во-вторых — помощь православным в Святой Земле, в-третьих — научные, научно-издательские и просветительские задачи.

Что же делает Палестинское Общество для обустройства паломничества? В Иерусалиме оно берет на себя строительство дополнительных помещений — к примеру, знаменитое Сергиевское подворье, Александровское подворье возле Храма Гроба Господня, Николаевское и Вениаминовское подворья, создаются подворья в Назарете и в Хайфе.

А в России Общество вступает в переговоры с железнодорожными ведомствами и добивается льготного тарифа для паломников. Проезд из любого центра Российской империи до Одессы облегчается в несколько раз. Точно так же Общество договаривается с пароходными компаниями. В результате, к примеру, из Москвы до Иерусалима и обратно можно было съездить за пятьдесят рублей. Вводятся так называемые «паломнические книжки». В Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде или Таганроге можно было у местного представителя Палестинского Общества купить паломническую книжку, которая давала право льготного проезда туда и обратно. Проживание на подворьях ИППО было крайне удешевленным. За обед, самовар, постель и кусок мыла паломник платил 13 копеек в день.

Разумеется, на самом деле, содержание паломников обходилось гораздо дороже. За каждого из них (а их было в год около 10 тыс. человек) Общество из своих средств доплачивало 12-15 рублей.

Но одним лишь бытовым обустройством дело не ограничивалось. С самого начала своей деятельности Общество добивалось того, чтобы паломники не слонялись без дела по Иерусалиму, не ходили по злачным местам (которые там, увы, были и есть). По вечерам проводилась огромная, как мы теперь сказали бы, культурно-просветительская работа. Постоянно читались лекции, причем с «волшебным фонарем», с демонстрацией «туманных картин», говоря современным языком, слайдов. Представляете, какой эффект это оказывало на малограмотных или вообще неграмотных в массе своей сельских мужиков и баб? Тематикой этих лекций как раз и был рассказ о Святой Земле, о тех местах, которые паломники уже посетили или которые им предстояло посетить. Параллельно с этим читались лекции по истории Церкви, по истории русско-палестинских отношений.

Причем такие лекции читались не только в Иерусалиме — то же самое делалось и в России. В предреволюционные годы в 52 епархиях существовали епархиальные отделы Императорского Православного Палестинского Общества. Священники с туманными картинами, с волшебными фонарями, с пудами листовок и бесплатных брошюр ехали в «глубинку», в села, читали там лекции. Заметьте — эта религиозно-просветительская работа велась в условиях, когда со всех сторон наступали и атеистические идеи, и дух коммерции, и революционная пропаганда. По существу, это была самая настоящая миссионерская деятельность — не среди папуасов, а среди многомиллионной массы русского православного народа.

— Палестинское Общество занималось в Святой Земле просвещением только русских паломников или еще и местного населения?

— Прежде всего, местного населения! В Палестине ведь было немало арабов-христиан. Одним из главных направлений деятельности ИППО, а в плане внешней политики даже и важнейшим из всех, был в дореволюционный период многоаспектный комплекс мероприятий, покрывавшихся понятием «поддержка Православия в Святой Земле». В это понятие входили и прямая финансовая помощь Иерусалимским Патриархам, и строительство храмов в местах компактного проживания православных с последующим их обеспечением всем необходимым, и дипломатическая помощь Патриархии в противостоянии как турецким властям, так и инославному внедрению. Но наиболее эффективной сферой вложения средств справедливо считалась учебно-просветительская работа среди арабского православного населения — практически единственный реальный инструмент конкуренции православной России на Востоке с католическими и протестантскими державами Запада.

А Иерусалимский Православный Патриархат этим совсем не занимался. Подавляющее большинство духовенства — и всю иерархию — составляли здесь греки, причем это духовенство было пришлым, в Иерусалиме ведь не было греческой колонии. Поэтому еще начиная с XVIII века, а особенно в XIX веке накопилось огромное взаимное неудовольствие греческой иерархии и арабской православной паствы. Ее, паству, не допускали к церковному управлению. Во времена, о которых мы говорим, не было ни одного араба-епископа, ни одного араба-архимандрита. Арабских священников можно было встретить только в беднейших сельских храмах.

Поэтому образованием арабов никто не занимался. Иерусалимской Патриархии это было неинтересно. Василий Николаевич Хитрово, инициатор создания Палестинского Общества и с 1889 года его секретарь, писал: «В 1880 году я проехал всю Палестину от севера до юга и не нашел ни одной греческой школы для местного арабского населения».

Такие школы и стало создавать Общество. В Иерусалимском Патриархате было создано 24 школы, в Антиохийском — 77. Местные преподавательские кадры готовили две учительских семинарии — мужская в Назарете, и женская в Бет-Джале.

К началу XX века русских паломников в Иерусалиме было до 10 тысяч ежегодно, причем до 6000–6500 — единовременно на Пасху. И всем надо было обеспечить приют, питание, возможность участвовать в богослужении — а значит, все больше строить странноприимных домов, храмов, монастырей, расширять подворья...

Практически вся интеллигенция не только Палестины, но и Ливана, и Сирии прошла через школы Палестинского Общества. Будущая национальная интеллигенция, «национальные кадры»...

Этим и определялось отношение местного населения к русским. К примеру, в Назарете были католические школы для местных детей, были и протестантские. Но когда Общество создало там русские школы, то население валом повалило туда. Один католический патер пришел к начальнице русской школы и возмущался: «Что вы делаете? Вы же уводите у меня учеников!» На что начальница ответила: «Пока мы не открыли школу, дети ходили к вам, потому что больше им пойти было некуда. Почему же теперь я должна прогонять детей, которые хотят учиться именно в русской школе?»

Кстати сказать, русское паломничество было еще и экономически выгодно местному населению. Естественным образом возникла целая индустрия религиозных сувениров — перламутровые иконы, кресты из елеонских маслин, иконы на камнях из Иордана. Все это раскупали наши паломники. В. Н. Хитрово писал: «Пройдите от Яффы до Иерусалима и обратно — и вас не поймет по-русски только какой-нибудь пришлый издалека бедуин».

Под британским мандатом

— Но вот грянул 1917 год. Что случилось после этого с российской собственностью в Святой Земле?

— Начнем чуть пораньше, с 1914 года. Когда началась первая мировая война, Турция выступила на стороне Германии. Поэтому все служащие Палестинского Общества, все учителя русских школ были высланы из страны или интернированы в лагерях. Деятельность Общества прекратилась, связь России с Палестиной оборвалась. Когда в 1918 году, после завершения войны, русские люди вернулись в Иерусалим, ➥

оказалось, что подворья частично разграблены. В них были устроены турецкие казармы.

Согласно мандату Лиги наций власть над Палестиной получила Англия. Начинаются тридцать лет так называемого «британского мандата». Выгнав турок из русских зданий, британские войска сами их занимают — хотя формально все это происходило, как сейчас говорят, «в правовом поле». Британский мандат подразумевал, что все святые места находятся под опекой британского правительства и британской колониальной администрации. В том числе и русские религиозные объекты.

На практике это означало, что англичане платили арендную плату за используемую ими отнюдь не по назначению русскую недвижимость. С 1918 по 1948 год эта плата была единственным источником поддержки сохранившейся в Иерусалиме Русской Духовной Миссии и русских монастырей. А русские женские монастыри — Горненский и Елеонский — продолжали действовать. Монахинь было много — несколько сотен. И такая вот «добровольно-принудительная» аренда русской недвижимости, с одной стороны, обеспечивала их существование (доходов от паломничества практически ведь не стало), а с другой — была явлением ненормальным, создавала опасный прецедент. Англичане распоряжались как хозяева, не спрашивая мнения ни Палестинского Общества, ни церковных властей. Что-то использовалось под склады, что-то сдавалось внаем. В Сергиевском подворье стояла английская жандармерия, в Елизаветинском подворье был полицейский участок.

В. Н. Хитрово писал: «Пройдите от Яффы до Иерусалима и обратно — и вас не поймет по-русски только какой-нибудь пришлый издалека бедуин».

В здании Русской Духовной Миссии разместился Британский колониальный суд. Кстати, когда возникло государство Израиль, в этом же здании устроили Верховный суд Израиля, сейчас там находится Мировой суд города Иерусалима.

Нужен ли Москве Иерусалим?

— А советское правительство не пыталось претендовать на эту недвижимость?

— Разумеется, пыталось. В 1923 году Британскому Министерству иностранных дел была вручена знаменитая «нота Красина» о том, что Советский Союз требует вернуть всю свою зарубежную собственность, в том числе и в Палестине. Перечислялись все эти объекты. Англичане тянули, не отвечали ни «да», ни «нет». Мол, в принципе да, но есть же прямые собственники, надо решать в суде. Уже под конец британского мандата, в апреле 1948 года, англичане издали указ, что вся эта собственность остается за Русской Православной Церковью Заграницей и за теми эмигрантами, которые создали «Палестинское Общество» в изгнании, считая себя правопреемниками дореволюционного ИППО. Но никакой силы этот указ уже не имел, потому что было провозглашено государство Израиль, а Израиль этот указ не признал. В 1948–1952 годах большая часть русской недвижимости была передана СССР. Меньшая часть, расположенная на территории, отошедшей после Арабо-Израильской войны 1948 года к Иордании и оккупированной Израилем после Шестидневной войны 1967 г., осталась в собственности Зарубежной Церкви.

Вообще история с собственностью — сложная, запутанная, об этом можно говорить очень много. Недвижимость, возвращенная Советскому Союзу, долгие годы практически никак не использовалась. Кончилось тем, что, когда в 1958 году в Иерусалим был назначен новый посол М. Ф. Бодров, он поинтересовался, а какова экономическая эффективность этих участков. Нулевая? И тогда он распорядился — цитирую дословно! — «продать все к чертовой матери!». Начался долгий и нудный период торговых переговоров. И Русскую Палестину продали — за 4,5 миллионов долларов. Эта предательская сделка была подписана 7 октября 1964 года — за неделю до падения Хрущева.

***

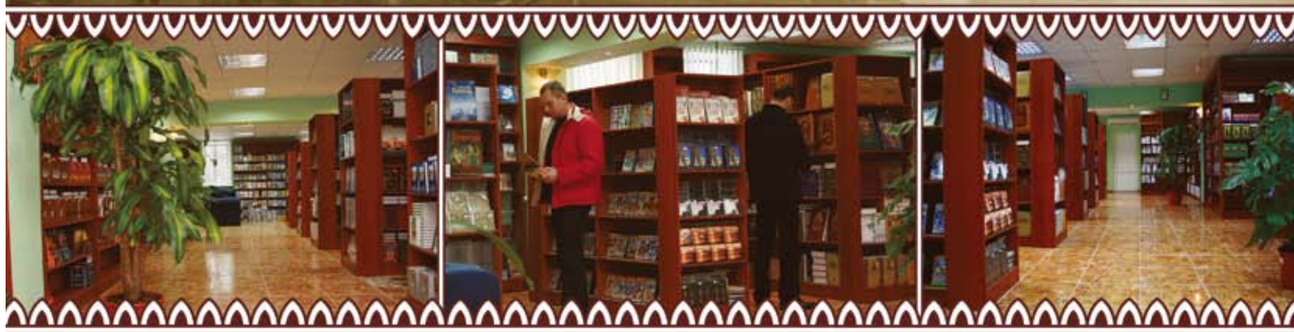
— Подводя итог нашему разговору, спрошу: что значит Святая Земля для современного русского Православия? Изменилось ли что-то за тысячу лет?

— Думаю, не изменилось. Святая Земля сейчас для нас значит то же самое, что значила и в XI веке, и в XVI, и в XIX. Это духовный центр мира. На современных географических картах, в отличие от средневековых, Иерусалим не изображается в центре «круга земного». Но в духовных координатах христианина средоточный пункт мировой истории по-прежнему там — у святынь Голгофы и Живоносного Гроба. Крупнейший еврейский философ XX века Мартин Бубер незадолго до своей смерти писал: «Будущее будет решаться не между Москвой и Вашингтоном, а между Москвой и Иерусалимом». Я уверен, что он имел в виду не политический аспект, не борьбу коммунизма с сионизмом, а духовный. Насколько Москва захочет, как прежде, самоотождествиться с Иерусалимом земным и небесным. Насколько она окажется верна своему евангельскому призванию. ■

Беседовал Виталий КАПЛАН

Одно из зданий Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В настоящий момент здание принадлежит государству Израиль.

Фото Владимира Ешкокина



В нашем магазине:
- Широкий выбор богослужебной, учебной, художественной, духовно-просветительской и детской литературы.
- Аудио- и видеопродукция.
- Система скидок – до 15%
- Доставка заказов по регионам России, дальнего и ближнего Зарубежья.

Наш адрес: Московская область, Пушкинский район, поселок Софрино. Улица Железнодорожная, 55, 40 км. от Москвы, Ярославское шоссе, 200 метров от предприятия "Софрино".
Телефоны: 8-903-736-27-87; 8-903-524-89-64; 8-916-787-82-22; 8-962-943-37-46; 8-916-373-81-47
e-mail: kli.76@mail.ru; shlyager85@mail.ru; olegpanchenko75@mail.ru

Закат над Старым городом

Путеводитель к радости

Святая Земля в акварелях

Иерусалим

Несколько лет назад в стенах Третьяковской галереи состоялась не вполне обычная выставка: «Мы рисуем на Святой Земле».

Во-первых, авторство представленных акварельных рисунков принадлежит сразу целому коллективу. Во-вторых, пейзажи Иерусалима, Елеонской горы, Гефсимании написаны сестрами монастыря, несущими иноческое послушание на Святой Земле. В-третьих, работы, которые искусствоведы сочли достойными крупнейшего выставочного зала страны, сделаны в большинстве своем непрофессиональными художниками.

Совсем порой незатейливые акварели: натюрморты, пейзажи, просто легкие зарисовки и быстрые этюды — интересны, в первую очередь, духовным опытом своих авторов. Те сложные чувства и эмоции, что испытывает христианин на земле Спасителя, становятся в них осязаемыми физически.

Несколько насельниц русского монастыря во имя святой равноапостольной Марии Магдалины в Иерусалиме во главе с игуменьей не скрывают своих имен, но на выставке под графическими листами подписей не ставят. И хотя внимательный зритель легко обнаружит разницу художественных манер, но так и не узнает, чья кисть потрудилась над той или иной работой. В этом есть определенный смысл — сестры воспринимают свое творчество как совместный труд, и даже больше — как совместную молитву.

Начало такому совокупному творчеству положила одна из послушниц монастыря, в отличие от прочих пришедшая в обитель уже сложившимся художником. Выпускница художественно-графического факультета пединститута, член Союза художников России, она сумела увлечь своим творчеством сестер монастыря, многие из которых на тот момент и кисть в руки никогда не брали.

— Ни в монастыре, ни в миру в воскресные и праздничные дни не принято заниматься будничным трудом. Каждый проводит этот день по своему усмотрению. И мы, выходя на этюды выходного дня, смотрим, как это хорошо сотворено. Наше рисование на Святой Земле, — говорит сестра Мария, — это и продолжение, и сопровождение молитвы одновременно. А если говорить точнее, наша живопись – отражение мига нашей радости о мире Божием. И радуясь, фиксируем на бумаге в цвете или графике то, что видим. В отличие от профессионалов-художников мы не ориентируемся на зрителя. Выставки организуют в России наши друзья.

Просто есть сегодняшний день, есть красота данного мига, и есть мы, с нашими думами, нашим созерцательным покоем, нашей хвалитной воскресной молитвой к Создавшему эту красоту. Слышали мы мнение, что наша графика несет свет. Мы к этому не причастны. Это Свет Святой Земли, которую мы любим, на которой живем и которую рисуем.

Главное в акварелях сестер монастыря Марии Магдалины не содержание, и даже не форма. Это, скорее, наполненность неким особенным, неуловимым позитивом, который не что иное, как отражение состояния души художника. Святая Земля в работах монахинь совсем не похожа на фотографии из туристических буклетов. Здесь нет памятных мест или каких-то особенных «православных» акцентов. Но есть христианская радость, которая не зависит от места и существует вне времени и пространства. Светящиеся, полупрозрачные акварели отражают целую жизнь — не мгновенную вспышку, за которой всегда идет угасание, а постоянное пребывание в Боге, осознание через Него повседневной, иногда весьма заурядной реальности.

Закат над Иерусалимом, красные маки, гладь Галилейского моря… Порой на картинах нет привязки к географическому Израилю. Вот дерево, под ним два стульчика — кто-то посидел, поговорил, поднялся и ушел. Эти маки могут вырасти где угодно — от Подмосковья до оазисов Аравийского полуострова, такие пальмы легко найти в любом ближневосточном пригороде. И кажется, при чем тут Святая Земля?

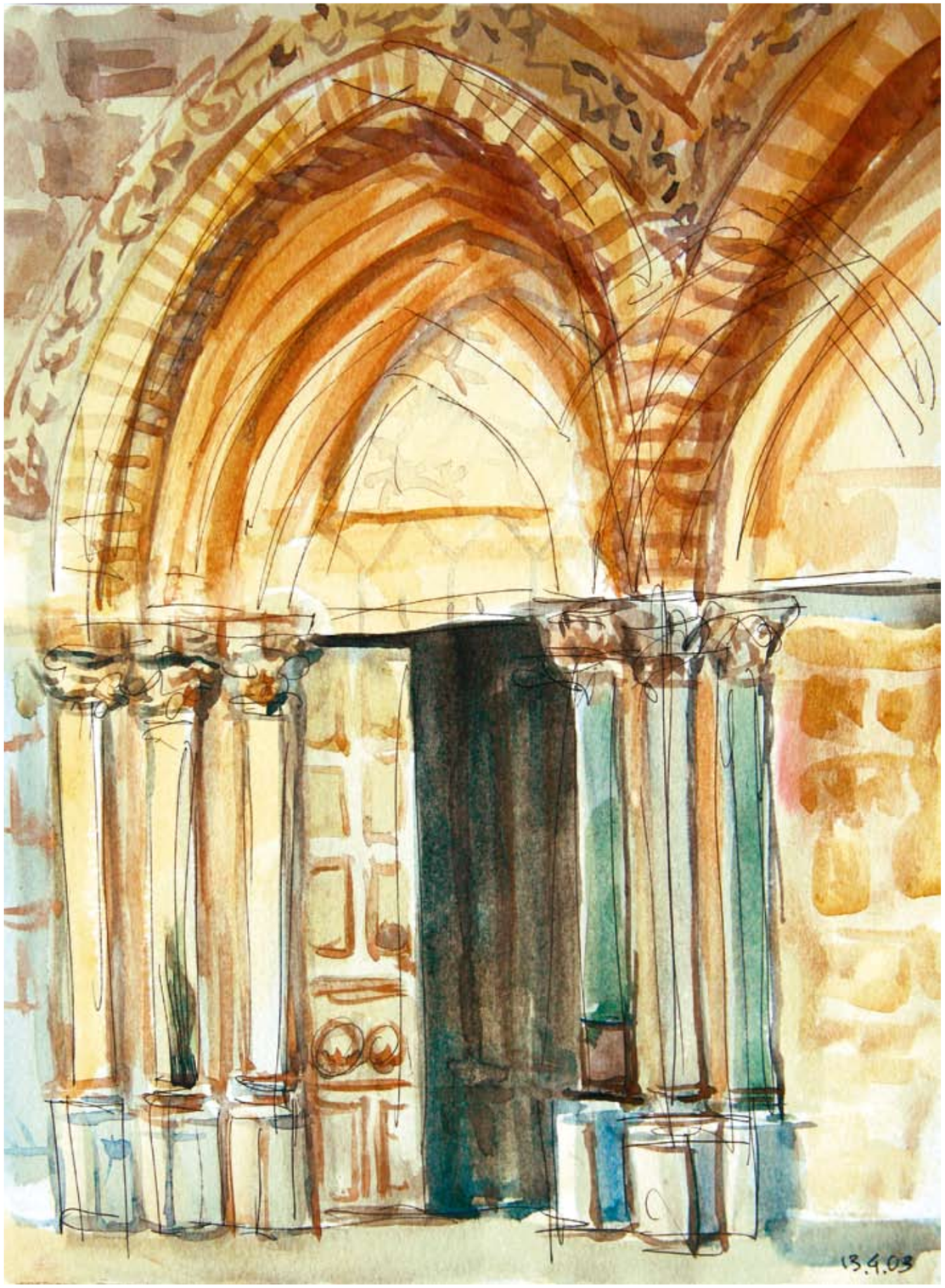
Но она, ее дух все равно зримо или незримо присутствует здесь и, в конечном счете, несмотря на порой абстрактный выбор сюжетов, картины превращаются в путеводитель паломника. Однако они ведут человека не в грубом, земном, а в духовном пространстве. Там, где путь христианина — путь радости от осознания любви, которой одаривает человека Создатель.

Без этого в земной жизни слишком легко заблудиться, оставшись в одиночестве в Иудейской пустыне, на узких улицах старого Иерусалима, на шумной площади арабского городка, где церковь не видно за палатками с сувенирами. Чтобы не сбиться с дороги, нужен путеводитель: из вечной страстной субботы, где Бог убит, к грядущей за нею Пасхе, в которой любовь побеждает смерть. ■

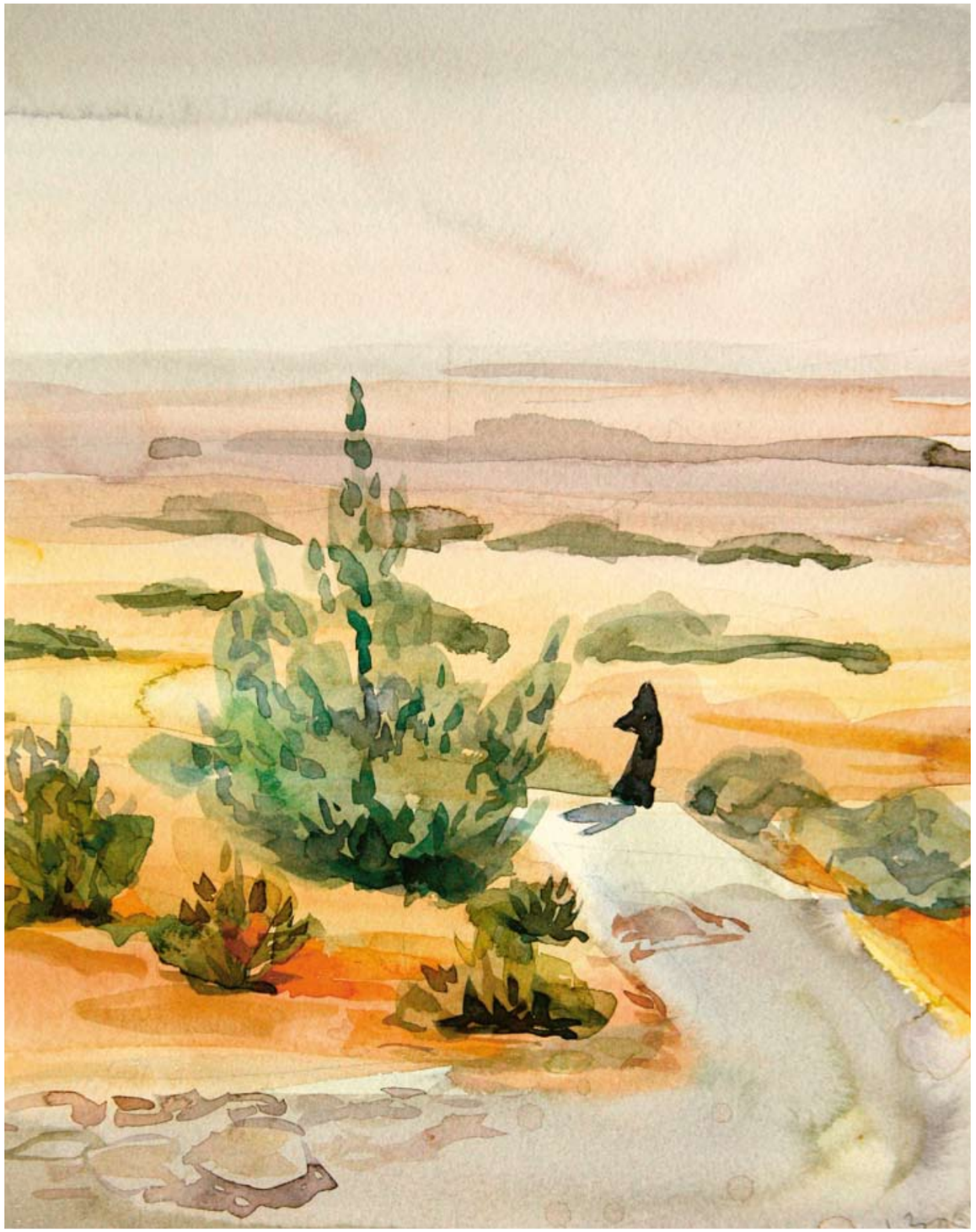
Подготовил Алексей СОКОЛОВ

Капернаум. В гостях у отца Иринарха

Крыши Старого города



У дверей Храма Гроба Господня



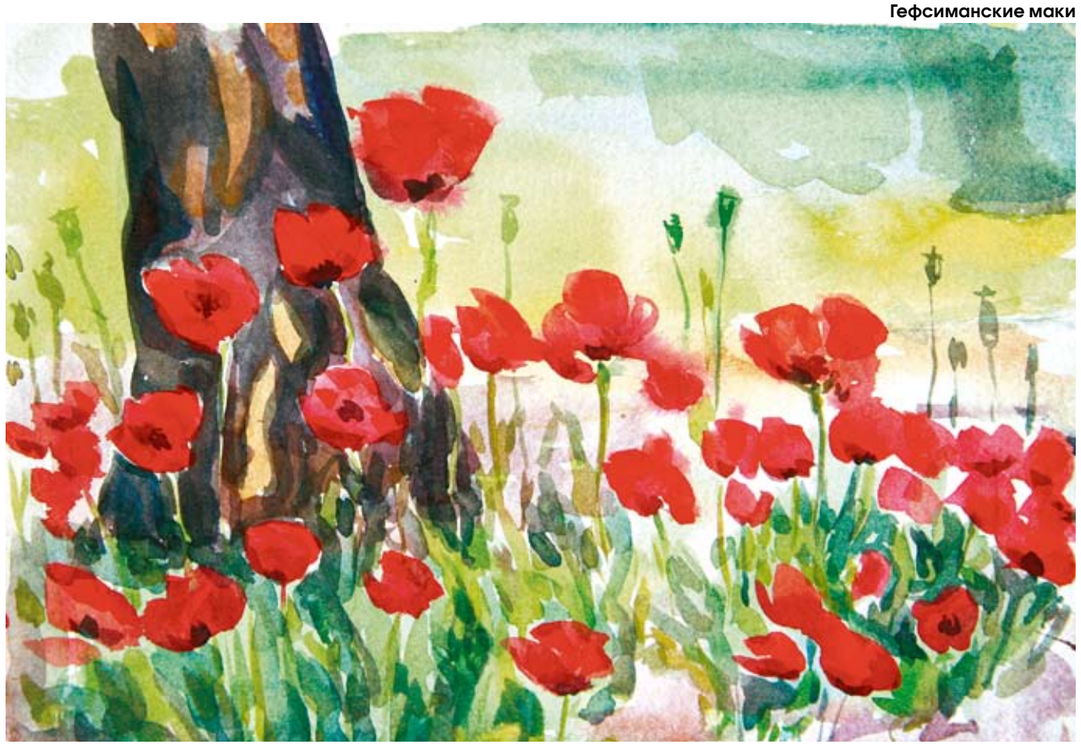
Пустыня. У преподобного Герасима Иорданского

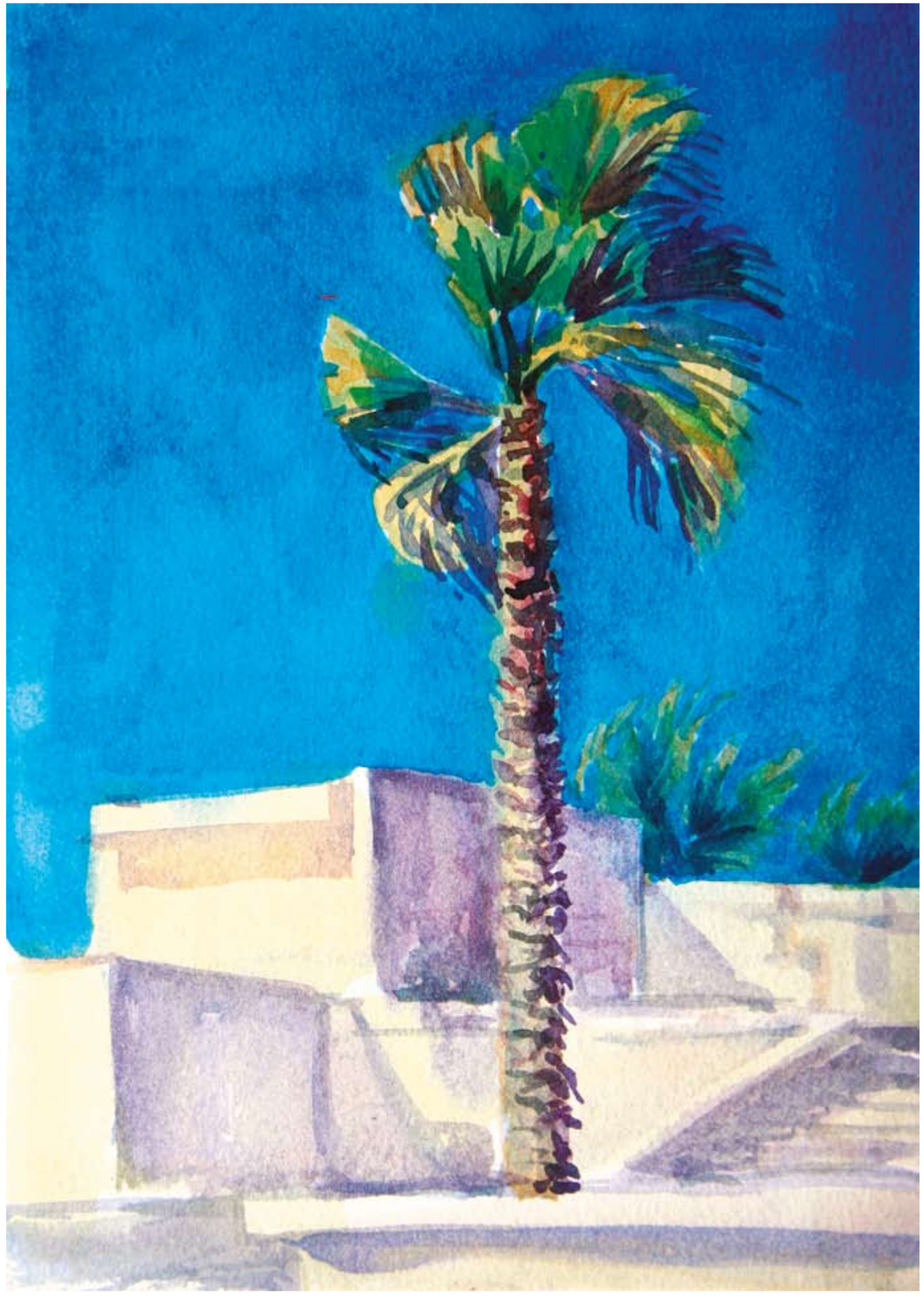
Оливы в Малой Галилее

Весна в Иудейской пустыне

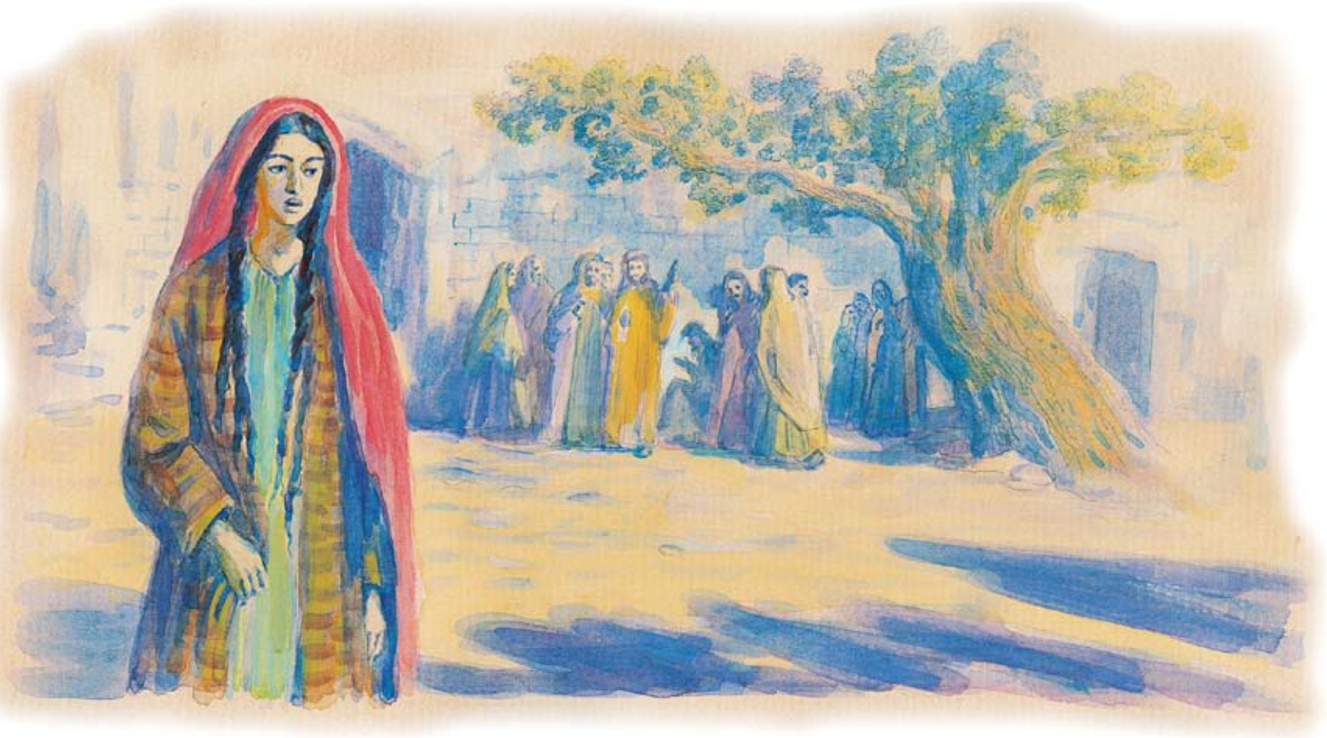
Золотые ворота

Гефсиманские маки





Ветреный полдень



Татьяна МАСС

Его взгляд

Я начала вторую песню, и вдруг толпа, окружавшая меня, дрогнула.

Не обращая никакого внимания на меня, люди побежали к выходу, опрокидывая столы и корзины. Мальчишка-водонос, худой и смуглый, бросил свой полный кувшин, спеша за всеми.

Рынок опустел. Остались только торговцы, стерегущие свой товар. Я подобрала с земли свой платок с несколькими монетками, что успела заработать, и выбежала за всеми.

Толпа остановилась недалеко от рыночных ворот, на площади у колодца. Происходило что-то, скрытое от меня спинами людей. Было очень тихо. Вдруг все зашумели, закричали, захлопали в ладоши.

Чувство ревности шевельнулось во мне. Но я почувствовала, что здесь происходило что-то другое, не похожее на выступление рыночных певцов.

Пробираясь через тугое кольцо людей, я услышала крики: «Он исцелил! Он исцелил!»

— Что здесь было? Кого исцелили? — спрашивала я у всех подряд. Многие, посмотрев на мое накрашенное лицо, отворачивались. Один старик все же объяснил:

— Равви исцелил слепого! Ну, того, который всегда здесь сидит.

Я тоже знала этого слепого. Он сидел у колодца в тени старой смоковницы и постоянно благословлял проходящих, надеясь на милостыню. Про него говорили, что он был слеп от рождения.

Расталкивая всех, я бросилась вперед и увидела седую голову слепого. Он стоял на коленях пред человеком в светлом хитоне и плакал. Худые плечи его вздрагивали под заношенной тканью. Какой-то богатый торговец приглашал Равви в гости. Я с любопытством рассматривала Того, Кто может дать глаза слепому. И вдруг Он, почувствовав мой взгляд, повернул голову и посмотрел на меня.

Никто никогда не смотрел на меня с такой любовью и печалью. Мое сердце дрогнуло. Не в силах выдержать этого взгляда, я опустила голову. Толпа двинулась за Ним, а я стояла и не могла двинуться с места.

Меня толкали, задевали проходящие, и через несколько минут на площадке остался слепой, окруженный несколькими людьми. Он широко раскрыл глаза и рассматривал свои руки. По его лицу непрерывно текли слезы.

Дома я не могла дождаться Шемайи, чтобы рассказать ему об увиденном сегодня. Я испекла хлебов, прибралась в доме, но муж все не возвращался.

Когда совсем стемнело, я пошла за водой. По дороге я слышала, как соседи рассказывали друг другу об исцелении слепого. Мне хотелось выкрикнуть им, что я видела все своими собственными глазами, но я прошла молча. Я пою на рынке, крашу глаза египетской тушью и не могу родить своему мужу ребенка. Они не гнали меня, как гонят блудницу, и не бросали в меня камни, но за три года, что мы живем тут, ни одна женщина не заговорила со мной, не ответила на мое приветствие. Поэтому я ходила за водой ночью, меньше боясь бродячих собак, чем молчания соседок.

Мой муж Шемайя был немного младше меня. Он был родом из деревни в трех днях пути на север от Иерусалима. Когда ему было три года, его родителей убили римские солдаты. Говорили, что в их доме прятались беглые рабы. Его тетка, привозившая на продажу в Иерусалим крашеную козью шерсть, сосватала нас. Больше всего ей понравилось, что за меня не нужно было платить выкуп — я тоже была сирота.

Я помню, как мой отец выгнал всех нас на поле молиться — половина нашего стада погибла за ночь от какой-то страшной болезни. Ни у кого из соседей не умер ни один ягненок, и мои родители приняли это как проклятие за какие-то грехи нашего рода. Мы — моя мать, я и два моих старших брата стояли на коленях под страшным зноем и молились, а отец, весь почерневший от горя, стоял над нами и бил кнутом того, чья спина выпрямлялась. Эти молитвы не помогли — скоро в нашем выгоне вырыли огромную яму и сожгли там трупы всех наших овец. Мы превратились в нищих.

Наша семья разделилась — в одиночку легче выжить. Отец с братьями ушли работать погонщиками верблюдов к бедуинам. И с тех пор мы их больше никогда не видели. Моя мать два года нанималась на уборку ячменя, на третий год она умерла от укуса змеи, а меня отдали нянчить детей к дальней родственнице в Иерусалим. Эта женщина каждый год рожала ребенка-девочку, и ее муж уже отказывался приносить жертвы — Бог не давал ему сына.

Из-за этого он взял в дом еще одну женщину, и в их доме были постоянные ссоры. Когда меня нашла тетка Шемайи и посватала за него, я быстро согласилась, хотя Шемайя был таким же нищим, как и я.

На деньги, подаренные на свадьбу его многочисленной родней, мы купили маленький домик в нижнем городе, на окраине Иерусалима, почти у самой городской стены.

Вначале Шемайя, не имея друзей и знакомых в городе, часто оставался без работы. Чтобы не голодать, я начала петь на рынках, тем мы и жили.

Два месяца назад у Шемайи появилась постоянная работа — его взяли помощником продавца в лавку тканей. Сначала он возвращался домой с подарками — то с обрезком красивой ткани, то с коробочкой сладостей. Потом я все реже видела его при свете дня. Он много работал, потому что хозяин собирался поставить его вместо продавца-египтянина.

Однажды, это было через несколько дней после того события на рынке, Шемайя сказал мне, что уходит от меня. На меня будто вылили кувшин ледяной воды:

— ??!!

— Я женюсь на дочери своего хозяина.

Он не смотрел мне в лицо:

— Я еще даже не видел ее, но хозяин хочет, чтобы до свадьбы я пожил в другом месте.

Он взял мешок со своими вещами (собрал их, пока меня не было дома), потоптался у двери, подошел и твердо сказал на прощанье:

— Прощай. Все равно наша жизнь была неправильная. Поэтому Бог не давал нам детей.

Он ушел, а я осталась одна оплакивать свою холодную постель. Я представила, как молодая невеста, распустив волосы, прижмется к смуглой груди Шемайи в первую ночь. И это будет правильно. А я сама виновата, что росла сиротой, что кормила себя и его как могла и не родила ему ребенка.

На следующий день я пошла к гадалке. В плату за гадание она взяла с меня новое покрывало, раскинула на деревянном блюде горсть зерен, перемешанных с масличными косточками, и сказала, что мой муж любит меня, но женится на другой.

Через несколько дней соседи, заметив, что я хожу одна и с потемневшим лицом, поняли, что мой муж оставил меня, и начали открыто насмехаться. Моя жизнь стала невыносимой.

— Что мне делать? Кому я нужна? — эти вопросы холодным кольцом сжимали мое сердце. Я хотела найти того Человека, Равви, который заглянул в мою душу, и спросить у Него совета, как мне жить дальше.

Я начала искать Его на улицах и площадях, на рынках и в караван-сараях. Наконец, я нашла одного человека, который после долгих расспросов объяснил мне, где я могу найти Его.

На следующее утро до восхода солнца, лишь только открылись городские ворота, я вышла из города. Навстречу шли купеческие караваны, везущие в Иерусалим богатые товары, скрипели повозки торговцев, нагруженные сырами, мехами с вином, ягнятами.

Еще было утро, когда я пришла в небольшой городок, заросший миндальными садами. Палило солнце, на улицах никого не было, кроме стайки мальчишек, купающихся в небольшом источнике. Подозвав одного из них, я спросила дорогу к самому большому имению. Ребенок, сверкнув на меня любопытными глазами, толково объяснил дорогу.

Войдя в старый сад на краю селения, я сразу же увидела группу людей, сидевших в тени деревьев. А среди них был Он, кого искала моя душа, — Равви, исцеляющий слепых, Иисус из Назарета.

Я тихо подошла, не зная, как и что мне сказать. Иисус, увидев меня, попросил женщин:

— Дайте ей пить и есть. Эта женщина очень устала.

Так началась моя жизнь в этой общине. У нас не было постоянного места, как у ессеев. Мы ходили за нашим Равви из города в город, слушали Его, молились, помо- ➥

Фото из архива автора

Татьяна МАСС родилась в 1966 году в городе Череповце (Вологодская область). В 1987 году закончила факультет журналистики МГУ. С 1989 по 1995 годы работала в Риге, в газете «Советская молодежь». В 1992–1993 годах была корреспондентом радиостанции «Би-Би-Си» в Латвии. С 1999 года живет во Франции. Член ассоциации русско-французских журналистов. Пишет статьи для русских изданий в Западной Европе, Латвии, России и для французских общественно-политических изданий. В издательстве «Свеча» готовится к изданию ее книга «Город женщин».

гали больным и нищим. С нами ходило несколько детей-сирот. Один мальчик видел столько горя, что в девять лет его голова была совершенно седая.

Одна женщина — Мария была очень предана Иисусу. Про нее говорили, что она была исцелена Равви, и с тех пор отдала свой дом бедной семье и пошла за Ним.

Меня Мария приняла хорошо, но в сердце не любила меня. Иногда я ловила на себе ее испытующий взгляд.

Однажды дети играли, и один мальчик начал изображать Равви. Он очень важничал, и другие смеялись над ним. Мария отшлепала этого ребенка, а я заступилась за него, сказав, что дети часто изображают тех, кого видят. После этого Мария с трудом переносила меня. Она была женщина грубоватая и прямая, и ей трудно было скрывать свои чувства.

Когда я слушала Иисуса, мое сердце принимало каждое Его слово. Передо мной открывалась другая жизнь, которую как будто знала и искала моя душа. Такое же выражение внимания и любви я замечала на лицах многих, слушавших Его, но не все оставались с нами.

Некоторые приходили к нам, привлеченные славой Иисуса и чудесными исцелениями, которые Он совершал. Но они думали увидеть влиятельного учителя, почтенного Равви, который со временем получит власть в Иерусалиме. И разочаровывались, не слыша от Него громких призывов и обещаний.

Весной, за месяц до Пасхи, мы пришли в Иерусалим. Нашего Равви с нами не было. Мы ходили по рынкам, собирая пожертвования для нужд нашей общины. Несколько мужчин и женщин — мы представляли собой особую группу, на которую все смотрели: кто с любопытством, кто с неприязнью. Один беззубый нищий весело поддержал нас, умело выпрашивая у проходивших мимо людей:

— Люди добрые! Ради Святого Бога Израилева, подайте им! Они помолятся за ваших детей! Чтоб ваши дома были полными чашами! Чтоб ваши жены были, как масличные ветки!

И в этот момент я увидела Шемайю. Много раз до этого я представляла себе нашу встречу: как хорошо я буду одета, как уверенно пройдем мы за нашим Равви среди толпы и как уязвлен будет Шемайя рядом со своей некрасивой и худой женой.

Но сейчас с нами не было Иисуса, присутствие которого все меняло. И мы были как кучка нищих, выпрашивающих подаяние.

Я увидела его жену. Она была совсем юной и очень хорошенькой. Только лицо ее было немного бледным оттого, что она носила ребенка на последних сроках беременности. Шемайя тоже увидел меня. Он с удивлением смотрел на мое окружение, на мои веревочные сандалии, растоптанные и подвязанные во многих местах.

Я чуть не заплакала от унижения и торопилась скрыться в толпе, спиною чувствуя его взгляд.

Вернувшись наконец в дом, где мы в этот раз остановились, я вышла в сад и заплакала от тоски, сжимавшей мою грудь. Была весна. Все, даже птицы, были парами.

Вили гнезда, выводили детей, а я, как неприкаянная, брожу по миру, выпрашивая подаяние. Для чего мне все это? Кто хоть раз поблагодарил меня за этот труд здесь?

Я сказала одной женщине из наших, что мне нужно отлучиться, и пошла в свой дом.

Несмотря на жару, он был холодным из-за сырости, впитанной глиняными стенами. До поздней ночи я прибиралась, мыла разведенным щелоком стены и пол. Рано утром меня разбудил крепкий стук в дверь. Я совсем не удивилась, увидев Шемайю. Он вошел, огляделся, прошелся по дому, рассматривая стены. Мы оба молчали. Шемайя заговорил первый:

— Вчера, когда я увидел тебя с нищими, я понял, что виноват перед тобой. Ты совсем одна, у тебя нет никого, кто мог бы заботиться о тебе. Я рассказал Лии о твоей жизни. Она не хочет, чтобы Бог наказал нас за тебя. Она сама предложила мне взять тебя в наш дом. Ты будешь любить нашего ребенка, как вторая мать, потому что у тебя нет своих детей.

Я чуть не заплакала от его голоса, от сочувствия незнакомых мне людей, которых еще вчера я ненавидела.

Чтобы скрыть свои слезы, я собралась с силами и спросила:

— А ее отец?

— Он тоже согласился.

Шемайя располнел, на его правой руке я заметила золотой перстень. Привыкший распоряжаться в своем магазине, он говорил веско и серьезно.

— Собирай вещи, перейдем сегодня. А на дом я уже нашел покупателя.

Я собирала глиняную посуду, покрывала, подаренные на нашу свадьбу, складывала свою одежду, и все не могла понять, что же это произошло со мной — к счастью или к беде такая перемена?

Шемайя навьючил мешки на пятнистого осла и мы пошли, провожаемые ошеломленными взглядами соседей. Всю дорогу мы молчали, лишь подойдя к богатому дому, окруженному миндальными деревьями и пристройками. Шемайя с гордостью посмотрел на меня:

— Вот здесь мы и живем.

Служанка, выбежавшая встречать нас, внесла вещи в дом. Из двери вышла Лия. Она обняла меня, поцеловала, пригласила в дом с улыбкой. Все трое мы вошли в прохладную комнату и сели на лавки, покрытые коврами. Шемайя сказал:

— Вот, Лия, она поможет тебе во всем.

Потом он поднялся и, попрощавшись до вечера, ушел в свой магазин.

Мы остались одни. Лия повела меня показывать дом. Привела в маленькую комнату с узкой постелью:

— Здесь ты будешь спать.

Мне было тягостно рядом с ней, и я сама сказала, что сегодня могу приготовить обед. Она отпустила меня с облегчением.

Вечером, когда Шемайя с отцом Лии вернулись домой, я накрыла стол, расставила кушанья. Отцу Лии понравилось все, что я приготовила для них, и он похвалил меня, довольный.

После ужина отец Лии, поудобнее устроившись на резном сиденье, спросил меня:

— Я знаю, что ты ходила за этим новым учителем. Расскажи нам, чему он учит народ.

Я почему-то не хотела говорить о Равви, но, чтобы не молчать, ответила:

— Он учит милосердию, состраданию, Он учит любви.

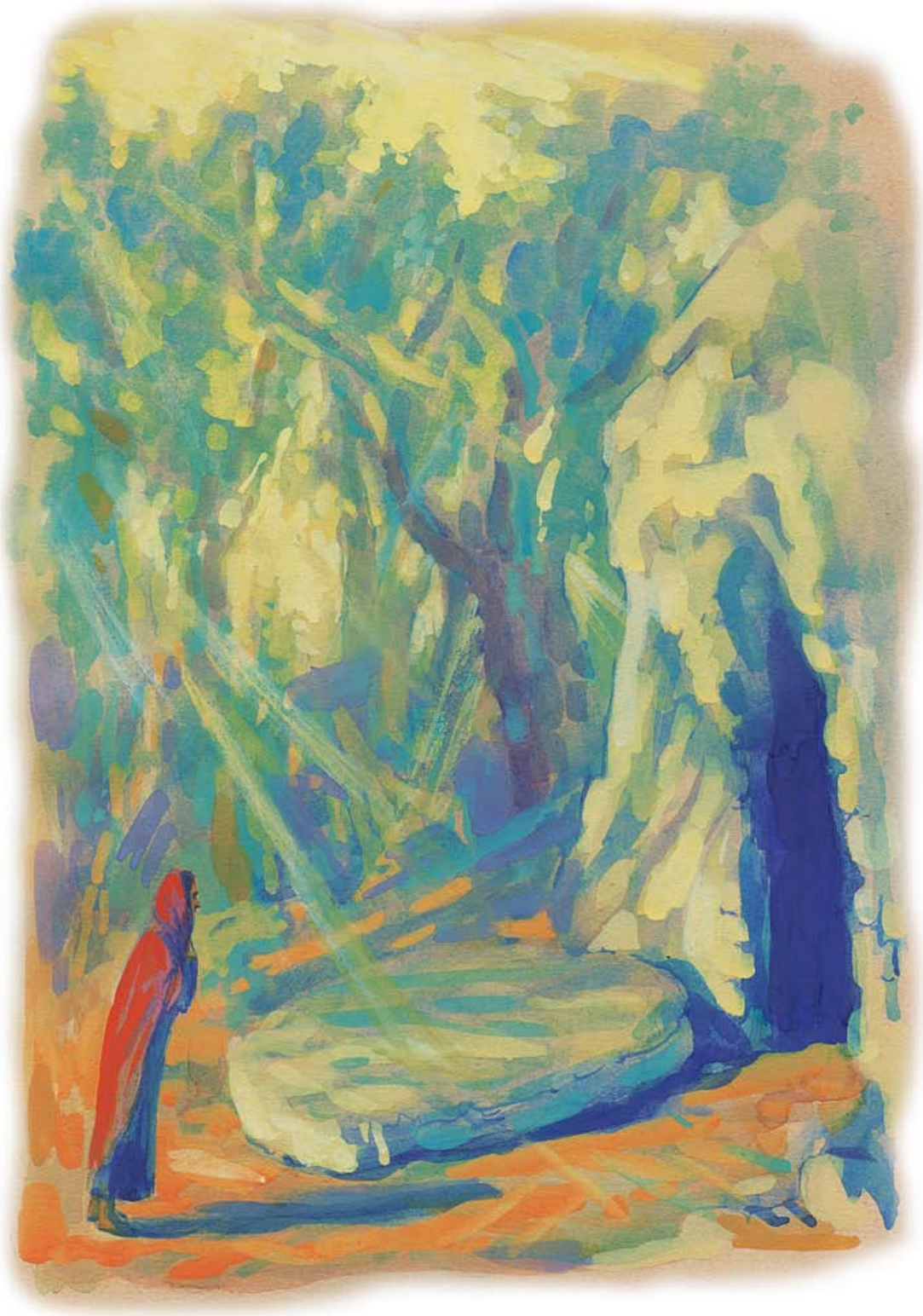
— Любви? — заинтересовался тесть. — Зачем учить любви? Кого мы любим, того любим, а кого нет, как же его полюбить?.. — он ждал ответа.

— Нужно стараться любить даже своих врагов.

— Он учит невозможному. Как можно любить своих врагов? Шемайя, ты можешь полюбить язычника, который зарубил мечом твою мать?

Шемайя гневно сверкнул на меня глазами:

— Твой учитель безумец. Он создал сладкое учение, чтоб морочить слабоумные головы, а жизни он не знает.



— Но почему же, — живо отозвался тесть, — говорят, раньше он работал плотником у себя в Назарете, пока не понял, что есть куда более легкий хлеб.

Разговор перешел на цены, они обсуждали, что нужно купить к предстоящей Пасхе. Шемайя еще долго бросал на меня недовольные взгляды. Я хотела бы уйти, но не могла встать и выйти из комнаты первой. Лия спокойно сидела рядом. Она была очень хорошенькая в накинутом на плечи шелковом платке, расшитом золотыми нитями.

Заметив мое настроение, она спросила:

— Ты хочешь спать? Иди, отдыхай. Отец с мужем еще долго могут так сидеть и говорить про свои дела.

Я встала и постаралась как можно тише выйти из комнаты. Никто не обратил внимания на мой уход.

Так и потекла наша жизнь. Каждое утро я вставала рано и готовила завтрак для Шемайи и отца Лии. Они уходили в магазин утром и возвращались вечером, ели, подолгу разговаривали.

Мы с Лией целыми днями сидели дома и никуда не ходили. Отец Лии говорил, что для женщин лучшее место — дом, а за воротами им нечего делать. Для меня, привыкшей к свободной жизни, это было тяжело. Часто я выходила в сад, вдыхала ветер, думала о Равви, представляла себе, где они могут быть сейчас.

Я пыталась разговаривать с Лией, но нам было неинтересно друг с другом. Однажды я застала ее за чтением Святой Книги. Она прочитала для меня вслух отрывок про Иакова и Рахиль и тихо произнесла:

— Бог благословил наш народ через потомство от любимых жен.

И я поняла, что Лия считает себя Рахилью.

Приближался праздник Пасхи. Каждая семья, даже самая бедная, готовилась встретить этот благословенный День так, чтобы Богу понравилось и чтобы Он благословил на весь следующий год этот дом богатством и здоровьем.

Шемайя отправился к себе в деревню, где, как он обещал тестю, делают самый вкусный сыр и рождаются самые белоснежные ягнята.

Как ни мало мы разговаривали с ним в последнее время, все-таки в его отсутствие мне было особенно тяжело, и чтобы выгнать эту тоску, я много работала, помогая служанкам мыть, стирать, выбивать ковры и шерстяные одеяла на солнце.

Наконец Шемайя вернулся и привел с собой целый караван из пяти повозок, нагруженных свежими деревенскими продуктами. Для ягнят сделали отдельный загончик в саду, и я сама вызвалась ухаживать за ними. Особенно мне понравился один из них — белый, без единого пятнышка, он все время блеял, искал свою мать. Его назначили для пасхальной жертвы.

В четверг мы особенно много работали, и я свалилась в свою постель, даже не переодевшись. Мне приснилось, что я иду за моим Равви по оливковому саду, а Он уходит от меня, и я никак не могу Его догнать...

Еще было совсем темно, когда меня разбудила служанка. Я после своего сна никак не могла понять, что произошло, а когда она сумела наконец мне растолковать, я вскочила и побежала в спальню к Лии. У нее начались роды, которых мы ожидали недели через две.

Весь дом проснулся. Мы со старой служанкой хлопотали вокруг Лии, стараясь хоть немного облегчить ее страдания.

Ожидая женщину, которую пригласили для помощи в родах, я постоянно прислушивалась, боясь, что она опоздает. Наконец, послышались голоса и приветствия. Я вышла встречать ее, но увидела совсем другого гостя.

Это был старый фарисей, которого я никогда до этого не видела. Он был одет по-праздничному — в богатую одежду с голубыми кисточками, с новой повязкой на лбу с молитвами из Талмуда.

Я вежливо поздоровалась и хотела уйти, но отец Лии остановил меня:

— А вот она знает Того, о Ком вы нам сейчас рассказываете.

— Его многие знали, — не удивился старик. — Он многим успел сообщить, что Он Сын Бога. Каифа, когда услышал это, разорвал на себе одежды.

Я еще не поняла толком, о чем они говорят, но мое сердце забилось в тревоге.

— Безумец Он или обманщик, только Его время дурачить простых людей истекло, — продолжал старик, а Шемайя мне объяснил:

— Твой любимый учитель оказался мошенником. Его судили в синедрионе и приговорили к распятию.

— За что? — еле слышно выдохнула я.

— За то, что Он назвал себя Богом! — гневно крикнул прямо мне в лицо отец Лии.

— Такого в Иерусалиме еще не было, — поправил свою повязку на лбу старик-гость.

Их слова, как ножи, кололи мое сердце. Не в силах больше оставаться, я выбежала из дома. Шемайя быстро вышел за мной:

— Ты немедленно вернешься и будешь помогать Лии, — приказал он с темным от злости лицом.

Я побежала к воротам, боясь, что он будет удерживать меня силой.

— Если уйдешь сейчас — больше сюда не вернешься! Подохнешь с голоду, а моей вины в этом не будет, подлая, неблагодарная тварь! — гремел мне вслед его голос.

Я выбежала на улицу и бросилась к воротам. Я сталкивалась с людьми, которых так много было на улицах Иерусалима из-за праздников, обгоняла толпы поющих радостных паломников. Моя душа замирала от неизвестности, но я все еще не верила, что Равви хотят распять. Так убивали разбойников, а чем Он так мог разозлить людей? Он учил нас отдать последнюю рубашку тому, у кого ее нет. И Сам имел только одну рубашку. Скольких людей Он исцелил, и они благословляли его со слезами. Он никому не сделал ничего плохого.

Выбежав из ворот на восточную дорогу, я увидела, что она была оцеплена римскими солдатами. Вдали виднелись три креста, оттуда доносились крики мужчин, плач женщин.

В этом застывшем зное происходило страшное. Мои ноги отказывались идти туда, но я шла, пошатываясь от усталости. Солдаты подумали, что я напилась сикеры и еле иду от хмеля, ударившего мне в голову. Они смеялись и кричали мне вслед на своем наречии. Но я даже не рассердилась на них, прикованная глазами к трем крестам на Голгофе.

Глаза мои разглядели на одном из них Иисуса…

Солдаты, стоящие рядом с крестом, не пускали плакавших женщин пройти ближе.

Мотая распустившимися волосами, с опухшим красным от слез лицом стояла на коленях Мария. Я подошла и опустилась на колени рядом с ней. Я не сводила глаз от лица Иисуса. Он тяжело дышал. Его глаза были закрыты, а голова спустилась на грудь. На кровавые рубцы на Его лице и теле садились черные мухи.

Иногда Он открывал глаза и обводил все вокруг невидящим взглядом. Я хотела, чтоб Он заметил меня и узнал, что я вернулась к Нему, но Он уже никого не видел. В Его глазах стояла смертная мука.

Он умер первым, остальных добили солдаты. Мария громко заплакала, солдат ударил ее тупым концом копья, чтоб замолчала. У меня в сердце что-то сорвалось. Я стала кричать на римлянина, бросать в него песком. Он рассвирепел, стал грозить мне копьем. Мария обняла меня, прижалась мокрой щекой к моему лицу.

И от ее сострадания я начала наконец плакать. Я плакала над всей своей сиротской жизнью, которая мне уже стала не нужна. Нет радости, нет счастья, нет любви. Ничего больше не осталось. Не осталось больше Бога, который допустил, чтобы на кресте повесили Того, Кто был лучшим на земле.

Это была самая горькая Пасха в моей жизни. Закрывшись, мы сидели в старом доме у одной из женщин. За окном раздавались радостные крики этого всеми любимого праздника. А мне все праздничные песни казались хуже воя шакалов. Мы ждали только окончания шаббата, чтобы похоронить как следует нашего Учителя.

Еще было темно, когда Мария, я и еще несколько женщин принесли благовонные масла ко гробу, где положили тело Равви. Камень у гроба был сдвинут, и мы вошли в него. Там не было Равви. На каменном ложе лежали только Его плат и плащаница. Мы опять заплакали — все подумали, что тело Его унесли в другое место, чтоб спрятать от всех. Только кто это сделал — враги или друзья?

Мы вышли из сада, где был пустой, открытый гроб, и побрели по дороге, по обочинам которой пили росу птицы, готовясь к долгому жаркому дню. Через некоторое время мы обнаружили, что Марии не было с нами. Мы остановились и стали ждать ее.

Мария не шла, и Мария Клеопова стала звать нас вернуться — не случилось ли чего плохого. Но как только мы, торопясь, пошли обратно в сад, Мария появилась на дороге.

Она не шла, а как будто летела — ее большой траурный платок сполз с головы и развевался, как крылья у ястребицы. Ее лицо горело, и все мы, как завороженные, смотрели на нее.

— Что, Мария? — стали спрашивать ее женщины, почуяв, что с ней случилось что-то.

Мария обвела нас горящими глазами, как бы думая, сказать или нет.

— Он воскрес, — наконец произнесла она. — Я только что говорила с Равви! Он живой!

— Как живой?! Он не умер?! Он изранен?! Его нужно спрятать! — заговорили все женщины сразу, но наши голоса потонули в ее крике:

— Вы ничего не поняли!.. Он умер на кресте! Но сейчас Его не было во гробе, потому что Он воскрес и ушел оттуда! Я говорила с Ним.

Одна пожилая женщина — хозяйка дома, где мы сейчас жили, покачала головой. Она с сомнением слушала Марию, принимая ее речи за бред горячки.

А мы бросились в сад, чтоб найти того, с кем могла говорить сейчас Мария — садовника или другого человека, которого она приняла за Иисуса.

Громко, как всегда пред восходом, закричали, запели птицы.

На маленькой поляне я заметила человека, который смотрел на дерево, как бы задумавшись. Подойдя поближе, я поздоровалась с ним и он, обернувшись, ответил, посмотрев на меня... От его взгляда у меня почему-то защемило в сердце, я опустила голову...

И увидела на его ногах зияющие раны... ■

Иллюстрации Юлии КУЗЕНКОВОЙ

Н. Берг

Иерусалим

М.: Индрик, 2007. — 80 с.

Очерки о поездке в Палестину русского переводчика и журналиста Николая Берга (1823–1884) современники признали лучшими произведениями о Святой Земле. Один из них — репортаж о посещении Иерусалима, написанный блестящим образным языком, впервые напечатанный в 1868 году в журнале «Русский вестник», — опубликован в этой книге. Авторский посыл — как разоблачение стереотипных сказочных баек малограмотных молельниц о своих паломничествах, так и серьезный рассказ о современном (для XIX века) положении дел на Святой Земле.

«Еще лет двадцать назад, — пишет Берг, — в зимний вечер в каком-нибудь захолустье, завернувшая к вам странница в шушуне рассказывала о своих мудреных похождениях по святым местам... В сказочных формах лилась ее речь... Является пред вами Ердань-река, шатры военных турок, проводников каравана, богомольцев. И кричит один ночью: „аллага-аллагу-гу-гу!“, что значит, по истолкованию странницы: „Слышь ли, Ахмет: спишь ты или нет?“... Ныне повеял новый, благополучный ветер — и все изменилось для русского человека на необъятном пространстве... Уж теперь не так удобно рассказывать всякие чудеса… Все известно. Пал кредит привилегированных путешественников старого времени... А что откроется, когда железная дорога соединит Яффу с Иерусалимом и хлынут в Палестину новые волны европейцев?!»

Надо отдать должное Бергу, который с дотошностью журналиста описывает город, окрестности, население, поклонников (как тогда назывались паломники), традиции и быт. Он с педантичностью историка излагает события, предшествовавшие приобретению Россией территорий в Иерусалиме, рассказывает о перипетиях взаимоотношений между Русской, Армянской, Греческой Церквями и делает экскурс в библейскую историю города.

Дарья РОЩЕНЯ

Мамврийский дуб. Русская святыня в Палестине

М.: Индрик, 2007. — 60 с.

В Палестине, в земле Ханаанской, близ древнего Хеврона, посреди пустыни стоит дуб — последний из некогда бывшей здесь дубравы Мамре. Именно этот дуб упоминается в предании Церкви как свидетель

необычайного ветхозаветного богоявления, откровения Аврааму тайны Пресвятой Троицы.

В книге, вышедшей в издательстве «Индрик», собраны предания и факты об этом царственном дереве, начиная с древнейших времен и до наших дней. Отдельное внимание уделяется трудам начальников Русской Духовной Миссии на Святой Земле, усилиями которых был приобретен земельный участок, где стоит дуб, а впоследствии устроена паломническая гостиница и выстроен храм.

Особый интерес представляют уникальные фотографии дерева, окрестностей и пейзажей вокруг Хеврона, замечательно передающие природу этого знойного, засушливого места.

В книге рассказывается и о другом, сохранившемся рядом, тоже древнем, но несколько меньшем дубе, названным паломниками «дубом Сарры». Авторы издания не ставят своей целью выяснить, какой дуб древнее, не приводят данные научных исследований с целью установления точного возраста деревьев, а также не пытаются определить, какой из них «благодатнее». В данном случае это не важно, ведь Мамврийский дуб — уникальный зримый символ того, как близок Господь, как Он видимым образом входит в этот мир; глядя на фотографии, невозможно не вспомнить повествование книги Бытия об удивительной встрече человека с Богом.

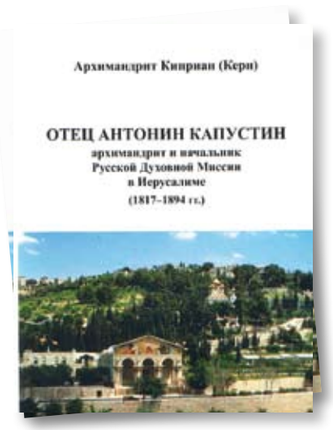
Архимандрит Киприан (Керн)

Отец Антонин Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.)

М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории. 2005. — 231 с.

Время создания этого жизнеописания — 20-е годы XX века. Тогда имя создателя Русской Палестины (целого мира храмов, монастырей и подворий), ученого, археолога, византиста архимандрита Антонина (Капустина) было основательно забыто. Автор книги архимандрит Киприан (Керн) был начальником Русской Миссии в Иерусалиме спустя полвека после кончины отца Антонина. Познакомившись ближе с его жизнью, он задался целью воскресить память о своем великом предшественнике. Как неоднократно замечает автор, его «интересовали не только внешние факты и хронологические даты из послужного списка, интересовал и дорог был отец Антонин как культурное явление русской жизни, как сын славного века, носитель великих заветов».

И вот перед нами весь жизненный путь архимандрита Антонина — от рождения в уральском селе до упокоения в храме на горе Елеон. С одной стороны — это добросовестное научное исследование (архимандрит Киприан (Керн) писал свой труд, внимательно изучив уникальные исторические источники в



архиве Русской Миссии), с другой стороны — это, по словам автора, «живой рассказ о живом человеке», в который вошли и отрывки из писем, и рассказ о личных переживаниях, и множество «дорогих черточек и подробностей». Детство в семье священника (автор приводит даже отрывок из дневника отца, рассказывающий о том дне, когда родился сын), учеба в духовном училище и семинарии (вполне в духе «Очерков бурсы» Помяловского), первая (и единственная) любовь, принятие монашества, служение в Афинах и Иерусалиме.

Конечно, книга содержит и подробные сведения о том, как приобретались великие святыни — Мамврийский дуб, Елеонская гора, как была основана Горняя обитель. Насколько непросто создавалось то, что мы знаем под именем «Русской Палестины» и что сейчас кажется нам таким само собой разумеющимся.

Вероника БУЗЫНКИНА

Н. Н. Лисовой

Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв.

М.: Индрик, 2006. — 512 с.

Советская эпоха, разорвавшая нормальные и традиционные связи России со всем остальным миром, создавала упорную иллюзию, будто у русского государства не было никаких прочных контактов со Святой Землей. Так, изредка наезжали случайные паломники… Монография Н. Н. Лисового самым решительным образом уничтожает эту иллюзию. Автор книги «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв.» давно изучает проблему взаимоотношений России с православными и неправославными христианскими общинами в Палестине. Еще в 1974 году Н. Н. Лисовой стал членом Российского Палестинского Общества и с тех пор внимательно анализирует весь сложный узел проблем, завязавшихся вокруг российского присутствия в Палестине. Данная монография — плод многолетних и серьезных исследований, однако она будет интересна не только специалистам, но и обычным читателям, интересующимся историей.

Н. Н. Лисовой одновременно является и историком Церкви, и специалистом по истории дипломатии. Поэтому он рисует достоверную и сложную картину того, как чисто религиозные вопросы смешивались с политическими, а в научные проблемы вторгались международные коллизии. Центральная же тема книги — судьба и деятельность Императорского Православного Палестинского Общества на Святой Земле и за ее пределами.

Некоторые главы вроде бы сухой монографии читаются как остросюжетные политические статьи. Именно так выглядит глава 15-я «Судьба российского наследия на Ближнем Востоке», где автор подробно исследует, как русская трагедия XX века ударила и по православному Востоку, и по Святой Земле. Рассказывая же о современности, Н. Н. Лисовой будто бы говорит читателю: «Окончательно история русского Православия в Палестине не дописана. Еще много неожиданного может произойти». Автор в финале явно ставит не точку, а многоточие.

А. С. Норов

Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе

М.: Индрик, 2005. — 328 с.

Не секрет, что для многих, читающих «Откровение святого Иоанна Богослова», названия церквей, к ангелам которых обращается Господь в главах второй и третьей, звучат как полнейшая абстракция. А между тем эти церкви находились во вполне реальных населенных пунктах со своей историей и этнографическим своеобразием. Поэтому столь любопытно выглядит книга Авраама Сергеевича Норова, посетившего все эти места еще в 1835 году. Фамилия этого путешественника почти ничего не скажет современному читателю, а ведь А. С. Норов был в свое время достаточно известным человеком — дипломатом, академиком, министром народного просвещения (с 1854 по 1858 гг.) и даже исследователем истории Атлантиды.

В 1834 году действительный статский советник А. С. Норов якобы «увольняется в отпуск для поклонения Гробу Господню». На самом деле, он был отправлен с тайной дипломатической миссией к правителю Египта Мухаммеду Али, с которым провел неофициальные переговоры. На обратном пути в Россию дипломат посетил Палестину, а затем, побывав возле Кипра, высадился в Анталии. Оттуда он проехал через Малую Азию

к Константинополю, попутно осмотрев и описав все местности, упомянутые в «Откровении святого Иоанна Богослова».

К сожалению, не очень понятно, зачем публикаторы книги А. С. Норова выпустили репринт издания 1847 года. Никакими полиграфическими достоинствами старый вариант «Путешествия к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» не блещет, а времена книжного дефицита начала девяностых, когда репринты были столь популярны, давно миновали. Переиздание же с подробными комментариями и расшифровкой сносок в значительной степени увеличило бы аудиторию потенциальных читателей. В существующем же виде книга покажется интересной преимущественно специалистам, занимающимся историей культурных связей России и Палестины. ■

Глеб ЕЛИСЕЕВ

Норов А. С.

Путешествие по Святой Земле в 1835 году

М.: Индрик, 2008. — 292 с.

«Бесспорно, лучшее описание Святой Земли, которое существует в русской литературе», — так выразился об этой удивительной книге ученый В. Н. Хитрово в 1876 году. И хотя с тех пор появилось множество других сочинений и исследований, этот памятник не

потерял сегодня своей актуальности. Пожалуй, для многих читателей может стать открытием не только сама книга, но и личность ее автора — Авраама Сергеевича Норова, участника Отечественной войны 1812 года, государственного деятеля и писателя, хорошо знакомого с Пушкиным. XIX век часто представляется нам вольнодумным и безрелигиозным. Здесь же в лице автора мы встречаем удивительное сочетание европейской образованности с глубокой, искренней верой. Удивителен внутренний мир этого человека, который раскрывается читателю при чтении книги.

«Пройдя половину пути жизни», пережив душевный кризис, Норов отправился в путешествие по Востоку, сначала посетив Египет, а затем — Палестину. Целью его было изучить географию и топографию Палестины в сравнительном отношении к тексту Священного Писания — что до него никто никогда не пытался осуществить.

Путешествуя с Библией в руках, Норов изучал все те места, которые упоминались в Священном Писании — подробно описывая их, делая зарисовки и схемы.

По сути, Норов — один из первых ученых паломников, он открыл новый период в паломнической литературе — ведь до него русские путешественники только описывали святыни как реликвии, чуждаясь какого бы то ни было научного подхода. В его описании Святой Земли научный подход и исследовательский талант соединились с благоговением и трепетом перед святынями.

По словам автора, Палестина стала для него прежде всего землей, где совершилось его искупление, родиной — «не по плоти, а по духу».

«*Тотчас при входе, в ложе привратника, увидел я сидящих, поджавши ноги, турок с трубками во рту и играющих в шахматы. Сердце мое сжалось грустью, толпа расступилась перед нашим янычаром — и в нескольких шагах от нас лежал на помосте камень, одетый желтым мрамором и окруженный большими свечами — тот самый, на который благообразный Иосиф повивал снятое со креста тело Иисуса. «Господи, — сказал я невольно, пав ниц со слезами, — страдания Твои еще не прекратились! Крещенные Твоим Именем и искупленные Тобою владеют этим миром, а нечестивые стерегут святилища Твои!» Но христиане не должны смущаться, что такие великие святыни находятся в уничижении языческом. Спаситель мира, подвергнув Себя на земле всем страданиям человеческим, оставил и святыни Свои под теми же законами природы, которым подвергалось Его Божественное Тело*».

Архимандрит Леонид (Кавелин)

Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника

М.: Индрик, 2008. — 384 с.

Автор книги (бывший гвардейский офицер, а впоследствии — смиренный послушник Оптиной пустыни и ученик оптинского старца Макария (Иванова)) пробыл в Иерусалиме в составе Русской Духовной Миссии с 1857-го по 1858 год. За это время он подробно изучал Святой Город, постоянно делая зарисовки увиденного, а после возвращения в Россию, по просьбе великого князя Константина Николаевича, принялся за создание книги-путеводителя по Святой Земле, адресованной русским паломникам.

Архимандрит Леонид всегда помнил, что его книга имеет прикладной характер — в помощь паломнику, и старался писать так, чтобы все было доступно пониманию русских богомольцев, большинство из которых все же происходили из среднего и низшего сословия. Последняя глава книги, имеющая сухое, научное название «Заметки о экономических условиях жизни в Иерусалиме», дает нам замечательный обзор быта русского паломника XIX века. Здесь автор рассказывает о множестве практических подробностей, необходимых путешественнику. Предупреждает читателя о том, что зимой в Иерусалиме надо особенно беречься от сырости, не ходить по русской привычке нараспашку и не выходить на каменные террасы босиком. Пишет и о том, как и чем питаются богомольцы — в основном ржаными сухарями, привезенными с собой из России. Рассказывая о питании паломников, автор считает, что необходимо завести в Иерусалиме для русских всех сословий свою хлебопекарню и овощную лавочку, где продавалась бы капуста, грибы и хрен.

Такие подробности живо передают нам портрет и условия жизни

русских паломников, хотя, конечно, основной текст посвящен не бытовым мелочам, а является самым подробнейшим описанием Иерусалима в середине XIX века. Здесь мы встретим множество самых разнообразных сведений по архитектуре, топографии, этнографии Святого Города — от подробнейшего описания святых мест до рассказа об устройстве госпиталя Ротшильда, находящегося в иудейском квартале. ■

Вероника БУЗЫНКИНА

Увидеть Иерусалим

Иерусалим в 1857 году в фотографиях из коллекции епископа Порфирия (Успенского).

Составитель Роман Гультяев.
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук.

М.: Индрик, 2007. — 133 с.

Данное издание — это не просто альбом с фотографиями, из тех, что продаются в лавочках для туристов. И отличие даже не в том, что он содержит несколько серьезных (и вместе с тем достаточно увлекательных) статей, его цель иная — не просто познакомить читателя с изображениями и историей святых мест, но дать почувствовать дух, колорит, что присутствовал здесь полтора столетия назад.

Как это ни удивительно, но еще в начале XIX столетия находились скептики, считавшие, что Иерусалима как реального города, имеющего свое место на географической карте, никогда не было. Настолько его образ был мифическим, сакральным. В представлении паломников рисовались картины величественного большого города: «Может ли быть мал город, где совершилось столько событий?» — восклицал один из русских путешественников, поэт и переводчик Н. Н. Берг.

Появление фотографических изображений Иерусалима позволило многим людям познакомиться с реальным, земным обликом Священного Города.

«Невзирая на то, что я прочел почти все, что было у нас написано о Иерусалиме, прежде чем сподобил меня Бог увидеть его, не могу сознаться, что я представлял себе вид его совершенно иначе, нежели каков он есть в действительности», — эти слова архимандрит Леонид (Кавелин) писал в 1858 году, еще до того, как фотографии Святого Города, собранные в данном альбоме, получили широкое распространение. И действительно, нельзя не согласиться с тем, что Иерусалим невозможно представить — его надо увидеть.

Альбом, выпущенный в издательстве «Индрик», предоставляет эту уникальную возможность. Мы действительно *видим* Иерусалим — и запечатленный в середине XIX века, и современный. На каждом развороте представлены две фотографии одного и того же места. Одна, современная, — цветная, вторая, позапрошлого века, — черно-белая. Современные фото даются с комментариями, включающими краткую историю данного места. Хотя заметки и небольшого объема, но очень содержательные, не забывающие о деталях. Например, присутствие едва заметной деревянной лестницы на фотографии храма Воскресения Христова оказывается не случайным, а имеет целую историю. «Переносная деревянная лестница... является элементом знаменитого статус кво святых мест, и ее запрещено убирать или переставлять. Дело в том, что до 1831 года вход в храм открывался только по праздникам, и монахи различных конфессий оставались взаперти несколько дней подряд. Чтобы получить провизию, нужно было пролезть в окно, спуститься на козырек и оттуда по веревке поднять сосуды с едой. „Вечная“ лестница стоит до сего дня».

Фотографии XIX века удачно дополнены развернутыми описаниями города — это Иерусалим 1850–60-х годов глазами наших соотечественников — архимандрита Леонида (Кавелина), епископа Порфирия (Успенского), архимандрита Антонина (Капустина), А. С. Норова, Н. Н. Берга.

Возможно, что название альбома вызовет у многих вопрос — почему Иерусалим именно в 1857 году? Не раньше и не позже? Дело в том, что именно в это время выходили первые коллекции фотографий города и его окрестностей. Все снимки были авторскими, и о каждом из фотографов в книге есть отдельная статья. Джон Динес, Джеймс Робертсон и Феликс Биато достойны того, чтобы мы знали их имена, ведь именно они, по словам составителя альбома, стали на много лет «законодателями видов» Палестины, потому что «первыми точно определили самые „правильные“ ракурсы фотосъемки. До начала XX века большинство людей, знакомившихся со Святой Землей по фотографиям, смотрели на нее глазами этих фотографов».

Сочетание старинных фотографий с замечательно подобранными текстами передает колорит Святого Града и дух времени: его неподвижность и немузейность, это — другой город, не тот, что видят современные паломники. Один большой каменный монолит, «город, слитый в одно здание», как сказал о нем в псалмах царь Давид. Однообразно-серый, застывший, — но не как экспонат в музее, а как существующий «в своем собственном времени длящейся Священной истории».

Нельзя не сказать и о тех замечательных статьях, что собраны во второй части издания — «Иерусалим в первой половине XIX века», где подробно рассказано об иерусалимской топографии, кварталах, населении, конфессиях; изложена и краткая история города — начиная с первых упоминаний о нем в ханаанский период до Рождества Христова и далее до XIX века. ■

Вероника БУЗЫНКИНА

«Радонеж»

Паломническая служба «Радонеж» организует поездки по святыням России и зарубежья:

• однодневные и многодневные поездки по России в течение всего года;

• теплоходные маршруты в июле и августе: Санкт-Петербург, Валаам, Коневец, Александро-Свирский монастырь, Кижи, Соловки;

• еженедельные вылеты на регулярных рейсах на Святую Землю: Иерусалим, Вифлеем, Иордан, Назарет, Тиверия;

• еженедельные поездки: Греция – Италия – Афон. Салоники, Корфу, Метеоры, Бари (Италия).

Помимо паломнических поездок, «Радонеж» организует туристический отдых: Болгария — с июля по август, Черногория — с мая по октябрь, Крым — с июня по сентябрь, Кипр — с апреля по ноябрь.

Адрес: ул. Пречистенка, д. 28.
Тел/факс: (495) 937-57-91, 225-42-68.
E-mail: palomnik@radonez.ru
www.radonez.ru

«Фавор»

Просветительский паломнический центр «Фавор» назван в память о месте Преображения Господня на горе Фавор. Центр действует при Отделе религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви Московского Патриархата с 2000 года.

Паломнические группы на Святую Землю отправляются еженедельно. Двухнедельные поездки к христианским святыням Израиля и Синая — каждый месяц. Отдельно можно посетить христианский Каир, Александрию и монастыри Египта.

Каждый месяц паломники направляются в Европу — к святыням Италии, Франции, Германии, а также в Турцию, на Кипр, в Грецию и на Святую гору Афон. В числе редких поездок — Испания и Мальта.

Организованные Центром группы возглавляют священнослужители: в пути совершаются молебны, у особо чтимых святынь служится Божественная литургия.

Паломнический центр «Фавор» работает с 10.00 до 19.00.

Адрес: ул. Большая Якиманка, д. 38 А, под. 4, офисы 305, 308.
Тел.: 238-96-04, 238-97-04, 238-56-16, 649-14-25.
www.favor-msk.ru

«Лемек»

В православном понимании паломничество — это посещение святых мест, монастырей, храмов. Однако само понятие «паломничество» возникло в связи с путешествиями на Святую Землю для поклонения местам, связанным с именем Спасителя.

В современном мире паломничество часто путают с туризмом. Но эти понятия имеют разный характер. В то время как цель туризма — получение новых знаний, впечатлений, паломничество имеет чисто религиозное значение. Совершаясь по благословению Церкви, паломничество является своего рода богослужением, духовной работой, очищением души. Его также называют поклонничеством, поскольку основная цель паломника — поклонение святым местам.

На севере Израиля расположены многие святыни: Назарет, Галилейское море, место Крещения Христа в Иордане и многие другие. В сердце Святой Земли — Иерусалиме — можно посетить места, где проходили последние дни земной жизни Иисуса Христа: Виа Долороса, Голгофа, Храм Гроба Господня. Особой любовью русских паломников пользуются маршруты, связанные с жизнью Божией Матери.

«Лемек» работает в будни — с 10.00 до 19.00, в субботу — с 11.00 до 16.00. Расположение — недалеко от станции метро «Маяковская».

Тел.: (495) 921-22-65 (многоканальный)
www.isra.ru

«Ковчег»

Паломническая служба «Ковчег» работает по благословению архиепископа Ярославского и Ростовского Кирилла, под духовным окормлением Свято-Алексиевской пустыни.

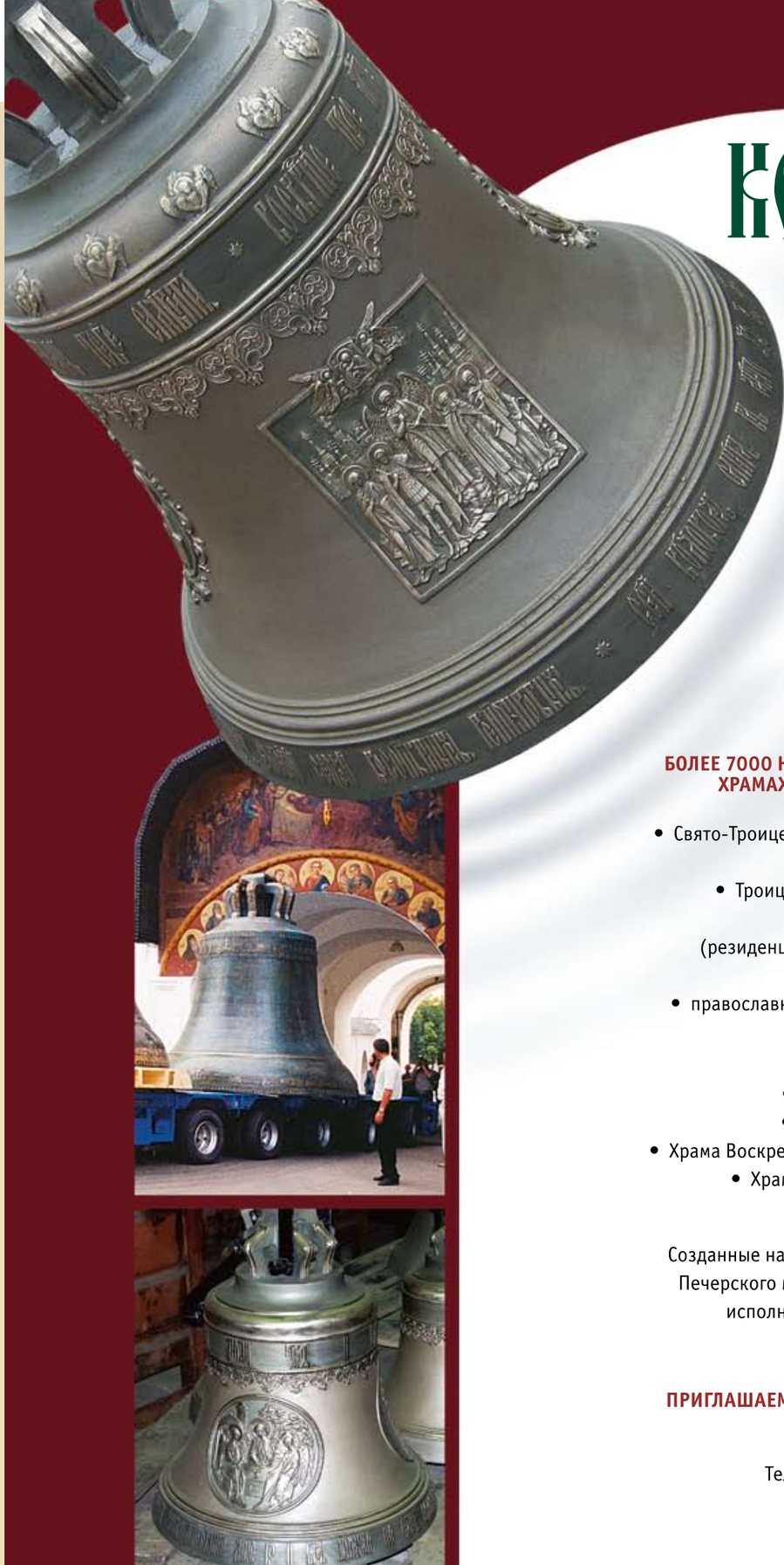
Организуются регулярные паломнические поездки:

• **святые места зарубежья:** Иерусалим, Вифлеем; Италия (Флоренция, Рим, Ватикан, Амальфи, Салерно, Бари, Ланчано, Лоретто, Венеция, Неаполь), Греция – Италия – Афон, Кипр, Черногория, Египет (Синай), Болгария и многие другие.

• **святые места России:** Соловки; Валаам; Муром – Дивеево – Арзамас – Санаксары; Псков – Печоры – Новгород – Валдай; Санкт-Петербург – Вырица – монастыри Ладоги; Оптина пустынь – Шамордино – Пафнутиев Боровский монастырь – Макарьевская пустынь – Тихонова пустынь; Селигер; Нилова пустынь – Владимир – Боголюбово; Переславль-Залесский; Сергиев Посад; Годеново; Серпухов; Колюпаново; Давидова пустынь; Можайск – Бородино; Звенигород; Новый Иерусалим; Кашин, Калязин и многие другие;

• **святые места Москвы:** «Чудотворные иконы Москвы», «Святые и как они нам помогают», «Блаженные и юродивые – чудотворцы»;

• **святые места Украины**: Крым, Киев, Чернигов, Почаев, Закарпатье. ➥



КОЛОКОЛА
ОДМК – ЗИЛ

ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕРУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
создано на базе акустической лаборатории ЗИЛа. Более 16 лет мы занимаемся возрождением традиционного колокольного звона. В основе производства – результаты исследования старых русских колоколов XVII-XIX веков. Наша авторская методика позволяет сразу создать гармоническое звучание всей звонницы или подбирать колокола постепенно. Отливая колокола, мы учитываем архитектурные особенности колокольни и историю строительства храма.

БОЛЕЕ 7000 НАШИХ КОЛОКОЛОВ УЖЕ ЗВУЧАТ В ХРАМАХ РОССИИ, БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ. В ТОМ ЧИСЛЕ В:

- Свято-Троице-Серафимо-Дивеевском монастыре
- Сретенском монастыре в Москве
- Троице-Сергиевом Варницком монастыре
- Храме Нерукотворного Образа (резиденция Президента РФ в Ново-Огарево)
- храмах на Куликовом поле
- православном храме Святой Екатерины в Риме

ВОССОЗДАНЫ ЗВОНЫ:

- Храма Христа Спасителя в Москве
- Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
- Храма Воскресения Христова в Ханты-Мансийске
- Храма «Большое Вознесение» в Москве

Созданные нами наборы колоколов для курантов Печерского монастыря Нижегородской епархии исполняют мелодии «Боже, Царя храни» и «Коль славен Бог».

ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ НАШЕ ПРОИЗВОДСТВО
Адрес: 115280, Москва,
ул. Автозаводская, дом 23, «ОДМК»
Тел/Факс (495) 674-60-58, 677-22-66;
e-mail: odmk@online.ru
www.odmkbells.ru

В поездках предполагается участие в богослужениях, омовение в святых источниках.

Вы можете совместить посещение зарубежных святынь с отдыхом на морском берегу по доступным ценам (Крым, Черногория, Болгария, Кипр, Греция, Италия). Организованным группам, паломническим службам и туристическим агентствам предоставляются скидки.

Стоимость паломнических поездок «Ковчега» – одна из самых низких в Москве. Цена включает проезд, питание (2-х разовое – обед, ужин), проживание и экскурсии (если предполагается доплата, то о ней сообщается до поездки). Возможно групповое и индивидуальное экскурсионное обслуживание.

Адрес: Москва, Саймоновский проезд, д. 7, офис 21, под. 2, этаж 2. Проезд: метро «Кропоткинская», справа от Храма Христа Спасителя (30 м через дорогу).

Диспетчерская служба работает в будни с 11 до 20 ч.

Телефоны:

путешествия за рубеж:
(495) 695-29-85, 514-77-81, 504-75-57.

путешествия по России:
(495) 661-36-88.

Тел. оперативной связи:
(495) 514-40-00, 504-75-57.

E-mail: 01@cxolii.ru

www.kovceg.ru

Паломнический центр «Иерусалим»

Санкт-Петербургское представительство Паломнического центра «Иерусалим» (Израиль) приглашает совершить поклонение православным святыням Святой Земли.

Агентство организует индивидуальные и групповые поездки из Северной столицы на Великие и двунадесятые праздники. Обязательным условием работы «Иерусалим» считает присутствие священника в каждой паломнической группе: для совершения Таинств исповеди и причастия. Благодаря этому, а также качественному обслуживанию по умеренным ценам, агентство сформировало вокруг себя круг постоянных и благодарных паломников. С 1999 года центр ежегодно принимает участие в выставках «Православная Русь».

Кроме поездок на Святую Землю и в страны Ближнего Востока (Иордания, Египет, Сирия, Ливан), «Иерусалим» организует регулярные паломнические туры в Грецию (Греческие острова, Афон), Кипр, Италию, Черногорию, Болгарию, Турцию. Все эти поездки можно совместить с отдыхом на море.

Адрес: Санкт-Петербург, «Пл. Восстания», пер. Ульяны Громовой, д. 6.

Тел. в Санкт-Петербурге:
(812) 973-09-83,
275-48-90, 275-35-73.

www.airconsul.ru

«Троицкий паломник»

Паломнический центр «Троицкий паломник» является подразделением Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Центр работает с 2003 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

Как просветить людей и укрепить в них веру? «Троицкий паломник» делает это через вовлечение человека в живую связь прошлого и настоящего русского Православия — части Православия Вселенского.

Центр знакомит паломников с духовным наследием Русской и Вселенской Православной Церкви; с жизнью и деятельностью подвижников благочестия, исповедников и новомучеников Российских; с церковной жизнью приходов; историей православных монастырей; историческим, архитектурно-художественным и культурным наследием; с памятниками церковного искусства, зодчества и иконописи.

«Троицкий паломник» организует поездки по святым местам России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Израиля, Синая — Египта, Малой Азии — Турции — Каппадокии, Сирии — Ливана, Иордании, Греции, Кипра, Болгарии, Румынии, Черногории, Сербии, Чехии, Италии, Франции, Германии, Польши, Финляндии, Испании, а также на Святую гору Афон. Путешествия проходят, как правило, в сопровождении священнослужителей из разных епархий.

Особой популярностью пользуется паломничество по православной Москве: тематические поездки, в том числе специальные программы для молодежи.

Адрес: 129090, Москва,
2-й Троицкий пер., д. 6, под. 2.

Тел./факс: 600-63-37.

Тел.: 600-68-00, 600-61-18.

www.palomnik.su

ПАЛОМНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХИИ

Паломнический центр Нижегородской епархии

По благословению архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия паломнический центр Нижегородской епархии организует поездки по святым местам Нижегородской земли, России и зарубежья.

Центр приглашает посетить нижегородские святыни: Дивеево, Макарьево, Оранки, Городец, Балахну, Светлояр и другие. Возможна организация групповых и индивидуальных поездок на разное количество дней, в том числе по храмам и монастырям Нижнего Новгорода и области. Приглашаются к сотрудничеству епархии, церковные приходы, паломнические и туристические организации, коллективы предприятий и учебных заведений.

Подробности на сайте:
www.nne.ru
или **по тел.:** (831) 211-49-70. ■